Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ

ПОЗОРЪ ДИНАСТІИ

ОЛИТИЧЕСКІЙ
ОМАНЪ

Н. Н. Брешко-Брешковскій.

ПОЗОРЪ ДИНАСТІИ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

въ 2-хъ частяхъ.

ПЕТРОГРАДЪ,
изданіе товарищества „Новый Сатириконъ".
1917.

ТИП. ТОВ. «ГРАМОТНОСТЬ»
ПЕТРОГРАДЪ, 5 Рождеств., 44.
:: Телефоны: 51-76 и 68-66. ::

Часть первая.

---

1. Въ пріемной министра.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ принималъ по пятницамъ съ двухъ до пяти. Къ половинѣ третьяго, въ большомъ залѣ съ холоднымъ, тяжелымъ убранствомъ и сіяющимъ паркетомъ, отражавшимъ казенную мебель, собралось много разношерстной публики, явившейся къ новому министру, кто на поклонъ, кто по настоящему дѣлу, а кто, выклянчить себѣ что-нибудь.

„Министръ съ вѣсомъ",—такъ нѣкоторые называли Хвостова румянаго, съ мальчишескимъ налитымъ, какъ спѣлое яблоко, лицомъ, тучнаго, вѣсившаго, по его собственному признанію, двѣнадцать пудовъ.

Со стѣнъ, изъ массивныхъ золоченыхъ рамъ смотрѣло на Хвостовскихъ просителей цѣлыхъ пять поколѣній русскихъ царей. Это вышло, разумѣется, совершенно случайно, а только подъ портретомъ Николая Павловича, этого „жандарма Европы" и создателя корпуса жандармовъ, расположились именно жандармскіе генералы и полковники, несмотря на военное время, одѣтые не въ защитную форму, а въ темно-синіе мундиры, сіявшіе серебромъ погоновъ и лядунокъ.

Тихая рѣчь, мягкій, вѣжливый взоръ. О, этотъ жандармскій взоръ и обволакивающій, такой учтивый и въ то же время непроницаемый, холодный, металлическій.

Съ медовой рѣчью на устахъ и „безпокойной ласковостью во взглядѣ“ эти самые „бирюзовые“ полковники, допросивъ „мятежныхъ“ курсистокъ и студентовъ, завѣдомо чахоточныхъ, или туберкулезныхъ, ссылали ихъ административнымъ порядкомъ въ Нарымскій край, куда-нибудь навстрѣчу страшнымъ призракамъ голода, холода, разнузданнаго произвола пьяныхъ тюремщиковъ и въ концѣ концовъ,—смерти.

Средь пустыннаго пейзажа стоитъ въ романтической позѣ, самъ, собою любуясь,—вотъ, молъ, я какой обворожительный!—Александръ Первый, этотъ „сфинксъ“, недалекій, лукавый и вѣроломный, эта бездарность, круглое ничтожество, нелѣпымъ броскомъ капризной судьбы восторжествовавшее надъ геніемъ Наполеона. Этотъ сантиментальный комедіантъ, примирявшій слезливую чувствительность нѣжнаго сердца съ Аракчеевскими шпицрутенами, что превращали многострадальныя солдатскія спины въ бифштексы.

А вотъ рядомъ отецъ и сынъ,—легкомысленный, мечтательный, поэтическій Александръ Второй съ голубыми глазами, умѣвшій такъ красиво грассировать, изящный въ своей гусарской венгеркѣ и рыжебородый плечистый гигантъ въ гвардейскомъ сюртукѣ Александръ III. Волюшки и силушки въ немъ,—уголъ непочатый

У всѣхъ четырехъ монарховъ, у каждаго по своему несомнѣнно было что-то царственное во внѣшности. Даже у такого солдафона, какъ Николай Павловичъ.—было. А вотъ „полковникъ“ этотъ ужъ совсѣмъ подгулялъ, мѣшковатый, неказистый въ своихъ пѣхотныхъ шароварахъ, въ „штабсъ-капитанскихъ“, закрывающихъ губы усахъ и въ сдвинутой на бекрень фуражкѣ. Рядомъ съ Николаемъ II, любой средній гвардейскій офицеръ,—отмѣнный баринъ и щеголь.

Публика, въ ожиданіи начала пріема, уже наскучивъ говорить другъ съ другомъ,—кто былъ знакомъ

между собою,—отъ скуки и отъ нечего дѣлать разсматривала царскіе портреты.

Каждый при этомъ свое думалъ.

Вельможная старуха съ двоящимся подбородкомъ, строго одѣтая во все черное, при взглядѣ на Царя-Освободителя вспоминала свой собственный романъ съ этимъ обаятельнымъ дамскимъ угодникомъ...

Будь онъ живъ... Ахъ, еслибы онъ жилъ,—не пришлось бы ей обивать пороги министерскихъ переднихъ. Hélas!—она такъ и подумала по французски,—hèlas!

„Бирюзовые“ полковники и генералы обращали свой ласковый взоръ на Николая Павловича, давшаго Бенкендорфу знаменитый символическій платокъ:

— Чѣмъ больше утрешь этимъ платкомъ слезъ невинныхъ, убогихъ и сирыхъ, тѣмъ лучше выполнишь свое назначеніе!

И самъ Бенкендорфъ, этотъ безграмотный нѣмчура и грубый солдатъ, цензуровавшій „сочинителя Пушкина“ и рядъ „бирюзовыхъ“ поколѣній своеобразно поняли красивый жестъ „европейскаго жандарма“.

Сѣдобородый, нахохлившейся еврей, цѣпко державшій какую-то бумагу, чуждый и одинокій здѣсь, примостившійся на кончикъ обитаго штофомъ кресла, кинувъ изъ-подъ нависшихъ бровей косой взглядъ на огненную бороду Гатчинскаго Отшельника, вспомнилъ анекдотъ, гдѣ одинъ еврей говоритъ другому: „А знаешь, у меня большое сходство съ Александромъ III: мы оба не имѣемъ права жительства въ Петербургѣ.“

Старинные часы временъ имперіи, шкапчикомъ краснаго дерева, пріютившіяся въ углу, музыкально и чисто уже пробили три, а завѣтная дверь въ кабинетъ министра не открывалась еще. Длинный курьеръ, весь въ медаляхъ, каменѣлъ возлѣ нея истуканъ-истуканомъ. Секретарь, необыкновенно благообразнаго вида, лощенный петроградскій чинушъ въ вицъ-мундирѣ, неслышно скользившій на такихъ мягкихъ, безшумныхъ по-

дошвахъ,—любой кинематографическій фантомасъ позавидовалъ бы,—попробовалъ было сунуться въ дверь, но тотчасъ же турманомъ вылетѣлъ оттуда. Министръ, очевидно, цукнулъ его здорово.

На диванчикѣ сидѣли рядомъ краснолицый шталмейстеръ въ кителѣ со жгутами, въ шароварахъ съ генеральскимъ лампасомъ и молодой, блѣдный, тощій, какъ высосанная спаржа, лысый весь, несмотря на свои двадцать девять лѣтъ вице-губернаторъ. Говорили шопотомъ. Шталмейстеръ—густымъ хрипловатымъ шопотомъ человѣка, умѣющаго и любящаго выпить. Вице-губернаторъ пискливымъ тоненькимъ тенóркомъ,—дрянь,—а не голосъ.

— Сиди за этой дверью Маклаковъ, я былъ бы совершенно спокоенъ,—молвилъ вице-губернаторъ.—По одному слову, по одной записочкѣ, сколькихъ онъ губернаторовъ устроилъ! Да что губернаторовъ! Я самъ знаю трехъ директоровъ департамента, обязанныхъ своимъ назначеніемъ Григорію Ефимовичу. Григорій Ефимовичъ далъ мнѣ и къ Алексѣю Николаевичу письмо. Я только не знаю, будетъ-ли имѣть успѣхъ. Вотъ!.

Спаржеобразный вице-губернаторъ вынулъ изъ незаклееннаго конверта измятый листикъ почтовой бумаги. Наверху сдѣланъ былъ крестъ, а подъ нимъ стояло крупными, шатающимися каракулями,-словно топоромъ вырубилъ ихъ безграмотный мужикъ: „Милай, выслушай яго, зделай. Григорій“

Шталмейстеръ, повертѣлъ клочекъ бумаги, вернулъ собесѣднику.

— Какъ вы думаете?—съ надеждой спросилъ чающій движенія воды,—вице-губернаторъ.

— Не знаю право,—отвѣтилъ шталмейстеръ.—Маклаковъ, тотъ навѣрное сдѣлалъ бы, а этотъ,—не знаю. Маклаковъ, былъ шутомъ гороховымъ при Григоріи Ефимычѣ. Противно было смотрѣть. Гриша напьется, бывало, и говоритъ ему: „А, ну-ка представь мнѣ эту самую,

какъ ее,—тигру.-„Пантеру“-поправляетъ Маклаковъ.— Ну, пантеру, все едино“. И вотъ министръ внутреннихъ дѣлъ опускается на четвереньки, изгибаетъ спину, рычитъ, а пьяный мужикъ хохочетъ... Я, вы знаете мои убѣжденія,—изъ правыхъ правый, а и мнѣ становилось мерзко..

— Но вѣдь это-же въ общемъ... забавно—хихикнулъ вице-губернаторъ блудливо и подленько.

— Благодарю, — отвѣтилъ шталмейстеръ, водившій съ Маклаковымъ свои старые личные счеты. Наклонившись къ вице-губернатору и обдавая его запахомъ вина и сигары, шталмейстеръ продолжалъ,— вѣдь эта пантера дала ему министерскій портфель. Когда его величество былъ въ Черниговѣ, помните— Маклаковъ, забавляя наслѣдника, возился съ нимъ на коврѣ и такъ-же выгибалъ спину, ощетинивался, рычалъ. Наслѣдникъ былъ въ восторгѣ и потомъ уже въ Царскомъ часто вспоминалъ Маклакова. И вотъ вамъ, ловкій пролазъ выскочилъ въ министры.

— Ваше сіятельство, вы сгущаете краски...

— Ничуть не сгущаю, фактъ остается фактомъ. Повторяю еще разъ: вашъ покорный слуга былъ изъ правыхъ правый, но теперь я, понимаете, я начинаю лѣвѣть. А война? Что это такое мой милый баронъ?

Откуда-то изнутри послышался звонокъ и всѣ, „бирюзовые“ полковники и генералы, вельможная дама въ траурѣ, шталмейстеръ съ вице-губернаторомъ, и нахохлившійся еврей,—всѣ одинаково встрепенулись, словно пронзенные электрическимъ токомъ. Длинный курьеръ, мгновенно утратившій видъ свой обалдѣлой каріатиды, шарахнулся въ кабинетъ, вернулся, позвалъ секретаря, этого обладателя фонтамасовыхъ подошвъ.

У новаго министра Алексѣя Николаевича Хвостова начался пріемъ.

2. Хвостовъ и Гриша.

Но чѣмъ-же занятъ былъ министръ внутреннихъ дѣлъ, на цѣлый часъ затянувшій пріемъ? Къ тому-же доподлинно было извѣстно, что подъѣхалъ Алексѣй Николаевичъ на кровномъ,—хоть картинку пиши,—рысакѣ, въ самомъ началѣ третьяго. Подъѣхалъ разрумяненный легкимъ морозцемъ, видимо, послѣ вкусаго завтрака, съ дымящейся сигарой въ зубахъ. Полный, казавшійся еще полнѣе въ желтой бекешѣ, неся впереди себя громадный животъ, почтительно высаженный швейцаромъ, очутился въ служебномъ кабинетѣ своемъ, едва протиснувъ раскормленное тѣло въ маленькую, узенькую дверь, настолько скрытую въ глубинѣ кабинета, громаднаго, какъ всѣ кабинеты сановниковъ, что могла сойти за потайную.

Спустя нѣсколько минутъ въ эту-же самую дверь вошелъ долговязый, молодой человѣкъ „неопредѣленныхъ лѣтъ". Ему легко можно было дать и двадцать два года и всѣхъ тридцать пять. Голое косистое лицо. Такія лица называютъ „босыми",—ни бороды, ни усовъ, ни бровей, ни рѣсницъ, а вмѣсто волосъ на головѣ, какое-то чахлое недоразумѣніе.

Одѣтъ онъ въ форму уполномоченнаго,—узенькій обще-дворянскій погонъ съ красным крестикомъ, защитный китель, шашка, сапоги со шпорами, все честь—честью.

Звали молодого человѣка неопредѣленныхъ лѣтъ—Ржевскимъ. Одно время онъ шатался въ болгарской формѣ, выдавая себя за Фердинандова кавалерійскаго офицера. Шатался по редакціямъ, гдѣ пилъ казенный чай, курилъ папиросы и плелъ цѣлые турусы на колесахъ о своихъ подвигахъ въ первой балканской войнѣ, о

своей близости къ военному министру Сухомлинову супруга котораго, Екатерина Викторовна, ему, Ржевскому, приходится тетушкой. Былъ ли въ самомъ дѣлѣ Ржевскій племянникомъ почтенной Екатерины Викторовны, кто его знаетъ, но, во всякомъ случаѣ, усердно обивалъ Сухомлиновскіе пороги и черезъ него, Ржевскаго, освѣдомлялъ газеты военный министръ о полной готовности арміи встрѣтить войну въ любой моментъ и побѣдно изъ нея выйти.

Сверкалъ Ржевскій въ болгарскомъ мундирѣ до тѣхъ самыхъ поръ, пока продажная болгарская сволочь не нанесла свой предательскій ударъ въ спину окровавленной Сербіи. Спустя нѣсколько дней Ржевскій, пристроившійся къ организаціи Екатерины Викторовны Сухомлиновой, щеголялъ уже въ формѣ уполномоченнаго. А съ назначеніемъ Хвостова министромъ внутреннихъ дѣлъ, знавшій Алексѣя Николаевича по Нижнему-Новгороду, гдѣ Хвостовъ довольно шумно губернаторствовалъ тридцати двухлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, Ржевскій устроился на службу въ петроградской охранкѣ. Жилъ этотъ господинъ съ „босымъ" лицомъ — припѣваючи. У супруги его появились бриллiанты. Но не охранка была источникомъ благополучія, а весьма выгодное „толкачество". Многихъ шантажировалъ Ржевскій именемъ Сухомлинова и во всю мародерствовалъ.

Поблескивая насмѣшливыми, темными глазами и разглядывая бѣлыя пухлыя руки свои, министръ внутреннихъ дѣлъ молвилъ стоявшему передъ нимъ Ржевскому:

— Итакъ, милѣйшій, не теряя дорогого времени, отправляйтесь въ Норвегію къ Илліодору и купите у него письма къ Гришкѣ императрицы и великихъ княженъ.

— А у Илліодора есть ихъ письма? — зажегся Ржевскій.

— Вопросъ? Натурально есть! Иначе я бы не посылалъ васъ. Хитрая каналья, онъ спаивалъ Распутина

и незамѣтно выкрадывалъ у него письма, которыми Гришка ему хвастался. Вѣдь онъ всѣмъ хвастаетъ и трезвый, и пьяный... своей близостью...

— И вы думаете, Алексѣй Николаевичъ, Илліодоръ продастъ?..

— За деньги? Отца родного!—усмѣхнулся Хвостовъ сверкая мелкими, ровными бѣлыми зубами,—развѣ у этой канальи есть что-нибудь святое? Для того и выкрадывалъ, что-бы потомъ использовать...

— Какую сумму вы ассигнуете?

— Думаю, тысячъ за двадцать—уступитъ. Торгуйтесь! А затѣмъ, затѣмъ спросите у него имена и мѣстожительство наиболѣе рьяныхъ Царицынскихъ фанатиковъ, готовыхъ за Илліодора въ огонь и воду.

— А это зачѣмъ?

— А это васъ не касается,—оборвалъ министръ,—чрезмѣрная любознательность если и не порокъ, то, во всякомъ случаѣ, и не добродѣтель. Но помните, Ржевскій дѣйствуйте осторожно и съ большимъ тактомъ. Ваша поѣздка туда и назадъ, независимо отъ успѣха, или не успѣха, не должна оставить никакихъ документальныхъ слѣдовъ. Въ Бѣлоостровѣ, показавъ Тюфяеву свой документъ изъ охранки, вы, буде явится необходимость, словесно скажете съ глазу на глазъ, что командированы министромъ внутреннихъ дѣлъ. На обратномъ пути спрячьте письма въ надежное мѣсто. Кто знаетъ—береженнаго Богъ бережетъ.

— У меня двойныя голенища, Алексѣй Николаевичъ. Врядъ-ли кому придетъ въ голову.

— Ну, знаете, жандармскія головы изобрѣтательны весьма и весьма! Но я убѣжденъ, васъ не посмѣютъ обыскивать, зная, что вы командированы лично мною. Повторяю, побольше такта. Вѣдь, вы, легкомысленный шелопай, можете испортить все дѣло. Дѣло исключительной важности. Къ тому-же, эта полицейская крыса

Бѣлецкій, не дремлетъ. Спитъ и видитъ, какъ-бы подъ меня подкопаться...

Давъ еще нѣсколько напутственныхъ наставленій своему агенту и, самое главное, снабдивъ его чекомъ на кругленькую сумму, Алексѣй Николаевичъ отпустилъ Ржевскаго, приказавъ сегодня-же вечеромъ выѣхать.

Отпустилъ, а самъ машинально барабаня бѣлыми пухлыми пальцами по громадному письменному столу съ цѣлой системою внѣшнихъ и внутреннихъ телефоновъ, переплетавшихся многочисленными шнурами, задумался. И такъ ушелъ въ свои мысли, что совсѣмъ забылъ объ ожидающей его пріема толпѣ.

И когда рѣшившій въ недобрый часъ напомнить министру объ этомъ, секретарь на безшумныхъ подошвахъ, сунулся было въ кабинетъ, Хвостовъ цукнулъ его такъ, что вицъ-мундирный чинушъ еле-еле унесъ свои ноги.

Съ перваго же дня, какъ только онъ очутился у власти, у Хвостова гвоздемъ засѣло неотступное желаніе во что бы то ни стало „ликвидировать" Гришку Распутина. Сдѣлавшись министромъ Алексѣй Николаевичъ во всеуслышанье заявилъ газетнымъ интервьерамъ, что одна изъ главныхъ задачъ его программы— борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. Но, увы заманчивое обѣщаніе изъ слова не претворилось въ маломальски реальное дѣло.

Нѣмецкая партія, испугавшись, взяла въ оборотъ всесильнаго эксъ-конокрада Гришку Распутина. Вдохновленный соотвѣтствующимъ „приложеніемъ", Гришка, все болѣе и болѣе входившій во вкусъ крупныхъ взятокъ, началъ дѣйствовать. Онъ сказалъ царю Николаю.

— Алешка-то гусъ каковъ, тоже выдумалъ!

— А что такое Григорій Ефимовичъ?—спросилъ Николай, обычнымъ движеніемъ своимъ потрогивая свисающіе на губы усы.

— Да какъ же, супротивъ нѣмцевъ—то ужъ больно шабаршитъ. Не годится, не хорошо. Нѣмцы—сурьезный народъ, честный народъ, обстоятельный народъ. Пущай живутъ! За что выселять, ты себѣ тамъ воюй, а они пущай живутъ. На нѣмцахъ благодать Божья, да и Гриша за нѣмцевъ. А кто противъ Гриши—тотъ противъ Бога. Ляксандра, супружница твоя, тоже изъ нѣмецкаго сословія. Поди, жена родная. Брось, по хорошему надо, по Божьему. А на толстопузаго цыкни! Коли хошъ, молъ, штобъ по шеѣ не дали... Гриша зачѣмъ? Гриша тебѣ такихъ министеровъ понаставляетъ, была-бы охота! На Гришѣ благодать Господня почіетъ...

Царя менѣе всего надо было убѣждать въ этомъ. Суевѣрный, недалекій и жалкій, онъ свято вѣрилъ, что на Григоріи Ефимовичѣ—благодать Божья. Не надо перечить мудрому старцу, ибо онъ спасетъ и „выведетъ" всю царскую семью.

Кончилось, чѣмъ должно было кончиться. Хвостовъ получилъ весьма прозрачный намекъ, что ежели не хочетъ свернуть себѣ шею, пусть выкинетъ изъ головы всякую дурь о какой-то борьбѣ съ внутреннимъ нѣмцемъ, вообще, и нѣмецкимъ засильемъ, въ частности.

Хвостовъ зналъ, откуда вѣтеръ дуетъ и, обозленный, рѣшилъ, такъ или иначе уничтожить Гришку. Не-мытьемъ, такъ катаньемъ...

Министръ внутреннихъ дѣлъ зналъ, что среди писемъ выкраденныхъ Иліодоромъ, имѣются чрезвычайно компрометтирующія Александру Федоровну.

Почти всѣ они сплошь пестрятъ фразами, вродѣ слѣдующихъ: „Вы мой идолъ, мой Богъ, мой кумиръ". „Я съ ума схожу при одной мысли, что мы разлучны даже на короткое время. Вы для меня и свѣтъ, и солнце, и счастье. „Я ношу на тѣлѣ вашу рубашку".

Николай врядъ ли имѣетъ понятіе объ этой литературѣ, и какой ни на есть онъ мужъ, мужъ царицы,

„письма понравиться ему, во всякомъ случаѣ, не должны. Почемъ знать, быть можетъ, прочитавъ ихъ, онъ пошлетъ ко всѣмъ чертямъ этого здороваго, какъ быкъ, „старца“, превратившаго императорскій дворецъ въ лупанаръ.

Итакъ, первымъ планомъ Хвостова было раскрыть глаза Николаю. Получивъ драгоцѣнныя письма, министръ самъ свезетъ ихъ царю. А если даже и этимъ не прошибешь Николая и онъ будетъ стоять на своемъ, что Гришка святой человѣкъ, тогда уже по другому необходимо дѣйствовать. Надо выписать въ качествѣ гастролеровъ Царицынскихъ фанатиковъ, преданныхъ Илліодору, натравить ихъ на Гришку, съ которымъ безпокойный монахъ въ смертельной враждѣ и пусть расправятся по своему съ Григоріемъ Ефимовичемъ, этимъ позоромъ династіи, позоромъ всея Россіи.

Вотъ о чемъ думалъ Хвостовъ, поблескивая насмѣшливыми глазами. Спохватившись, что уже три часа, министръ началъ пріемъ. „Бирюзовые“ генералы сановники, дамы—всѣ мелькали другъ за другомъ передъ глазами Хвостова, какъ на экранѣ кинематографа. Четырнадцатымъ по счету, послѣ краснолицаго шталмейстера, вошелъ въ кабинетъ спаржевидный вице-губернаторъ баронъ Манерсейнъ. Съ глубокимъ поклономъ, сложившись вдвое, какъ перочинный ножъ, онъ молча протянулъ Хвостову Распутинское посланіе.

— Что это такое?—спросилъ министръ, брезгливо, беря измятый конвертъ.

— Соблаговолите прочесть, ваше высокопревосходительство...

Хвостовъ пробѣжалъ безграмотныя каракули, скомкалъ письмо и швырнулъ на коверъ, а вице-губернатору бросилъ:

— Вонъ! Убирайтесь вонъ!

У высосанной спаржи, мечтавшей о губернаторствѣ, затряслись поджилки.

3. Старый охранникъ.

Всѣ, кто его зналъ—и свои, и чужія и друзья, и недруги, называли его „Степаномъ“. Это Степанъ—шло къ нему. Шло, хотя онъ былъ тайный совѣтникъ, товарищемъ министра.

Для товарища министра—не свѣтскій, даже очень не свѣтскій по внѣшности. Бородатый, длиноволосый,—эти волосы давно уже пропудрены пепельной сѣдиною—въ мѣшковатомъ сюртукѣ, Степанъ Петровичъ Бѣлецкій производилъ впечатлѣніе уѣзднаго врача, или учителя гимназіи.

Захолустный поповичъ, или что-нибудь въ этомъ же родѣ, пришелецъ съ юга, карьеру свою началъ онъ маленькимъ, совсѣмъ маленькимъ чиновникомъ, а потомъ докатился до директора департамента полиціи. На этомъ не столь славномъ, сколь всесильномъ посту,—въ былое время директоръ депатамента полиціи вертѣлъ какъ угодно своимъ министромъ,—Бѣлецій не походилъ нисколько на своихъ предшественниковъ. Всѣ эти Зволянскіе, Лопухины, Трусевичи не отличались доступностью, зато отличались высокомѣріемъ олимпійцевъ. Олимпійцы—изъ охранки.

Степанъ же былъ чрезвычайно доступенъ и простъ. Нѣкоторыхъ просителей, наименѣе искушенныхъ въ чтеніи іероглифовъ темной полицейской души, Бѣлецкій положительно чаровалъ своей „сердечностью“.

Является къ нему скромный чиновникъ-пенсіонеръ хлопотать за сына студента, котораго департаментъ полиціи однимъ легонькимъ щелчкомъ забросилъ изъ Петербурга чортъ знаетъ въ какія дебри Восточной Сибири. До ближайшаго города пятьсотъ верстъ, глушь, ни Бога, ни людей, климатъ убійственный и никого

кругомъ, кромѣ потерявшихъ человѣческій обликъ, распившихся полицейскихъ, да шафраннаго цвѣта дикарей въ звѣриныхъ шкурахъ, съ узкими глазами.

Свободолюбивый юноша тупѣетъ и чахнетъ средь всѣхъ этихъ ужасовъ. Въ письмахъ домой,—не жалуется, гордость мѣшаетъ. Но можно прочесть между строкъ. И родительское сердце читаетъ.

И вотъ отставной коллежскій ассесоръ, облачившись въ пропахшій нафталиномъ вицъ-мундиръ, нацѣпивъ Станислава, плетется въ департаментъ полиціи. Его превосходительство тайный совѣтникъ Бѣлецкій мерещется ему какимъ-то страшнымъ громовержцемъ, полу-богомъ. Одинъ взглядъ и нѣтъ человѣка—готово! Да еще приметъ-ли, допустятъ-ли?

И принялъ, и допустили. Отставной коллежскій ассесоръ и не догадывался, правда, что нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ, словно лучами Рентгена, пронизывали всю его ветхую, заштопанную фигуру,—не таитъ ли она какихъ-нибудь крамольныхъ замысловъ и не оттопыривается-ли въ карманѣ браунингъ?

Съ трепетомъ входитъ отецъ своего сына въ кабинетъ, волнуясь, и склеивая въ умѣ непослушныя фразы,—какъ онъ будетъ просить за своего Петеньку. Но гдѣ же этотъ страшный громовержецъ. Вмѣсто молній, навстрѣчу коллежскому ассесору вскакиваетъ добродушнѣйшій господинъ въ черномъ сюртукѣ, не первой свѣжести. Открытое лицо и сѣдѣющая борода лопатой, борода, за которой или совсѣмъ не ухаживаетъ, или ухаживаетъ очень мало ея обладатель съ мягкимъ южнымъ говоркомъ.

— А, Никандръ Саввичъ Перепелицынъ! Очень радъ познакомиться! Садитесь, дорогой мой, садитесь! Вотъ сюда, въ креслице! Милости прошу, здѣсь вамъ будетъ удобнѣй. Папиросочку?

Къ услугамъ Никандра Саввича—директорскій золотой портсигаръ. Коллежскій ассесоръ не куритъ,

вообще, но развѣ можно отказаться? Дрожащими пальцами извлекаетъ папиросу. Чиркнувшая въ рукахъ директора спичка—тутъ какъ тутъ.—Горитъ, ну и слава Богу. А погодка ничего себѣ, Никандръ Саввичъ. Погодка-то...

— Да, ваше превосходительство, погода чудесная,—ногъ подъ собою не чуя соглашается старикъ.

— Зовите меня просто Степаномъ Петровичемъ. Терпѣть не могу этихъ превосходительствъ, я человѣкъ простой. Давно пора бросить всѣ эти китайскія церемоніи. Что мнѣ скажете хорошенькаго, Никандръ Саввичъ?

— Да вотъ рѣшился безпокоить ваше... васъ, Степанъ Петровичъ, насчетъ сына моего Петеньки.

— Конечно, студентъ! Этакая горячая благородная голова! Ахъ, молодость, молодость! Я, вѣдь, самъ знаете былъ студентомъ, самъ пережилъ всѣ эти увлеченія... Міръ перевернуть хотѣлось и какъ видите очутился въ департаментѣ полиціи. Но, увѣряю васъ, дорогой Никандръ Саввичъ, подлецъ на моемъ мѣстѣ можетъ принести много зла. Я потому и пришелъ сюда, что могу принести много пользы. Вотъ, напримѣръ, вашего Петю. Чего-бы вамъ хотѣлось? Освободить совсѣмъ? Не могу, не могу, при всемъ желаніи. А перевести поближе, ослабить режимъ—съ превеликимъ удовольствіемъ! У васъ курится, или погасло? Спичечку! Такъ вотъ, почтеннѣйшій Никандръ Саввичъ, оставьте мнѣ маленькій для памяти меморандумъ. Мы вашего Петеньку живымъ манеромъ, этакъ тысячъ на пять верстъ приблизимъ, ну и режимъ будетъ значительно ослабленъ. Сегодня-же протелеграфирую... Имѣю честь. Будьте спокойны. Ахъ, меморандумъ уже готовъ? Спасибо вамъ сердечное. Милости просимъ, заходите когда-нибудь покалякать за папиросочкой. Ахъ, эти студенты, милыя увлекающіяся головы! Люблю „политическихъ", хоть и нѣсколько расходимся въ убѣжденіяхъ, но люблю!

Отставной коллежскій асессоръ, не вѣря ни ушамъ своимъ, ни глазамъ, очутившись на седьмомъ небѣ, возвращается къ себѣ на Гулярную улицу и плачетъ на груди у жены:

— Вотъ человѣкъ! Ангелъ Божій! Успокоилъ, утѣшилъ. Понимаешь, тайный совѣтникъ, у меня папироска гаснетъ такъ онъ пять спичекъ извелъ своими собственными руками! Сегодня же дастъ телеграмму на предметъ Петеньки. И ближе переведутъ и надзоръ ослабятъ!

Проходятъ недѣли, мѣсяцы, всѣ эти маленькія единицы вытянулись въ длинный-предлинный годъ, а Петенька продолжаетъ чахнуть въ болотистыхъ тундрахъ, —убійственный климатъ развѣ только только по плечу дикарямъ-туземцамъ.

Вотъ и умеръ Петенька тамъ далеко, на краю свѣта, оплакали его отецъ съ матерью, а все же остались при особомъ мнѣніи, что Степанъ Петровичъ Бѣлецкій, навѣрное послалъ телеграмму, навѣрное сдѣлалъ все, что могъ, но мѣстная власть, желавшая уморить бѣднаго Петеньку, его не послушала.

Потомъ Бѣлецкаго сдали въ архивъ, называющійся сенатомъ, или въ сенатъ, называющійся архивомъ, а тамъ глядишь уже во время войны онъ всплылъ товарищемъ министра. Говорили, его устроилъ Распутинъ, въ благодарность за то, что Бѣлецкій помогъ банкирамъ Рубинштейну и Манусу наладить охрану драгоцѣннѣйшей особы старца Григорія. А ужъ кому и книги въ руки въ этомъ отношеніи, какъ не старому охраннику, посѣдѣвшему въ департаментѣ полиціи?

Хвостова Бѣлецкій не взлюбилъ съ первыхъ же шаговъ. Во-первыхъ, какъ барина, бѣлую кость, а, во вторыхъ, какъ соперника. Самъ Бѣлецкій, аппетитно облизываясь, мечталъ о министерскомъ пертфелѣ, а для этого надо скушать Хвостова, выдернуть изъ-подъ него кресло и съ помощью всесильнаго Гриши самому въ это кресло усѣсться.

Въ тотъ же самый день и даже часъ, когда Хвостовъ принималъ въ секретной „аудіенціи“ Ржевскаго, Бѣлецкій у себя, на Бассейной въ скромномъ домашнемъ кабинетѣ, сидѣлъ съ барономъ Нилусомъ, матовымъ красивымъ брюнетомъ съ густой черной бородкой и моноклемъ въ глазу.

— Курите, дорогой баронъ. Вотъ я вамъ спичечку. Вотъ... Чиркъ и готово! Да, такъ этотъ прохвостъ Ржевскій... я къ нему сразу приставилъ охранника, а когда узналъ, что у его жены появились брилліанты, я къ нему приставилъ двухъ охранниковъ. Толкачествомъ, мародерствомъ занимается, нашелъ время! Развѣ это патріотично? У меня ужъ кой-какіе документики имѣются. Документикъ, великое дѣло, не правда ли, милый баронъ?—весело и добродушно разсмѣялся товарищъ министра.—Ну-съ, такъ вотъ сегодня Алексѣй Николаевичъ отправляетъ Ржевскаго въ путь-дорогу къ Иліодору. Вамъ надо будетъ выѣхать часомъ-двумя раньше, чтобъ очутиться въ Бѣлоостровѣ до Ржевскаго, а съ вами поѣдетъ за компанію переодѣтый въ штатское ротмистръ Ембовецкій. Онъ хотя и не жандармъ, но жандармъ въ душѣ. Есть люди,—такими они родятся,—полицейскіе по призванію. Вотъ и Ембовецкій. Намъ что надо первымъ дѣломъ? Надо зафиксировать проѣздъ Ржевскаго черезъ финляндскую границу и проѣздъ съ Хвостовскаго соизволенія,—это самое главное. Нельзя, чтобы Ржевскій промелькнулъ безплотной тѣнью.

— А какъ это сдѣлать?

— А я вамъ сейчасъ скажу, какъ. Передайте отъ моего имени полковнику Тюфяеву, чтобъ онъ наступилъ Ржевскому на ногу.

— То-есть, какъ это на ногу? Въ переносномъ смыслѣ? —не понялъ баронъ.

— Въ самомъ прямомъ, мой дорогой, въ самомъ прямомъ! Я вамъ сейчасъ скажу. Рисую такую сцену:

Ржевскій показываетъ Тюфяеву документъ и говоритъ на словахъ, такъ, молъ, и такъ, ѣду, секретно командированный министромъ внутреннихъ дѣлъ. Намъ это мало, намъ вынь да положь документикъ. Вообразите, что полковникъ Тюфяевъ, бесѣдуя, всей тяжестью, какъ—бы невзначай, отдавливаетъ Ржевскому ногу. Другой опытный охранникъ смолчитъ, проглотитъ, чувствуя, гдѣ тутъ зарыта собака, Ржевскій—балда, молокососъ, фанфаронъ—начнетъ возмущаться. Тюфяевъ вторично ему—на ногу, Ржевскій, оскорбленный будетъ требовать протоколъ. Намъ больше ничего не надо. Въ протоколѣ выйдетъ чернымъ по бѣлому: такъ, молъ, и такъ, Ржевскій, командированный за границу министромъ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовымъ, былъ оскорбленъ жандармскимъ полковникомъ Тюфяевымъ. Вы можете себѣ представить какое впечатлѣніе произведетъ эта бумажечка въ Царскомъ Селѣ? Можете?

— Степанъ Петровичъ, да вѣдь это же геніально, вы—геній! – роняя монокль, горячо воскликнулъ, баронъ восхищенный изобрѣтательностью Бѣлецкаго.

— Полно, дорогой, вы меня конфузите. Какая же это геніальность? Такъ себѣ, нѣкоторый служебный опытъ, не больше. Такъ помните-же дорогой, приказъ Тюфяеву—лаконическій: наступить на ногу. Ржевскій васъ не знаетъ въ лицо?

— Думаю, что не знаетъ.

— Да это и не важно. Спрячьтесь съ Ембовецкимъ у Тюфяева на квартирѣ, а потомъ слѣдомъ за Ржевскимъ до Торнео. Въ Торнео и ждите. Какъ только онъ вернется, надо обыскать каналью. Письма везите прямо ко мнѣ, а ужъ я ихъ изъ рукъ въ руки, изъ полы въ полу,—Григорію Ефимовичу. Старецъ не забудетъ вашей услуги. Вѣдь, вы же знакомы съ Григоріемъ Ефимовичемъ?..

— Еще-бы и онъ у меня, и я у него. Я былъ у Григорія Ефимовича на Гороховой вчера. Онъ намек-

нулъ мнѣ даже. Тутъ, говоритъ, одно дѣльце предвидится, ежели обтяпаешь,—чего хошь проси. Намъ бы только пузатаго Алешку свалить, а я тогда замѣсто его „лисичку“ поставлю. Лисичкой Григорій Ефимовичъ называетъ Бориса Владиміровича Штюрмера. „Тогда, говоритъ, сдѣлаю тебя губернаторомъ, гдѣ хошь, окромя только Питера и Москвы.“

— И сдѣлаетъ! Вотъ увидите сдѣлаетъ! Старецъ никогда ничего не говоритъ на вѣтеръ. Но для этого первымъ дѣломъ надо свалить Хвостова, что, какъ вы сами понимаете, зависитъ въ данный моментъ отъ ловкости и проворства вашихъ рукъ. Дѣйствуйте, родной, дѣйствуйте и да поможетъ вамъ Богъ! Что же касается прогоновъ, суточныхъ и прочее вамъ и Ембовецкому—сію минуточку, сію минуточку, мой дорогой!

Степанъ Петровичъ открылъ ящикъ письменнаго стола.

---

4. Вчерашніе преторьянцы.

Къ капитану гвардіи, князю Федору Хвалынцеву пришелъ товарищъ его и однополчанинъ тоже капитанъ Павелъ Гарновскій. Сидѣли въ „кожаномъ“ кабинетѣ Хвалынцева, напоминавшемъ скорѣе кабинетъ европейскаго писателя, нежели офицера. Шкапы съ книгами, отечественными, иностранными. Круглый столъ посрединѣ кабинета весь покрытъ новѣйшими газетами и журналами.

Года за три до войны князь ушелъ изъ полка, живя то за границею, то въ своей Курской деревнѣ. Но съ первыхъ-же дней мобилизаціи потянуло его на войну добровольцемъ. Продѣлавъ всю галиційскую эпопею, какъ героическаго наступленія, такъ и стремительнаго отхода, два раза былъ контуженъ и только-только какъ

говорится приходилъ въ себя отъ второй контузіи. Лѣвый глазъ его часто дергало, словно Хвалынцевъ подмигивалъ собесѣднику. Остриженный пушистымъ ежикомъ, мягкій въ манерахъ и въ рѣчахъ, князь любилъ литературу, много читалъ и самъ писалъ не дурные стихи, время отъ времени печатая ихъ.

Онъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ—„колодцѣ", въ утренней желтой, расшитой на подобіе венгерки шнурами, курткѣ.

Гарновскій, сильный, мускулистый блондинъ съ энергичными, рѣзкими чертами костистаго мужественнаго лица, только что пріѣхалъ съ позицій въ двухнедѣльную командировку. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и въ его поступи, твердой, упругой и четкой, угадывался сильный, физически очень сильный человѣкъ. Одѣтъ онъ, какъ стали одѣваться, годъ провоевавъ, многіе наши офицеры, — на англійскій ладъ. На стройной фигурѣ—фрэнчъ съ кожаными пуговицами и множествомъ кармановъ, какъ облитой сидѣлъ. Галиффэ изъ такой же матеріи, желтые ботинки и защитные мольтьеры, бинтовавшіе ногу отъ щиколки колѣна.

— Немножко смѣло мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажетс съ непривычки, замѣтилъ Хвалынцевъ, — я, вѣдь, ты знаешь, консерваторъ и желтыя ботинки надѣть не рѣшился-бы. Я вѣренъ нашему традиціонному сапогу.

— Такъ гораздо удобнѣе, княже, пойми. Главное кто говоритъ,—европеецъ, столько по заграницамъ шатавшійся?

— Можетъ быть, но это уже экзотика. Однако, о вкусахъ не спорятъ. Какія ты вѣсти привезъ съ фронта, я уже третій мѣсяцъ вожусь съ этой дурацкой контузіей. Вотъ, вотъ началъ въ себя приходить... Съ Владиміромъ! Поздравляю! За что?

— Со своими развѣдчиками два пулемета взялъ, да и офицера съ нижними чинами въ придачу. Былъ ра-

ненъ въ плечо. Вотъ и все!..—отчеканилъ Гарновскій густымъ, слегка грассирующимъ баритономъ.

— Вотъ и все! Тебѣ мало? За это „все“, можно было и крестикъ бѣлый, или въ крайнемъ случаѣ „оружіе“ дать.

— Пожалуй... Будь я офицеромъ генеральнаго штаба... Ты знаешь „моменты“ сами себя награждаютъ... Но я не тужу. Наоборотъ, очень радъ, что цѣлъ, здоровъ и поживу недѣльку, другую культурной жизнью... Электричество, теплая ванна, комфортъ, свѣжія простыни, нарядныя женщины... Какъ пріятно пользоваться всѣмъ этимъ послѣ халупъ съ клопами, землянокъ и наполненныхъ грязной водою окоповъ... Тамъ, у насъ уже чувствуется весна, теплые дни. Снѣгъ съ ноздреватыми лысинами кое-гдѣ еще уцѣлѣлъ.

— Ручьи звенятъ, -подхватилъ князь, мечтательно,— а здѣсь у насъ слякоть, какая-то дрянь сыплется съ неба. И дрянь и слякоть кругомъ, куда не глянешь,— въ переносномъ смыслѣ.

— Да, не важно! Тылъ, будь онъ проклятъ, — въ особенности въ Петроградѣ. Я только вчера пріѣхалъ и такого наслушался кругомъ, что съ горя надрался у Кюба за обѣдомъ. Тоже идіотство, запретили вино въ кабакахъ, а всѣ пьютъ, втридорога только переплачиваютъ. Да, что за полупочтеннѣйщая публика теперь въ ресторанахъ, чортъ знаетъ какая шушера, галдежъ, какъ на биржѣ, не умѣютъ ѣсть, лапища грязныя, ножемъ до половины въ глоткѣ ковыряютъ...

— Да, милый Павликъ, это уже не грядущій хамъ, какъ у Мережковскаго, а хамъ пришедшій... Скажи, вѣдь, я уѣхалъ какъ разъ въ переходное время... Какое впечатлѣніе произвело въ арміи назначеніе государя верховнымъ вмѣсто Николая Николаевича?

— Какое?—остановился Гарновскій, глядя на Хвалынцева красивыми, карими глазами,—убійственное!

— Не можетъ быть, ты преувеличиваешь...

— А я тебѣ говорю, — убійственное! Это самый не популярный человѣкъ въ арміи, — государь! Въ него никто не вѣритъ, никто не возлагаетъ надеждъ, а если и да, то самаго отрицательнаго свойства. Николай Николаевичъ звѣздъ съ неба не хваталъ, какъ тебѣ извѣстно, это ни Наполеонъ, ни Скобелевъ, ни Евгеній Савойскій, Янушкевичъ его-бездарность патентованная...

— Вотъ видишь ты же самъ...

— Погоди, Федя, постой, дай досказать. Но, понимаешь, Николай Николаевичъ былъ и остался честнымъ русскимъ солдатомъ и за это его любила армія. Про него говорили—«этотъ не продастъ». И дѣйствительно не продавалъ. Нѣкоторые обвиняли его въ катастрофѣ, въ томъ, что мы отъ спуска въ венгерскую долину, отскочили къ Минску и Каменецъ-Подольску. Голубчикъ мой, развѣ онъ виноватъ? Будь ты геній изъ геніевъ, безъ патроновъ и снарядовъ—тебѣ крышка! Виноватъ ли Николай Николаевичъ, что Сухомлиновы и всякая другая сволочь тормозили снаряженіе арміи, и вмѣсто Львова, засылали снаряды во Владивостокъ? Виноватъ ли онъ, что въ Галиціи, куда мы пришли подъ флагомъ освободителей, насаждалась гнуснѣйшая политика съ Евлогіями, попами и всей этой чиновничьей мразью, воспитанной въ грабежѣ и угнетеніи? Виноватъ ли во всемъ этомъ Николай Николаевичъ?

Хвалынцевъ, улыбаясь, провелъ рукой по усамъ.

— Ого, Павликъ, да ты изъ красныхъ-красный. Ты гдѣ это успѣлъ полѣвѣть, на позиціяхъ?

— Мы всѣ пріѣзжаемъ оттуда лѣвыми. А видя, что здѣсь творится, лѣвѣемъ еще больше. Ты спрашиваешь, государь? Но вѣдь имъ какъ хочетъ играетъ нѣмецкая партія: Воейковъ, Фредериксъ, Бенкендорфъ, Гринвальдъ и компанія. И эти наши нѣмцы продаютъ насъ тѣмъ, зарубежнымъ нѣмцамъ.

— Увы, я слышу все, это чаще и чаще. Не хочется вѣрить, милый, такъ-ли это?

— Такъ, Федя, такъ,—топнулъ ногою въ раздраженіи Гарновскій,—есть факты!.. Въ ставкѣ единственный порядочный человѣкъ Алексѣевъ, но онъ не въ силахъ бороться со всей этой камарильей... Воейковъ — этотъ мелкій куртизанъ, глупый, напыщенный, забралъ такую власть въ руки, что назначаетъ и смѣняетъ даже командующихъ арміями.

— Что ты говоришь?

— Федя, ты или младенецъ, или притворяешься? Но такъ какъ я тебя хорошо знаю, то—не младенецъ и не притворяешься. Ты рыцарь, Донъ-Кихотъ, не допускающій мысли, что кругомъ такое вонючее болото...

— Все это такъ чудовищно — такъ...—молвилъ въ раздумьи Хвалынцевъ.

— Чего ужъ! Дальше идти некуда! Когда ты вернешься въ полкъ не узнаешь гвардейскаго корпуса. Куда дѣвались еще недавніе преторіанцы—опора трона. Ихъ нѣтъ, нѣтъ за исключеніемъ кучки бездушныхъ карьеристовъ, липнущихъ къ Безобразовскому штабу. Нѣмцы,—кругомъ нѣмцы. Русскихъ затираютъ. Нѣмцы въ почетѣ и славѣ... Возьмемъ тебя? Князь, Рюриковичъ, въ твоемъ тысячелѣтнемъ роду было девять святыхъ, а есть у тебя на погонахъ вензеля? Нѣтъ и не будетъ, а Шмидты, Шульцы, Шварцы, Миллеры и прочая и прочая, щеголяютъ въ свитскихъ эксельбантахъ. Мы тамъ читаемъ въ газетахъ здѣшнія министерскія назначенія—ужасъ беретъ! Послѣднее, напримѣръ... Этотъ Штюрмеръ! Въ такую минуту назначить министромъ внутреннихъ дѣлъ и премьеромъ Штюрмера! Да вѣдь это же позоръ! Нѣмецъ, мошенникъ, взяточникъ, мелкій взяточникъ! Когда онъ былъ Ярославскимъ губернаторомъ, онъ не брезгалъ сотнями рублей... Я, тогда мальчишка, за столомъ слышалъ, какъ у насъ говорили о Штюрмерѣ. Мой отецъ, ты знаешь, ярославскій помѣщикъ. Эгакій проходимецъ, какъ Штюрмеръ безъ чести совѣсти, безъ стыда, онъ тебѣ продастъ

Россію, за милую душу продастъ! Весь вопросъ въ цѣнѣ! Продастъ за деньги, продастъ изъ-за холопскаго чувства, чтобъ угодить тѣмъ, кто хочетъ нашихъ бѣдъ, нашихъ пораженій. Кто онъ, откуда онъ, вообще, взялся?

— Откуда... Я тебѣ сейчасъ скажу, Павликъ. Случайно я знаю клочекъ біографіи гофмейстера Штюрмера. Дѣдъ его, австріецъ Штюрмеръ, былъ однимъ изъ международныхъ тюремщиковъ Наполеона, назначенный Метернихомъ на островъ Елены гасить духъ великаго генія...

— Вотъ видишь, дѣдъ гасилъ духъ Наполеон внукъ призванъ гасить духъ великаго народа!

— Не придавай ему такого значенія. Слишкомъ велика честь для господина Штюрмера... Кстати, знаешь послѣдняя новость. Онъ хотѣлъ перемѣнить фамилію. Понравилось ему назваться Панинымъ, вотъ онъ и звонитъ по телефону къ графинѣ Паниной, извѣстной благотворительницѣ. Спрашиваетъ:—Графиня, вы ничего не имѣете, если я буду носить фамилію Панина? Графиня ему въ отвѣтъ: „Рѣшительно ничего, была же цыганская пѣвица Варя Панина, можетъ быть, появятся еще кафе-шантанныя дивы, которымъ понравится этотъ псевдонимъ. Сдѣлайте ваше одолженіе“. И повѣсила трубку.

— И что же Штюрмеръ?

— Утерся и послѣ такого афронта рѣшилъ остаться въ Штюрмерахъ.

— Ты его видѣлъ когда-нибудь?

— Встрѣчалъ въ англійскомъ клубѣ. Высокій, благообразный, съ бородою. По внѣшности почти европеецъ, но глаза—поганые, полицейскіе глаза.

— Я его никогда не видѣлъ. Въ Ярославской губерніи Штюрмеръ у насъ не бывалъ, отецъ открещивался отъ всякаго съ нимъ знакомства. Скажи, сосваталъ его, конечно, Распутинъ?

— Говорятъ... Гришка называетъ его „лисичкой“. Это условное имя, когда Штюрмеръ звонитъ къ нему.

— Какой позоръ, неслыханный позоръ! А Распутина видѣлъ?

— Мелькомъ... Онъ проѣзжалъ мимо въ придворной каретѣ и мнѣ его показали. Видъ у него довольно отвратный...

— Чѣмъ ты объясняешь его вліяніе въ Царскомъ Чѣмъ?—Гарновскій понизилъ голосъ,—это правда, что онъ близокъ... къ государынѣ?

— Одни говорятъ—правда. Одни... Другіе отрицаютъ, утверждая, что сродство душъ у нихъ только мистическое. Что эта связь не тѣлесная и императрица вѣритъ въ его чуть ли не божеское начало... Разберись!.. Такъ, или иначе, душа или тѣло, а только силу онъ забралъ большую. Всѣ фавориты, пытавшіеся противъ него ощетиниться, — летятъ, попадаютъ въ опалу. Гнѣздомъ опальнымъ становится мало-по-малу — Тифлисъ. Николай Николаевичъ беретъ ихъ къ себѣ. Князь Орловъ, ужъ на что былъ преданъ, богатъ звѣрски, не честолюбивъ, ничего не искалъ, только возилъ государя на моторѣ. И звали его „шоферомъ его величества“. И вотъ этотъ самый добродушный, упитанный шоферъ его величества, даже онъ, въ концѣ концовъ, не выдержалъ и возсталъ противъ Распутина. Государь весьма рѣзко отстранилъ его отъ себя, какъ лакея. А вѣдь какіе были друзья! Какая была дружба! Вторымъ полетѣлъ Джунковскій... Подробности слышалъ?

— Говорили у насъ, но глухо... Какой-то скандалъ у „Яра“?..

— Распутинъ кутилъ въ кабинетѣ съ цыганами. Здорово надрался! Потомъ вдругъ снялъ штаны и полѣзъ къ молодой цыганкѣ. Фараоново племя, къ такимъ гостямъ непривычное, въ ужасъ! Цыганка, давай Богъ ноги, скорѣй въ общій залъ спасаться. Гриша за

нею и штаны свои въ рукѣ держитъ... Скандалъ, публика негодуетъ... Полиція растерялась. Еще-бы... Арестовать Гришку оберъ-полицмейстеръ не посмѣлъ своей властью и вызвалъ по телефону случившагося въ Москвѣ Джунковскаго. Толпа хотѣла сама расправиться съ Гришкой, но тотъ, какъ знаменемъ, потрясая штанами...—Хвалынцевъ запнулся.

— Говори, говори дальше..

— Неудобно повторять, Павликъ.

— Чего тамъ неудобно, глупости, говори!

— Видишь это передаютъ какъ фактъ, слышали десятки ушей. Онъ кричалъ: „здѣся у меня вся царская фамилія."

— Не даромъ же въ шутку называютъ его „членомъ императорской фамиліи". Какой кошмаръ, какой кошмаръ! Это не Турція, даже не Персія. Воображаю, какъ должны себя чувствовать великіе князья, какъ имъ стыдно и больно! Дальше? Что-же Джунковскій, кажется по мордѣ его хватилъ?.

— Да, пощечина имѣла здѣсь мѣсто, выражаясь канцелярскимъ языкомъ.

— Молодецъ Джунковскій! Хотя молодецъ на половину. Слѣдовало пристрѣлить этого хама!

— Пристрѣлишь его! Джунковскій за одну пощечину слетѣлъ. Когда онъ донесъ телеграммой обо всемъ этомъ безобразіи, государыня отвѣтила ему: „Ложь, ничего подобнаго не было!" Отъ государя же послѣдовало: „Никому не позволю вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла."

— Значитъ, выходитъ Гришка дѣйствительно членъ царской семьи?... Coment faut-il traduire cela?..

— Tout simplement....

Гарновскій схватился за голову.

— Нѣтъ, я думаю въ даже въ нынѣшней Персіи невѣжественный дервишъ, какой-нибудь фанатикъ, не можетъ имѣть такого вліянія при шахскомъ дворѣ.

оссія на краю гибели. Какіе мы жалкіе всѣ, ничтожные, молчимъ, покоряемся. Надъ нами издѣваются, насъ продаютъ и на фронтѣ и за спиною, продаютъ оптомъ и въ розницу... Федя, когда вдумаешься во все это, можно съ ума сойти, Федя!...

— Я уже и думать пересталъ. Безполезно, только себя разстраиваешь. Въ концѣ концовъ, рѣшилъ смотрѣть на сей предметъ философски: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше...

— Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, — подхватилъ Гарновскій, — а знаешь можетъ быть ты и правъ! Можетъ быть дѣйствительно терпѣливому какъ убойное быдло русскому народу, для того, чтобы всколыхнуться необходимы Гришки, Воейковы, Штюрмеры, Фредериксы, Гринвальды, Бенкендорфы во всей ихъ красѣ. Но если чаша терпѣнія переполнится и произойдетъ взрывъ, это будетъ такой стихійный ураганъ, такой...

— Который первымъ дѣломъ смететъ насъ съ тобою, всю интиллегенцію,—перебилъ Хволынцевъ.

— А я этого не думаю,—возразилъ Гарновскій,—не думаю! Это не девятьсотъ пятый годъ. За время войны и русскій народъ, и русская армія прошли университетъ. Ста восьмидесяти милліонная масса поумнѣла, стала осмысленнѣй и повѣрь, мой другъ, знаетъ, убѣдилась, что все наше дворянство, такъ называемые баре, не отвѣтственны за кучку стоящихъ у власти продажныхъ мерзавцевъ. Федя, мы видѣли съ тобой нашего солдата, видѣли много и вдоволь. Голубчикъ, да вѣдь это же святые люди! Говорятъ германскій солдатъ хорошо воюетъ. Хорошо, словъ нѣтъ, но онъ всѣмъ снабженъ въ изобиліи, а попробуй не дать ему снарядовъ, патроновъ, такъ онъ же сію минуту забастуетъ: „Я только, тогда, молъ, выполню свой долгъ когда меня снабдятъ всѣмъ, что необходимо для войны.“ Такъ вѣдь? А наши земляки, Федя? Вспомни армейскую дивизію, которая была въ стыкѣ съ нами. Вспомни,

какъ она отбивалась камнями, потому что не было патроновъ, и ходила въ наполовину атаку съ дубинами, потому что не хватало винтовокъ. Да вѣдь это же святые люди! Ни одинъ солдатъ въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ сербскаго, не способенъ на такіе подвиги. Ни одинъ...

— Я вполнѣ съ тобою согласенъ, раздѣляю твое мнѣніе и преклоняюсь... Извини я тебя перебью, Павликъ, не удивляйся неожиданности вопроса, но я скажу сейчасъ, чтобъ потомъ не забыть. Ты хотѣлъ бы увидѣть Распутина?

— Что такое?

— Хотѣлъ бы увидѣть Распутина, спрашиваю, увидѣть въ натуральную величину близко, строго на нейтральной почвѣ, въ обществѣ? Посмотрѣть, его послушать? Вѣдь это же монстръ, а всякій монстръ любопытенъ, въ особенности, какъ этотъ хамъ, назначающій министровъ, а слѣдовательно руководящій внутренней и внѣшней политикой государства россійскаго во время еликой войны.

— Ничего не имѣю противъ, но только я не отвѣчаю за себя,—молвилъ Гарновскій.

— А вотъ именно, я попрошу тебя отвѣчать за себя. Прямолинейнымъ, благороднымъ негодованіемъ ничего не возьмешь. Повѣрь, мой другъ, если ты набьешь ему морду, тебя сошлютъ куда-нибудь, несмотря, что ты боевой офицеръ, дважды раненый и украшенъ шейнымъ Владиміромъ съ мечами. И вотъ если ты обѣщаешь взять себя въ руки и быть паинькой, я завтра же доставлю тебѣ удовольствіе видѣть Григорія Ефимовича Распутина, онъ же Новыхъ.

— Какъ и гдѣ?

— У Надежды Витальевны Бекманъ. Завтра у нихъ большой обѣдъ, у Бекмановъ. Я позвоню Надеждѣ Витальевнѣ, скажу, что ты здѣсь въ Петербургѣ, и она тотчасъ же позоветъ тебя, хочешь?

— Хочу! Этотъ обѣдъ съ Гришкой?

— Съ Гришкой! На него зовутъ, какъ на поросенка. Но, повторяю, ты долженъ взять себя въ ежовыя рукавицы. Согласенъ?

— Долженъ согласиться.

— Умница! А теперь къ чорту политику и давай завтракать. Да вотъ и Семенъ.

Рослый денщикъ въ защитномъ кителѣ съ господскаго плеча и въ нитяныхъ перчаткахъ доложилъ:

— Ваше сіятельство, пожалуйте кушать.

---

5. Чернильные инквизиторы.

Въ петербургскихъ салонахъ, да и не въ однихъ салонахъ, а повсюду и вездѣ, только и говорили о внезапной, молніеносной отставкѣ Алексѣя Николаевича Хвостова. И какой небывалой, неслыханной въ бюрократическихъ лѣтописяхъ отставкѣ...

Уходящаго со сцены министра обыкновенно по традиціи сдавали въ Государственный Совѣтъ, или—это ужъ на самый худой конецъ—назначали сенаторомъ, да и то подобные примѣры, можно лишь перечесть по пальцамъ. Хвостовъ-же уволенъ былъ „въ чистую". Посидѣлъ на министерскомъ креслѣ три съ чѣмъ-то мѣсяца и, пожалуйте, на всѣ четыре стороны—скатертью дорожка!

Такимъ незадачливымъ эпилогомъ завершилась авантюра въ пинкертоновскомъ духѣ съ тайной командировкою Ржевскаго къ Илліодору. Старый охранникъ изъ поповичей съ внѣшностью уѣзднаго учителя перехитрилъ своего министра, барина, бѣлую кость и эта „бѣлая кость" вылетѣла мгновенно, уступивъ свое

мѣсто Борису Владиміровичу Штюрмеру, внуку Наполеонова тюремщика и палача, по словамъ исторіи, и потомку святой Анны Кашинской, по словамъ гофмейстера Штюрмера.

Какъ именно разыгралась вся эта „бульварщина“— знали въ точности весьма немногіе, сходясь, однако, въ одномъ, что загорѣлся сыръ-боръ вокругъ да около какихъ-то писемъ, весьма компрометирующихъ и царицу Александру Ѳеодоровну, и отчасти великихъ княженъ.

Баронъ Нилусъ вмѣстѣ съ жандармомъ по призванію ротмистромъ Ембовецкимъ блестяще исполнилъ возложенное Бѣлецкимъ порученіе. Начать съ того, что Тюфяевъ основательнѣйшимъ образомъ отдавилъ ногу Ржевскому. Такъ отдавилъ, словно ступня у „бирюзоваго“ полковника была не обыкновенная человѣческая, а чугунная.

Ржевскій зафыркалъ.

— Какъ вы смѣете! Это невѣжливо... Потрудитесь извиниться!

А Тюфяевъ, глядя на него въ упоръ хрустально прозрачными жандармскими очами, упитанный, краснощекій и наглый, вновь поднажалъ своей чугунной ступнею.

Тутъ Ржевскій, не выдержавъ, потребовалъ составленія протокола.

И вотъ, какъ говорилъ Бѣлецкій „чернымъ по бѣлому— и топоромъ не вырубишь“ получилось, что такой-сякой Ржевскій ѣдетъ въ Норвегію съ секретной миссіей отъ министра внутреннихъ дѣлъ...

А когда онъ возвращался отъ Илліодора, везя въ потайныхъ голенищахъ драгоцѣнныя письма, въ полномъ смыслѣ слова драгоцѣнныя, ибо стоили они двадцать двѣ тысячи, молодой охранникъ былъ подвергнутъ на границѣ въ Торнео самому тщательному обыску. Напрасно грозился онъ гнѣвомъ Хвостова, обѣщая министерскіе громы и кары, напрасно требо-

валъ дать возможность протелеграфировать пославшему его...

Охранники, обыскивая простыхъ смертныхъ, проявляютъ сплошь да рядомъ большой талантъ, охранники-же, обыскивающіе своего брата охранника—доходятъ до какой-то вдохновенной виртуозности, дѣйствуя куда безошибочнѣй всякихъ рентгеновскихъ лучей. Двойное голенище, на которое Ржевскій возлагалъ столько надеждъ и упованій, было посрамлено адски и баронъ Нилусъ собственноручно извлекъ оттуда собственноручныя письма императрицы.

Послѣ этого Ржевскаго отпустили. Отпустили условно. Теперь онъ былъ уже конченымъ человѣкомъ, выжатымъ лимономъ.

Баронъ Нилусъ, этотъ блѣдный, красивый молодой человѣкъ, спрятавъ письма, какъ онъ самъ говорилъ у себя „на животѣ", помчался съ ними къ Бѣлецкому.

Но и самъ Бѣлецкій далеко не зѣвалъ. Чтобы выиграть время, которое обезпечило ему свободу дѣйствій, онъ рѣшилъ уронить Ржевскаго въ глазахъ Хвостова.

И когда Алексѣй Николаевичъ потирая въ нетерпѣніи бѣлыя, пухлыя руки, поджидалъ своего Меркурія, къ нему явился Бѣлецкій, взволнованный, взвинтившій себя, наигранно негодующій.

— Алексѣй Николаевичъ, не могу молчать! Не могу— хоть убейте! Ржевскій то вашъ протежэ, какихъ окаянныхъ дѣлъ надѣлалъ! Помилуйте, тамъ на фронтѣ святая кровь льется, а онъ...

— Въ чемъ дѣло,—прищурился Хвостовъ, собираясь съ мыслями на тотъ случай, если Бѣлецкій раскрылъ его карты.

— Да какъ-же! Мародерствомъ занимается! Мало ему пятисотъ рублей въ мѣсяцъ, такъ онъ еще, какіе-то гешефты съ вагонами затѣялъ... Вотъ вамъ документики—полюбуйтесь!

Хвостовъ „полюбовался“ и вполнѣ искренно воскликнулъ:

— Мерзавецъ!

— Вотъ видите, каковъ арестантъ! Честное слово арестантъ!..

— Да вы-то, Степанъ Петровичъ, почему прониклись такимъ благороднымъ негодованіемъ?—спросилъ Хвостовъ, чуя какой-то подвохъ и слишкомъ хорошо зная своего товарища, гибкаго какъ резина въ вопросахъ этики.

— Да что же я не русскій человѣкъ? Думаете, сердце не обливается у меня кровью?

„А вѣдь онъ куда болѣе тонкая каналья и бестія, чѣмъ я думалъ!“—промелькнуло у Хвостова.

Но, такъ или иначе, Бѣлецкій искусно выпустилъ черную кошку между министромъ и охранникомъ. Онъ выигралъ время, самъ пользуясь каждой минутою.

На Финляндскомъ вокзалѣ за Ржевскимъ установлена была тщательная,—чего ужъ тутъ зорче—слѣжка. И едва показался онъ изъ вагона, ему немедленно заявили:

— Васъ требуетъ къ себѣ товарищъ министра Бѣлецкій!..

Молодой человѣкъ съ „босымъ“ лицомъ сначала растерялся, потомъ овладѣлъ собою.

— Я долженъ спѣшить съ докладомъ къ Алексѣю Николаевичу Хвостову, а Степанъ Петровичъ можетъ и подождать.

Но два основательныхъ „дяди“ потребовали самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы Ржевскій слѣдовалъ за нимъ. Ихъ ждетъ автомобиль и они втроемъ поѣдутъ къ Бѣлецкому.

— Надо покориться,—ничего не попишешь.

— Хорошо, но сначала я долженъ позвонить къ господину министру... Могу въ вашемъ присутствіи...—добавилъ Ржевскій, дѣлаясь уступчивѣй.

Оба „дяди“ выразительно переглянулись...

— Что-жъ, попробуйте...

Тутъ же на вокзалѣ, пошли къ телефонной будкѣ. Часъ былъ вечерній и Ржевскій позвонилъ Хвостову на квартиру. Подошелъ къ телефону лакей.

— Кто изволитъ спрашивать его высокопревосходительство?...

— Ржевскій спрашиваетъ—Ржевскій.

— Сію минуточку доложу...

Черезъ „минуточку“ охранникъ услышалъ:

— Ихъ высокопревосходительство проситъ васъ ихъ больше не безпокоить.

Ржевскій съ остервенѣніемъ повѣсилъ трубку. Онъ отказывался понимать...

Алексѣй Николаевичъ, тоже хорошъ! Самъ заварилъ всю эту дурацкую кашу, ограбленный Ржевскій остался въ круглыхъ дуракахъ, а министръ не хочетъ даже выслушать... Обалдѣть можно!..

Охранникъ безнадежно махнулъ рукой.

— Ну, везите меня! Везите не только къ Степану Петровичу, а хоть къ чортовой матери...

Привезли... Прямо на квартиру доставили. Бѣлецкій съ мѣста въ карьеръ ошарашилъ Ржевскаго оглоблею:

— Ты что же это мерзавецъ, нарядами вагоновъ торгуешь, антипатріотическимъ дѣломъ занимаешься? Да знаешь-ли ты, что это граничитъ съ государственной измѣной, что на худой конецъ тебя могутъ повѣсить, а на лучшій въ Нарымскомъ краѣ сгноить?..

— Степанъ Петровичъ, это клевета... недостойная клевета.

— Во-первыхъ, я тебѣ, прохвостъ, не Степанъ Петровичъ, а ваше превосходительство, а, во-вторыхъ, не виляй, все равно не отвертишься... У меня документики!..

— Ваше превосходительство, я ѣздилъ съ секретнымъ порученіемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

— Съ секретнымъ порученіемъ? Да какъ же ты

смѣешь объ этомъ говорить мнѣ, разъ это секретное порученіе!..

— Но, но позвольте, Сте... ваше превосходительство, вѣдь вы же товарищъ министра.

— Все равно, и мнѣ товарищу министра, не смѣешь говорить о секретныхъ порученіяхъ, возлагаемыхъ на тебя моимъ начальникомъ Алексѣемъ Николаевичемъ. А за торговлю нарядами вагоновъ, я тебя арестую. Да, да... Ты у меня, каналья, поизучаешь флору и фауну Восточной Сибири!..

Такъ выигрывалъ время Степанъ Петровичъ Бѣлецкій.

Утромъ Алексѣй Николаевичъ спѣшно вызвалъ къ себѣ товарища министра.

— Степанъ Петровичъ, оказывается Ржевскаго въ Торнео обыскали, а мнѣ, шефу жандармовъ, не было объ этомъ доложено...

— Алексѣй Николаевичъ, вѣдь я же вамъ докладывалъ, что Ржевскій занимается спекуляціей...

— Я уже это слышалъ, слышалъ, — отмахнулся Хвостовъ,—скажу откровенно, я прежде не зналъ за вами такого рвенія...

И оба смотрѣли другъ на друга въ упоръ,—тучный, румяный, гнѣвный министръ и маленькій сѣдоволосый и сѣдобородый „Степанъ". И оба отлично, до жуткаго отлично понимали другъ друга, понимали, что сейчасъ происходитъ между ними поединокъ, не на жизнь, а на смерть и за ничтожными вагонами, которыми торгуетъ ничтожный охранникъ, таится, что-то совсѣмъ другое, большое и страшное... Углы сочнаго рта Алексѣя Николаевича вздрагивали отъ сдерживаемаго бѣшенства. Степанъ же, чувствуя подъ собою твердую почву былъ спокоенъ спокойствіемъ іезуита, достигшаго своей цѣли...

А дальше, дальше уже все катастрофически покатилось съ шумомъ и грохотомъ. Шумомъ и грохотомъ—

для своихъ близкихъ, посвященныхъ. Толпа же догадывалась обрывками, намеками, ощупью склеивая изъ этихъ обрывковъ и намековъ всю картину.

Хвостовъ понялъ, что „чумазый поповичъ" перехитрилъ, и пѣсенка его, Алексѣя Николаевича Хвостова спѣта. Надо въ такомъ случаѣ воспользоваться не многими днями, быть можетъ даже часами, пока онъ еще у власти и показать Бѣлецкому, что еще слишкомъ рано торжествовать побѣду.

И Хвостовъ „поздравилъ" своего товарища съ назначенiемъ Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ. Правда, назначенiе это чисто бумажное, длилось не болѣе трехъ-четырехъ дней, длилось въ Петроградѣ, хотя Хвостовъ и приказалъ Бѣлецкому выѣхать немедленно къ мѣсту своей новой службы.

Письма, извлеченныя изъ двойныхъ голенищъ Ржевскаго, были доставлены всѣ Аннѣ Александровнѣ Вырубовой, а та передала ихъ императрицѣ. Александра Θеодоровна помчалась въ ставку. Императоръ Николай подписалъ указъ объ увольненiи Хвостова. Вслѣдъ за нею поспѣшилъ и Алексѣй Николаевичъ въ ставку, рѣшивъ идти ва банкъ и какой угодно цѣною открыть глаза государю. Но было уже поздно. Императоръ подъ влiянiемъ жены такъ и не допустилъ къ себѣ павшаго министра.

Но и Бѣлецкiй не выигралъ ничего отъ своего предательства. Онъ ошибся въ Гришкѣ. Распутинъ былъ слишкомъ грубъ и тупъ, чтобъ оцѣнить услугу Степана. Да и заслуги въ сущности никакой не было. Распутинъ очень ужъ твердо стоялъ, чтобъ впасть въ немилость, если-бъ даже Николай прочелъ нѣжно-истерическiя царицыны письма.

За послѣднее время около Гришки вьюномъ вертѣлся Штюрмеръ. Видный, осанистый гофмейстеръ льстилъ бывшему конокраду, цѣловалъ ему руки, подходя подъ благословенiе, словно къ митрополиту. Кромѣ

того, за Штюрмеромъ стояла вся нѣмецкая партія, стояла зная, что онъ „свой", будетъ служить вѣрой и правдой и что въ германскихъ интересахъ лучшаго премьера, держащаго въ рукахъ судьбы Россіи, — не выдумать. Днемъ съ огнемъ не сыскать.

Это былъ первый случай, когда скупой, жадный, весь свой вѣкъ бравшій взятки, Штюрмеръ самъ очутился въ роли „дающаго". Онъ отсыпалъ Гришкѣ пятьдесятъ тысячъ изъ своихъ „сбереженій". И какъ только вызванный супругою Николай, пріѣхалъ въ Царское, Распутинъ немедленно атаковалъ государя:

— Царь-батюшка было мнѣ ночью видѣніе... Сонъ такой вѣщій сидѣлъ, голосъ Господень услышать сподобился. Бѣда неминучая, царской фамиліи грозитъ и Алексѣю отроку и всѣмъ близкимъ твоимъ... Есть одинъ такой человѣчекъ,—дать ему силу въ руки, поставить на министера, и все пойдетъ ладкомъ, по хорошему, по Божьему... Слушай Гришу, Николай... Гриша Богу близокъ и угоденъ. Всевышній говоритъ съ Гришей... Поставь маво человѣчка, и все будетъ ладкомъ, и твой отрокъ Алексѣй здравъ, невредимъ останется... Голосъ мнѣ такой былъ...

Царь слушалъ потупившись, въ волненіи теребя усы. Поднялъ глаза.

— Григорій Ефимовичъ, вы мнѣ другъ, вы бесѣдуете съ Богомъ... Я вѣрю въ вашу святость и что худого не посовѣтуете... Кто-же этотъ человѣкъ, назовите его?..

— А можетъ, не хошь... Можетъ, какихъ другихъ совѣтчиковъ слушать станешь,—закочевряжился Гришка,—что-жъ слушай твоя царская воля, а только знай, кто противъ Гриши, тотъ противъ Бога... Такъ и знай...

— Полно, Григорій Ефимовичъ, я всегда цѣню ваши совѣты, назовите вашего ставленника...

— «Лисичка», государь, мы его промежъ себя лисичкою зовемъ... Бориска... Бориска... фамилью никакъ

евоную не выговоришь, тугъ я, по фамильи... Шту.. Шту... Штур!..

— А Борисъ Владиміровичъ Штюрмеръ! Это преданный мнѣ человѣкъ...

Николай вспомнилъ, какъ этотъ „преданный ему человѣкъ“ разгромилъ крамольное, дерзнувшее высказывать безумныя мечтанія о какой-то конституціи, тверское земство, вспомнилъ—и назначеніе состоялось.

И въ ужасѣ ахнула смятенная Россія, ко всему, казалось, уже претерпѣвшаяся, несчастная, узнавъ, что въ такое трудное тяжелое время отдали ее цѣликомъ на поруганіе и растерзаніе проворвавшемуся насквозь нѣмцу, гофмейстеру Штюрмеру, холопски цѣловавшему грязныя Гришкины руки...

---

6. Появленіе старца.

Супруги Бекманъ, камергеръ Федоръ Васильевичъ и жена его Надежда Витальевна, совсѣмъ, совсѣмъ недавно жили не только скромно, не только въ обрѣзъ, а прямо нуждаясь. Это была относительная, не въ буквальномъ смыслѣ слова нужда. Разъ въ мѣсяцъ они умудрялись принимать у себя и каждый такой вечеръ, по старымъ цѣнамъ, увы, отошедшимъ въ область легендъ, обходился рублей въ двѣсти пятьдесятъ. Вполнѣ приличный ужинъ, съ закусками и даже съ виномъ, можно было предложить гостямъ въ до-военное время.

Сама Надежда Витальевна, тридцатилѣтняя женщина съ маленькимъ ртомъ и темною окраскою вѣкъ отъ природы, умудрялась одѣваться на гроши и въ то же время не получалось впечатлѣнія особенной дешевки.

Когда ее спрашивали, гдѣ она шила то, или другое платье, гдѣ ей посчастливилось купить паради, цѣна которому, вообще, не менѣе трехсотъ, Надежда Витальевна усмѣхалась чуть, чуть мило картавя:

— А это мой маленькій секретъ...

Этотъ маленькій секретъ знали еще двѣ дамы: спѣлая съ прекрасными глазами адмиральша и вдова генералъ-лейтенанта.

Немного взбалмошная, немного истеричка, немного просто распущенная баба, Надежда Витальевна, довольно усердно украшала вѣтвистыми рогами чело своего мрачнаго, любившаго выпить супруга. Дѣлалось, это частью по темпераменту, всегда бунтующему, клокочущему, частью же изъ соображеній свойства куда болѣе прозаическаго.

Такъ какъ даже на скромно оплачиваемые туалеты не хватало денегъ, то Надежда Витальевна брала ихъ у мужчинъ, а главное ничуть не скрывала этого, наоборотъ, съ какимъ-то обезоруживающимъ цинизмомъ хвасталась подругамъ:

— Желтая обезьяна,—слѣдовало упоминаніе дипломата одной изъ азіатскихъ державъ,—никогда я не видѣла отъ него больше двухсотъ рублей!. До противнаго жадная макака!...

Дамы слушали, возмущались между собою, но если даже и косились на Бекманшу, то развѣ самую малость. Во первыхъ, наше общество, одно изъ самыхъ нетребовательныхъ и снисходительныхъ, а затѣмъ Надеждѣ Витальевнѣ прощалось многое, что другой дамѣ такъ легко не сошло.

Наивно-порочное лицо, даже личико, щебечущая манера говорить безъ умолку, говорить мягко и картавя и при этомъ синіе, синіе глаза съ темными, какъ чернильныя пятна зрачками,—за это Бекманшѣ прощалось ея „оплачиваемые“ романы. Находились защитницы:

— Съ ея стороны это даже благородно. Такая чудовищная откровенность если хотите—красива. Мало ли тамъ распутничаютъ втихомолку, но все шито, крыто и можно лишь догадываться...

Надежда Витальевна, бравируя, часто кидала фразу:

— Мнѣ такъ же легко отдаться, какъ выпить бокалъ шампанскаго.

Къ слову сказать шампанское она любила и даже очень.

Нѣкоторыя, болѣе строгія жалѣли Надежду Витальевну:

— Бѣдная, какъ она опускается! А вѣдь она хорошо рождена, воспитана, прекрасно владѣетъ четырьмя языками. Жаль! Въ порядочныхъ домахъ ее кажется скоро перестанутъ принимать...

И понемногу переставали. На большіе вечера такъ называемой маргариновой аристократіи изъ выслужившихся чиновниковъ, на вечера, гдѣ настоящаго барина сажаютъ за однимъ столомъ ужинать съ какимъ-нибудь шулеромъ, или биржевымъ зайцемъ, еще звали Федора Васильевича вмѣстѣ съ его супругою. На маленькіе же интимные вечера и обѣды, гдѣ каждый гость опредѣленно дѣйствующее лицо и гдѣ уже нѣтъ двухсотъ,—головой толпы статистовъ, въ этихъ случаяхъ Надежду Витальевну пригласить „забывали“.

Но все до поры, до случая. Общество, спасибо ему отходчиво. И если у васъ открытый домъ, гдѣ можно встрѣтить полезныхъ людей, тѣ, кто раньше фыркалъ на васъ, охотно пойдутъ къ вамъ ѣсть ваши обѣды, пить ваши вина, курить ваши сигары.

Такъ и въ данномъ случаѣ. Еле сводившій концы съ концами захудалый камергеръ, ютившійся въ пяти комнатахъ, вдругъ перекочевалъ въ бель-этажъ,—десять сплошныхъ зеркальныхъ оконъ, на Сергіевскую.

Автомобиль съ шофферомъ-мулатомъ, пріемы завтраки, обѣды и ужины. Надежда Витальевна щеголяла въ модныхъ, дорогихъ туалетахъ, уже не мозаичныхъ съ бору, да съ сосенки, а сшитыхъ у Бризакъ, выписанныхъ изъ Парижа.

И никто не спрашивалъ, откуда сіяетъ благодать и какой такой загадочный Зевсъ осыпалъ золотымъ дождемъ своимъ Данаю съ маленькимъ ртомъ и дѣтской щебечущей скороговоркою. Именно Данаю, ибо тупой и недалекій камергеръ, прозябавшій на своихъ четырехъ съ половиною тысячахъ жалованья въ какой-то привилегированной канцеляріи, самъ не способенъ былъ и нѣсколькихъ рублей заработать.

Имя Надежды Витальевны склонялось во всѣхъ падежахъ вмѣстѣ съ громкимъ именемъ Распутина... Говорили, что онъ живетъ съ нею и черезъ этого всесильнаго царскаго любимца Бекманша обдѣлываетъ весьма выгодные комбинаціи и гешефты.

— Онъ живетъ съ нею? Но позвольте, съ кѣмъ же въ такомъ случаѣ не живетъ сей почтенный Григорій Ефимовичъ? Называютъ и государыню, и Вырубову, и еще, и еще?

— Такъ что же изъ этого? Старецъ мужикъ основательный, крѣпкій, страсти у него африканскія, силушку Господь Богъ отпустилъ—уголъ не початый... Всѣмъ хватитъ и никто изъ поклонницъ въ обидѣ не останется...

Позавтракавъ у себя съ Гарновскимъ, Хвалынцевъ при немъ позвонилъ Надеждѣ Витальевнѣ:

— А вы знаете, Павликъ Гарновскій пріѣхалъ.

— Неужели? Вотъ весело! Гдѣ онъ остановился, у себя?

— Нѣтъ, не у себя. Въ Асторіи.

— Какой его номеръ? Буду ломиться въ телефонъ. Княженька, тащите его завтра обѣдать ко мнѣ, слышите? Онъ воевалъ, раненъ? Живъ?

Мигнувъ Гарновскому, Хвалынцевъ передалъ ему трубку.

— Надежда Витальевна, здравія желаю!..

— Это вы, Павликъ! Вотъ сюрпризъ! Милый пріѣзжайте завтра къ обѣду вмѣстѣ съ князенькой, будетъ Григорій Ефимовичъ...

— Подъ хрѣномъ, или съ кашей?..

— Злой! Какъ вамъ не стыдно! Это человѣкъ, на которомъ благодать. Понимаете, благодать?..

— И онъ эту благодать, кажется довольно щедро изливаетъ на своихъ поклонницахъ...

— Павликъ, молчать! Ни слова больше! Вы безбожникъ... Увидите и сами просвѣтитесь.

— Нѣтъ, ужъ увольте отъ такого просвѣщенія, слышали мы, а за приглашеніе благодарствуйте, непремѣнно буду... Поклонъ Федору Васильевичу, какъ онъ здравствуетъ?..

— Ничего... По обыкновенію, свирѣпо молчитъ. Итакъ, жду къ семи, даже къ четверти восьмого...

Надежда Витальевна пощебетала своимъ картавымъ голоскомъ еще чего-то тамъ и, бросивъ: „Смотрите, я васъ жду!“ повѣсила трубку.

Хвалынцевъ и Гарновскій оба въ шинеляхъ изъ грубаго солдатскаго сукна, отлично сшитыхъ Брунстомъ, подъѣхали на извозчикѣ къ небольшому, трехъэтажному дому на Сергіевской.

Послѣ скромной квартирки на Потемкинской у Таврическаго сада, эти большія,высокія съ лѣпными потолками, днемъ залитыя свѣтомъ съ улицы, вечеромъ,— потоками электричества, комнаты казались барскими палатами, да и были таковыя на самомъ дѣлѣ.

Гостиная, бѣлая вся съ бѣлымъ роялемъ, сіяла позолотою дорогой Людовиковской мебели. И всѣмъ, кто зналъ Бекмановъ еще такъ недавно, все это великолѣпіе казалось волшебнымъ превращеніемъ.

Хозяйка въ модномъ короткомъ, открывавшемъ ея

стройныя ноги, персиковаго цвѣта черезчуръ яркомъ платьѣ, встрѣчала гостей. Двѣ дамы, сидѣвшія вмѣстѣ на диванѣ, шептались.

— Теперь ей не надо подрабатывать.

— Еще бы. Теперь совсѣмъ другое... Большому кораблю—большое плаваніе. Теперь она вмѣстѣ со своимъ старцемъ загребаетъ десятками тысячъ...

Хозяинъ въ смокингѣ, несуразно сидѣвшемъ на сутулой фигурѣ, былъ по обыкновенію мраченъ и едва ли не пьянъ еще съ поздняго завтрака у „Медвѣдя“.

Собрались уже всѣ приглашенные—человѣкъ двадцать... Уже половина восьмого, а старца—нѣтъ какъ нѣтъ.

— Григорій Ефимовичъ долженъ пріѣхать съ минуты на минуту изъ Царскаго,—объявляла Надежда Витальевна, смакуя и подчеркивая—это «изъ Царскаго».

Гости, успѣвшіе нагулять аппетитъ, посылали ко всѣмъ чертямъ опоздавшаго старца.

Задребезжалъ звонокъ.

— Онъ, это онъ!—бросилась навстрѣчу хозяйка, уже вся охваченная экстазомъ, быть можетъ искреннимъ, быть можетъ наигранным.

Черезъ минуту горделивая, сіяющая дама въ персиковомъ платьѣ ввела въ гостиную Распутина. Здѣсь всѣ, за исключеніемъ Гарновскаго и Хвалынцева, знали Григорія Ефимовича и всѣ, за исключеніемъ этихъ двухъ офицеровъ, такъ расцвѣли, словно ихъ вдругъ освѣтило солнце. Даже на мрачномъ лицѣ хозяина появилась улыбка. „Старецъ“ хлопнулъ его по плечу, подставивъ для поцѣлуя заросшую бородою щеку.

— Какъ прыгаешь, Федя?..

Во-первыхъ, представить себѣ мрачнаго камергера прыгающимъ мудрено было, а во-вторыхъ, это сказалъ самъ Григорій Ефимовичъ и этого довольно, чтобъ многіе подобострастно хихикнули.

Распутинъ, быстрой семенящей походкою обходилъ

всѣхъ, подавая руку прямымъ рѣзкимъ тычкомъ. Княгиня Тохтамышева, полная, видная женщина, красивая глупой и тяжелой красотою прежнихъ боярынь, сама поднялась навстрѣчу Григорію Ефимовичу. Подхвативъ его руку обѣими своими, поцѣловала ее, зардѣвшись, не отъ смущенія, нѣтъ, а отъ благоговѣнія, какъ если-бъ прикоснулась къ святынѣ.

Гарновскій кусалъ губы, а въ его карихъ глазахъ князь Федоръ читалъ гнѣвъ и презрѣніе. Хвалынцевъ умоляюще протелеграфировалъ взглядомъ Гарновскому.

— Плюнь, молъ, братъ, не принимай близко къ сердцу!..

Сколь ни былъ наслышанъ Павликъ объ успѣхѣ старца, но пока это не выходило для него изъ области, слуховъ, онъ возмущался иначе, больше разсудкомъ, чѣмъ сердцемъ. Теперь же, когда на его глазахъ княгиня Тохтамышева, которую онъ зналъ, мать взрослыхъ дѣтей и жена своего мужа, свитскаго генерала, занимающаго въ ставкѣ видное положеніе, раболѣпно коснулась, всегда такими надменными губами своими Распутинской лапы съ ногтями въ глубокомъ траурѣ, теперь Гарновскому сдѣлалось вдругъ такъ горячо, горячо стыдно и казалось, что онъ задохнется...

Старецъ прогрозилъ княгинѣ Тохтамышевой корявымъ пальцемъ у самаго ея лица, холенаго, знакомаго съ притираніями, дорогими косметиками и гутаперчевой маскою, реставрирующей сорокалѣтнюю, близкую къ увяданію красоту.

— Чай, забыла? Голова у тебя, какъ рѣшето дырявое. Дурою тебя вчерась выругалъ! И теперь скажу—дура!

— За что, отецъ?—смиренно спросила княгиня.

— А кто вчерась ужо машину за мной обѣщался прислать...

Желая дать другое направленіе этому выразительному діалогу, хозяйка ласково перебила:

— Григорій Ефимовичъ, какая у васъ чудная рубаха!..

Дѣйствительно, изъ-подъ растегнутой суконной поддевки смотрѣла тончайшая рубаха малиноваго шелка. Мягкій темно-красный фонъ оттѣнялъ черную бороду, хотя скорѣй лопатою, чѣмъ клиномъ, однако было въ ней что-то козлиное, какъ у сатира дикихъ сибирскихъ лѣсовъ. Два глаза острые, буравящіе собесѣдника съ какой-то дурашливой хитростью, бѣгали неустанно подъ костистыми надбровными дугами. Если бъ не слава его легендарная, пятнающая и дворецъ и династію по всему земному шару, былъ бы онъ самый заурядный мужикъ съ большимъ носомъ и топорными чертами одинъ изъ тѣхъ, что пользуются на деревняхъ темной и дурной славою.

— Какая прелестная рубаха! Не правда-ли прелестная? Княгиня, обратите вниманіе, — продолжала хозяйка, маленькой сверкающей кольцами рукою поглаживая крѣпкую грудь старца.

Старецъ, семеня ногами, приблизился вплотную къ Надеждѣ Витальевнѣ, ерзалъ поддевкой своею о персиковое платье.

— Ишь ты какая! Пондравилось? Царицка сама шила. Она у меня первый сортъ рукодѣльница. И туфли недавно бисеромъ вышила, король-баба, все умѣетъ... А потому Гриша къ Богу близокъ. Кто угождаетъ Гришѣ, тотъ Ему угождаетъ... Хошь тебѣ потомъ подарю, рубаху-то... На голомъ тѣлѣ носить будешь... Всѣ носятъ, потому благодать и царицка, и ейныя дочки, и Аннушка Вырубова носитъ и Мунька.

— А мнѣ отецъ?—умоляюще протянула княгиня Тохтамышева.

— Тебѣ? Гладкая, словно Митькина жонка. Поди не налѣзетъ, по всѣмъ швамъ затрещитъ. Да и не стоишь,— дура! Почему вчерась машину не прислала?

Далась ему эта машина.

Григорій Ефимовичъ терпѣть не могъ ѣздить на извозчикахъ. Во-первыхъ, не удобно и медленно, а, во-вторыхъ, боялся „покушенія“. Вотъ почему было заведено разъ навсегда: если зовутъ его въ домъ, за нимъ присылаютъ автомобиль. И сюда къ обѣду старецъ пріѣхалъ на Бекмановскомъ моторѣ. Дѣла Надежды Витальевны были такъ хороши и блестящи, что могла имѣть черный изящный, словно точеный весь „Бенцъ“, управляемый кофейнымъ красавцемъ—мулатомъ.

Топорное лицо Гришки приняло озабоченный видъ.

— А уха для меня готова?—спросилъ онъ у хозяйки.

— Готова, отецъ.

— А щука жареная въ духовкѣ?..

— Готова, отецъ.

— Ну, то-то... Думашъ, угождашь... Хорошая...

И онъ положилъ обѣ руки на плечи Надеждѣ Витальевнѣ и смотрѣлъ ей близко въ лицо, касаясь пушистой бородою. Какое-то странное, лучистое сіяніе исходило изъ его глазъ, умѣвшими быть то разбойничьими, то вдохновенными. На больныхъ и истерическихъ женщинъ это сіяніе дѣйствовало неотразимо...

Княгиня Тохтамышева, охваченная какой-то рабыньей самоунижающей ревностью, шептала:

— Ахъ, отецъ... зачѣмъ не я... Зачѣмъ не меня, отецъ, коснулись вы своими чудодѣйственными руками...

Почти экстазъ и вдругъ вопіющей прозою послышался рѣзкій голосъ хозяина:

— Милости просимъ къ закускѣ...

.7 Званный обѣдъ.

— Натоплено у васъ тутъ, неначе въ банѣ! Жарко, запарюсь!—и уже по дорогѣ въ столовую, Григорій Ефимовичъ на ходу снялъ поддевку, не заботясь о дальнѣйшемъ, зная, что угодливыя руки чьи-нибудь подхватятъ ее на лету.

И дѣйствительно,—подхватили. Съ такимъ благоговѣніемъ, словно это была плащаница. Эта честь принадлежала спаржеподобному барону Манергейму, тому самому, что въ недобрый часъ явился къ Хвостову съ Гришиной цидулькою. Но все-же, въ концѣ-концовъ, баронъ добился таки своего. Онъ уѣхалъ къ себѣ въ губернію на мѣсто службы, а черезъ нѣсколько дней Хвостова смѣнилъ Штюрмеръ и честолюбивый баронъ получилъ телеграмму отъ старца: „Доспѣлъ тебѣ губернатора, праздравляю, Распутинъ"...

Манергеймъ ногъ подъ собою не чуя, поспѣшилъ въ Петроградъ...

Гости облѣпили закусочный столъ. На фонѣ смокинговъ, дамскихъ платьевъ и защитныхъ „фрэнчей" безпокойнымъ, яркимъ, суетливымъ пятномъ горѣла малиновая рубаха Григорія Ефимовича. Онъ хваталъ пальцами семгу, балыкъ, сардины, отправляя всю эту благодать въ ротъ вмѣстѣ съ большими рюмками водки, литовской старки и коньяку. Федоръ Васильевичъ Бекманъ то и дѣло подливалъ изъ тяжелыхъ граненыхъ графинчиковъ и старцу, и всѣмъ гостямъ, и самого себя не забывалъ.

Гриша, прежде чѣмъ выпить, крестилъ каждую рюмку, и его примѣру слѣдовалъ вновь испеченный губернаторъ Манергеймъ.

Въ мгновеніе ока въ густой бородѣ старца, какъ въ

непролазныхъ тенетахъ запутались крошки хлѣба и матовымъ серебромъ сверкалъ обрывокъ сардиночной чешуи. Старецъ не отличался опрятностью. Княгиня Тохтамышева, не стѣсняясь никого, твердо вѣря, что такъ надо и этимъ она пріобщается къ мудрой святости дорогого отца, осторожно снявъ съ Гришкиной бороды крошку хлѣба, глотнула ее, словно причастіе. И просвѣтлѣла вся княгиня Тохтамышева, какъ будто извнутри вся чѣмъ-то озаренная...

Это не ускользнуло отъ Гарновскаго... Ему казалось, что голова начинаетъ пухнуть... Еще минута и, схвативъ старца за бороду, онъ выволокетъ его на лѣстницу и, давъ пинька, сброситъ внизъ. Рѣшительнымъ жестомъ Гарновскій налилъ себѣ рюмку анисовой и такъ-же рѣшительно выпилъ, высоко запрокинувъ голову и крякнувъ, по традиціямъ своего полка, по примѣру Петра Великаго, крякавшаго послѣ каждой рюмки любимой анисовки.

А Хвалынцевъ на бѣду свою средь закусочной сумятицы,—это всегда сумятица, — очутился рядомъ со старцемъ. Гриша жирными, пахнущими рыбою пальцами,—руки его ни минуту не могли оставаться безъ движенія,—схватилъ князя за кожаную пуговицу фрэнча.

— Ну, что, вояка! Воюешь?..

Усы Хвалынцева дрогнули, онъ брезгливо отодвинулся.

Тохтамышева и Надежда Витальевна ангелами-хранителями—были тутъ какъ тутъ на чеку. Онѣ боялись какой - нибудь непочтительной выходки по адресу старца.

— Воюешь? — не унимался Григорій, уже охмелѣвшій, наступая на Хвалынцева.

— Да, я былъ на войнѣ,—отвѣтилъ капитанъ, ловя умоляющіе взгляды Тохтамышевой и хозяйки.

— Зря война эта самая! Зря!.. Не нада войны, не нада, не нада!—скороговоркою началъ, размахивая ру-

ками Гриша,—кабы не эта проклятая стерьва Хіонія, котора маи кишки перерѣзала, то не было-бы войны. А то лежалъ въ Покровскомъ у себя, какъ песъ. Въ самую мошонку ножемъ шкура хватила... И будь я въ Питерѣ, сказалъ бы царю: Подожди, царь, не воюй, дай мнѣ кишки залечить и тогда я приду и скажу нѣмцу: „Нѣмецъ, не трогай мой народъ и не обиждай маво царя..“ Но поди-жъ ты, пока мои кишки заживали, нѣмецъ сталъ драться...

Хвалынцевъ молчалъ блѣдный, потупившись, и линія губъ вздрагивала подъ усами...

Въ устахъ Гришки эти слова не были пьяной похвальбою. Чувствовалось, невольно чувствовалось, будь онъ въ эти тревожные іюльскіе дни въ Петроградѣ онъ употребилъ-бы все свое вліяніе на государя, чтобъ предовратить войну.

Надо большое чувство мѣры, чтобъ по своей доброй волѣ оторваться отъ закусочнаго стола, въ особенности если такъ много на немъ вкусной всякой всячины. И поэтому настойчивое хозяйское приглашеніе садиться,— необходимое напоминаніе беречь свой аппетитъ для дальнѣйшаго, уже основательнаго насыщенія.

Такъ и здѣсь, — понадобились глухой, скрипучій голосъ Федора Васильевича и картавое щебетанье супруги, чтобъ въ концѣ концовъ всѣ размѣстились по заранѣе предназначеннымъ мѣстамъ. У каждаго прибора—замысловатой формы картонный билетикъ съ выдавленными цвѣтами и съ четко написаннымъ именемъ лица, занимающаго это опредѣленное мѣсто. У дамскихъ приборовъ лежали букетики цвѣтовъ.

Въ домахъ, которые посѣщеніемъ своимъ удостаивалъ Распутинъ, было крѣпко-на-крѣпко вѣдомо, что старецъ ни справа, ни слѣва себя терпѣть не можетъ иного сосѣдства, кромѣ женскаго. Сохрани Богъ посадить рядомъ съ нимъ хоть одного мужчину! Сохрани Богъ!.. Изведется весь, фыркать начнетъ, насупится по

разбойному Емелькою Пугачевымъ, а потомъ брякнетъ хозяйкѣ:

— Ты что-жъ это, расчеши тебя нелегкая такъ и этакъ! Язва тебѣ въ дыхало — старецъ любилъ эту чисто сибирскую брань,—звычаю маво не знашь?... Не знашь, что Гришу бабами надо обкладывать, а не мужиками. Ноги моей у тебя больше не будетъ!.. Такъ и знай!..

Зная, что Гришу надо «обкладывать бабами», Надежда Витальевна одесную старца посадила княгиню Тохтамышеву, а съ другой стороны Александру Александровну Погожеву, по сценѣ Сандру Беллини, артистку Музыкальной драмы.

Распутинъ видѣлъ, гдѣ-то мелькомъ пѣвицу и заинтересовался этой молодой, красивой, немного полной брюнеткою... Запала ему ея фигура вся въ лѣнивыхъ, округлыхъ и томныхъ движеніяхъ, запало и матовое лицо съ темными пытливыми глазами, мягкой по восточному линіей губъ и лоснящейся каскою черныхъ, густыхъ волосъ.

И онъ присталъ къ Бекманшѣ:

— Позови, да позови ее!..

— Кого, отецъ?

— Да эту черную, какъ ее тамъ... Бѣликъ... Позови Бѣлика!..

Надежда Витальевна поняла, что рѣчь идетъ о Беллини, съ которой она была случайно знакома.

Пѣвица услышала въ телефонъ щебетанье:

— Милая, пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать... У меня будетъ одно очень важное, страшно высокопоставленное лицо!

— Кто?—спросила заинтригованная артистка.

— А вотъ увидите, пріѣзжайте, поражены будете... Духъ захватитъ!

— Какой-нибудь министръ?..

Надежда Витальевна весело, чуть-чуть глумливо разсыпалась дробнымъ и звонкимъ смѣшкомъ.

— Сказали тоже, наивная! Какой-нибудь министръ! Что такое министръ?

— Великій князь?

— Гораздо выше всѣхъ великихъ князей! Больше ничего не скажу, пріѣзжайте, увидите!

Пѣвица пріѣхала, и каково-же было ея разочарованіе, когда она увидѣла, что столь заманчиво обѣщанная высокопоставленная особа оказалась Гришкою Распутинымъ. И она погасла и все настроеніе упало сразу.

Напрасно княгиня Тохтамышева изо всѣхъ силъ старалась привлечь къ себѣ вниманіе старца. Онъ отмахивался отъ нея:

— Молчи, дура, надоѣла, обрыдла!—и занялся исключительно сосѣдкою слѣва, не забывая, впрочемъ, хлебать налимью уху. Всѣ остальные гости ѣли густой супъ кремъ съ пирожками, а для старца была приготовлена его любимая „ушица". Вытащивъ пальцами изъ тарелки налимью печенку, Григорій пожиралъ ее, громко прицмокивая. А потомъ эти-же самые пальцы забѣгали вдругъ по волосамъ, плечамъ и рукамъ Сандры Беллини и было это такъ неожиданно властно и дерзко, что артистка несмотря на физическое отвращеніе, внушаемое старцемъ, не могла, не смѣла протестовать отодвинуться, шевельнуться. Онъ смотрѣлъ на вырѣзъ ея темнаго платья, оттѣнявшій блѣдно-матовую шею и высокую грудь, и въ его угнѣздившихся подъ крѣпкимъ и твердымъ волчьимъ лбомъ, глазахъ вспыхивали мѣняясь, то мягкое, почти нѣжное сіяніе, то безумная, удержу не знающая похотливость...

— Мудрая,—вымолвилъ переведя духъ Распутинъ.

И вслѣдъ за нимъ и княгиня Тохтамышева, и Надежда Витальевна и еще какія-то дамы и вновь испеченный губернаторъ и камергеръ Бекманъ всѣ зашептали:

— Мудрая... мудрая... Отецъ сказалъ—мудрая...

Гарновскій широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на сидѣвшаго визави Хвалынцева. На лбу Гарновскаго напряглась жила и ему казалось, что или онъ самъ мгновенно помѣшался, или всѣ кругомъ потеряли разсудокъ...

Лакей въ синемъ фракѣ съ плоскими металлическими пуговицами, зная хорошо обычаи этого дома и вкусы человѣка въ малиновой рубахѣ, налилъ Распутину громадный стаканъ краснаго вина... На бритомъ лицѣ лакея играла чуть уловимая презрительная усмѣшка.

Старецъ, залпомъ осушивъ стаканъ и вытеревъ ладонью словно окровавленные усы и бороду, спросилъ пѣвицу:

— Какъ тебя зовутъ, Бѣликъ?

— Александра.

— Какъ и царицку... Знаменіе, перстъ Божій... Заланоблю, затѣшу, заласкаю... Если дойдешь... На театрѣ, поешь, сказываютъ?

— Да, я пѣвица...

— А, этотъ народъ для меня особенный, я ихъ всей душой люблю и понимаю ихъ дѣло... Тебѣ мой земной поклонъ... Заласкаю, если покажешь мнѣ въ чемъ искусство... А ты что-жъ по людямъ гуляшь и какъ вольная птица всѣхъ любишь, или у дѣла?

Артистка отвѣчала, подаваясь невольно и ритму, и способу рѣчи старца.

— Не гуляю, потому свой домъ есть, а всѣхъ не люблю, мужа люблю и хотя могу назвать себя вольной птицей, но обижать себя никому не позволю, да и мужъ заступится.

— А онъ кто?

— Въ придворномъ вѣдомствѣ служитъ.

— А значитъ нашъ,—обрадовался Гришка.

„Вотъ такъ вашъ!“—подумала пѣвица и ей вдругъ

стало весело, весело, легко, развѣялись страхи, сгинулъ сковывавшій гипнозъ и она засмѣялась, такъ свободно, такъ сама по себѣ, что княгиня Тохтамышева съ испугомъ и ужасомъ воззрилась на дерзкую, осмѣлившуюся смѣяться старцу прямо въ глаза. Старцу, передъ которымъ надо испытывать священный трепетъ.

А пѣвица не могла забыть этого, — «а значитъ нашъ»—и воображеніе рисовало всклокоченную фигуру мужика въ малиновой рубахѣ и высокихъ сапогахъ средь шитыхъ золотомъ придворныхъ мундировъ и декольтированныхъ платьяхъ съ длинными трэнами...

---

8. Утро перваго сановника.

Борисъ Владиміровичъ Штюрмеръ еще не успѣлъ привыкнуть къ своей новой казенной квартирѣ, откуда всего на дняхъ лишь выѣхалъ,—вѣрнѣе вывезли его, эту по всѣмъ швамъ готовую разсыпаться человѣческую рухлядь,—Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ. Тотъ самый Горемыкинъ, что на вопросъ общественныхъ дѣятелей, послѣ „паническаго" паденія въ двѣ недѣли нѣсколькихъ крѣпостей, — что же будетъ дальше и какіе-такіе сюрпризы еще ждутъ несчастную Россію?—отвѣтилъ съ легкимъ сердцемъ, вѣрнѣе безъ всякаго сердца:

— Что-жъ, въ случаѣ надобности отступимъ за Уралъ. Хватитъ мѣста. Россія велика...

И вотъ онъ съѣхалъ, казенный жилецъ. Уступивъ мѣсто новому. Жены премьеровъ, бывшаго и настоящаго слегка повздорили между собою изъ за какого-то дивана, вдобавокъ прорваннаго. Мадамъ Горемыкина,

утверждала, что этотъ диванъ, ихъ, Горемыкинскій, и хотѣла его увезти съ собою, а мадамъ Штюрмеръ, ссылаясь на инвентарь имущества дома на Моховой, недавно купленнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, готова была отдать голову на отсѣченіе, что диванъ собственность правительственная, а вовсе не частная.

Истина была въ данномъ случаѣ на сторонѣ мадамъ Горемыкиной, а Штюрмершѣ просто хотѣлось зажилить диванъ. Горемыкина однако уступила. Не вцѣпиться же, въ самомъ дѣлѣ въ шиньонъ другъ дружкѣ.

Гофмейстеръ изъ дореформенныхъ губернаторовъ, Гришкиною волею выскочившій въ премьеръ-министры, сидя утромъ въ кабинетѣ, совсѣмъ по домашнему въ войлочныхъ туфляхъ и безъ вставныхъ челюстей, мирно плавающихъ въ стаканѣ у ночного столика въ спальной, шамкающимъ голосомъ жаловался личному секретарю своему Манасевичу-Мануйлову, что стѣны квартиры голыя и слѣдовало бы ихъ завѣсить картинами. Но всякую рыночную дрянь покупать неудобно. Для этого слишкомъ высокое положеніе занимаетъ Борисъ Владиміровичъ, а покупать хорошія произведенія искусства—накладно. И, кромѣ того, на такіе пустяки бросать деньги—положительный грѣхъ.

Манасевичъ-Мануйловъ, маленькій, бритый, мягенькій весь такой, въ черной визиткѣ и съ бархатными глазами, усмѣхнулся, посасывая тоненькій янтарный мундштучокъ, продолженіемъ котораго была длинная папироса.

— Борисъ Владиміровичъ, у васъ будутъ картины, отмѣнныя картины, и это ничего вамъ не будетъ стоить. Ничего! Даже доставятъ ихъ сюда на казенный счетъ.

Неподвижное, холодное, какъ у трупа лицо Штюрмера съ такими же холодными, стеклянными глазами, оживилось. Прямо кладъ этотъ Ваничка Мануйловъ. Даже за перевозку не придется платить.

— Какъ же это такъ?—спросилъ Штюрмеръ.

— А вотъ какъ! Я вамъ сейчасъ объясню.—Иванъ Федоровичъ поудобнѣе усѣлся въ креслѣ и съ улыбочкой продолжалъ:—Вы когда-нибудь изволили быть Эрмитажѣ, ваше высокопревосходительство?.

— Въ Императорскомъ Эрмитажѣ?—силился вспомнить Штюрмеръ.—Да, да, конечно, Это было давно, еще въ царствованіе Императора Александра II. Я былъ тогда молодымъ вице-губернаторомъ и однако же удостоился приглашенія на придворный обѣдъ. Они давались въ Эрмитажѣ—придворные обѣды. Электричества тогда еще не было и горѣлъ газъ.

— Газъ?—воскликнулъ Иванъ Федоровичъ,—а кругомъ висѣли Рембрандты и Рубенсы? Какой вандализмъ! Возмущается мое эстетическое чувство! Ну, такъ вотъ, дорогой Борисъ Владиміровичъ. Въ Эрмитажѣ, помимо картинъ, висящихъ на стѣнахъ, есть еще много картинъ, хранящихся такъ себѣ, гдѣ Богъ на душу положитъ. Изъ нихъ можно было выбрать десятокъ другой отличныхъ Теньеровъ и Снейдерсовъ—для столовой и Рейнольдсовъ,—для украшенія вашихъ гостиныхъ. И дадутъ, я увѣренъ, дадутъ, не откажутъ главѣ правительства. А затѣмъ, затѣмъ о нихъ благополучно забудутъ.

— Вы полагаете, забудутъ?—подхватилъ Штюрмеръ съ надеждой.

— Натурально,—пожалъ плечами секретарь,—съ вашего благословенія займусь я этимъ и отъ вашего имени съѣзжу въ министерство двора. Вы же сами еще поговорите съ Фредериксомъ.

Штюрмеръ былъ въ восторгѣ отъ мысли своего секретаря. Какая умная, талантливая бестія! Придумаетъ же! И такъ во всемъ осѣняетъ вдохновеніе Ваничку Мануйлова. Не менѣе блестящую „комбинацію" придумалъ съ однимъ изъ банковъ, сумѣлъ наступить на хвостъ Митькѣ Рубинштейну и знаменитый банкиръ

такъ удачно сдѣлалъ Бориса Владиміровича пайщикомъ въ какомъ-то финансовомъ предпріятіи, что на долю сановнаго компаньона пришлось около трехсотъ тысячъ.

— Нѣтъ, положительно съ этимъ Ваничкой не пропадешь...

Мануйловъ умчался куда-то, а Штюрмера вызвалъ къ телефону Григорій Ефимовичъ.

— Здравствуй, лисичка!.

— Съ добрымъ утромъ, святой отецъ, какъ почивать изволили?...

— Чорта - ли тамъ почивать! Башка съ похмелья трещитъ. Съ цыганами всю ночь колобродилъ! Вотъ что, лисичка ты моя разлюбезная, надо мнѣ тутъ одного человѣка энералъ-губернаторомъ поставить.

— Губернаторомъ? — переспросилъ Штюрмеръ, съ надеждою боясь не ослышался ли.

— Заклепало тебѣ? Говорю энералъ-губернаторомъ Ему хучъ въ Сибири, хучъ гдѣ, лишь бы назначеніе вышло... Сдѣлаешь?..

— Вы мой отецъ и благодѣтель, — шамкалъ въ трубку вороватый гофмейстеръ, — могу-ли я, отецъ, въ чемъ-нибудь отказать вамъ? Но сначала я долженъ знать, кто именно то лицо, которому вы покровительствуете. Фамилія?

— Тугъ я на фамиліи. Я яго Авдотьей зову. Авдотья! Ужотка обернись ко мнѣ на Гороховую, все узнаешь и человѣчка тебѣ покажу. Кацы магишь пріѣхать?

— Дайте сообразить, отецъ... Сейчасъ уже послѣ двѣнадцати... Я не готовъ еще... Въ половинѣ второго у меня дѣловой завтракъ, приблизительно къ тремъ освобожусь. Къ половинѣ четвертаго могу быть у васъ, благословите, отецъ...

— Благословляю, жду тебя къ половинѣ четвертаго. Въ пять Аннушка меня въ Царское на машинѣ везетъ. Третьяго дни тамъ былъ только, а ужъ царицка

соскучилась. Извѣстно, бабы, что съ нихъ... Ну, прощевай, лисичка, жду...

Распутинъ повѣсилъ трубку. Повѣсилъ ее и Штюрмеръ... Уже хотѣлъ идти одѣваться, чтобъ ѣхать на „дѣловой завтракъ". Обвелъ стекляннымъ взглядомъ пустыя стѣны кабинета, воображая на нихъ Эрмитажныя картины. Вошелъ потасканный, лысый, съ мутными, красными глазами, сорокалѣтній молодой человѣкъ.

— Здравствуй, папа...

— Здравствуй! Денегъ не проси, не получишь, а мѣсто дамъ.

— Какое мѣсто?

— Вице-губернаторомъ въ Сувалки.

— Да вѣдь эта губернія занята нѣмцами, папа!

— Дуракъ! Учить меня вздумалъ? Самъ знаю, что занята. Но это назначеніе дастъ тебѣ больше тысячи однихъ прогонныхъ,—по должности на восемь лошадей ассигновку выпишутъ, и отсюда уже настоящимъ вице-губернаторомъ поѣдешь въ Курскъ. Понялъ?..

— Еще бы не понять? Я всегда восхищался вашей изобрѣтательностью, папа, — обрадовался Штюрмеръ-сынъ, уже смакуя заранѣе, какъ онъ протретъ глазки этимъ „на восемь лошадей" прогонамъ и какъ хорошо можно будетъ кутнуть въ „Вилла-Родэ" съ шансонетками. А главное, до чего выгодно быть сыномъ премьеръ-министра! Всѣмъ «Адольфъ» ставитъ въ счетъ пятьдесятъ рублей за бутылку шампанскаго, а ему двадцать, потому что онъ Штюрмеръ. Хорошо быть Штюрмеромъ!

— А нельзя-ли ускорить эту... ассигновку?

— Можно. Я позвоню директору департамента общихъ дѣлъ Стремоухову.

9. „Кабинетныя тайны“.

Баронъ Эрикъ Цеге-фонъ-Мантейфель, полковникъ прусскаго генеральнаго штаба, видный, бритый съ внѣшностью американизированнаго нѣмца, и, конечно, съ военной выправкою, разгуливалъ шикарнымъ „душкою-штатскимъ“ по Петрограду совершенно свободно. Во-первыхъ, онъ переѣхалъ границу со швейцарскимъ паспортомъ и даже дипломатическимъ, а во-вторыхъ, въ Петроградѣ баронъ Цеге-фонъ-Мантейфель пользовался высокимъ покровительствомъ, такимъ высокимъ, что въ первый моментъ никто, пожалуй, и не повѣрилъ-бы.

Однажды на Морской встрѣтила барона лицомъ къ лицу мадамъ Бокъ, рожденная Столыпина, вышедшая замужъ за моряка. Еще покойный Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ, устроилъ мужа своей дочери морскимъ агентомъ въ Берлинѣ. Тамъ Боки жили открыто... У нихъ бывало мѣстное общество... Бывалъ и баронъ Цеге-фонъ-Мантейфель, тогда еще молодой капитанъ.

Каково же изумленіе было дочери Столыпина, когда она увидѣла барона, спокойно фланирующаго по Петрограду во время войны. И Мантейфель узналъ ее. И пока она соображала, что надо первымъ дѣломъ предпринять, баронъ сѣлъ въ первыя попавшіяся извозчичьи сани и—былъ таковъ...

Мадамъ Бокъ поспѣшила,—благо рукой подать, нѣсколько шаговъ всего,—въ градоначальство къ Оболенскому. Знала князя давно, чуть ли не росли вмѣстѣ.

— Саша, какой ужасъ, я только что встрѣтила на Морской прусскаго офицера! Это нѣкій баронъ Цеге-фонъ-Мантейфель. Онъ здѣсь, понимаете, здѣсь. Въ такое время!..

— Я это знаю,—молвилъ съ улыбкой Оболенскій.

— Знаете и онъ до сихъ поръ на свободѣ, не арестованъ? Но почему-же...

— Увы, есть вещи, которыя сильнѣе насъ. Къ великому сожалѣнію и стыду моему, я при всемъ моемъ горячемъ желаніи, не могу арестовать этого мерзавца.

— Но почему же, почему, Саша, объясните?..

— А потому, что и баронъ Цеге-фонъ-Мантейфель и еще четверо, пріѣхавшихъ съ нимъ, остановились не въ Европейской, и не въ „Асторіи", а всего „только" въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ...

— Такъ что же это такое? Значитъ «она» сама...

— Да, да, да. Голосъ крови, патріотизмъ, желаніе быть вѣрной дочерью своего фатерлянда. Теперь вы видите, что у меня коротки руки схватить этого господина, котораго я самъ встрѣчаю на Невскомъ почти ежедневно.

Въ кабинетѣ у „Медвѣдя" этотъ самый баронъ Эрикъ Цеге-фонъ-Мантейфель поджидалъ Бориса Владиміровича Штюрмера, съ которымъ наканунѣ условился вмѣстѣ завтракать. Окно выходило въ общій залъ. Баронъ видѣлъ сквозь стекла жужжащую внизу облѣпившую столики человѣческую гущу. Вмѣстѣ съ войною, мѣстная толпа утратила свой нарядный видъ и теперь это былъ скорѣе обжорный рядъ какой-нибудь, чѣмъ дорогой ресторанъ.

Не запримѣтивъ въ общемъ залѣ ни одного хорошенькаго женскаго личика, баронъ отвернулся, насвистывая полковой маршъ „данцигскихъ гусаръ смерти", гдѣ начиналъ свою службу, и приказалъ подавать закуску. Это была уже не первая трапеза его со Штюрмеромъ и онъ зналъ, что сановный гость,— гость потому что платилъ всегда по счету баронъ,— любитъ поѣсть.

Маленькій, тучный съ бритымъ бабьимъ лицомъ

татаринъ, съ низкимъ поклономъ распахнувъ дверь, пропустилъ главу россійскаго правительства.

— Добрый день, баронъ, я, кажется, не особенно опоздалъ, всего тридцать пять минутъ второго,—началъ по-нѣмецки Штюрмеръ.

Штюрмеръ давнымъ давно, разъ навсегда прибѣгнулъ къ услугамъ вставныхъ челюстей. Но роль ихъ была скорѣй декоративно-платоническая, чѣмъ служебная. Ѣсть вставными зубами онъ такъ и не научился. Вотъ почему въ карманѣ у него всегда былъ чистый запасный платокъ. Передъ ѣдою почтенный гофмейстеръ незамѣтно вынималъ обѣ челюсти и, завертывалъ ихъ въ платокъ, довольно искусно орудуя твердыми, какъ верблюжій мозоль деснами. И, конечно, вмѣстѣ съ этимъ сразу мѣнялся голосъ Бориса Владимировича, изъ обыкновеннаго старческаго превращавшійся въ невнятное беззубое шамканье.

Сначала оба проголодавшіеся, съ жадностью насыщались, обмѣниваясь отрывистыми фразами, похожими на урчанье собакъ, но когда Штюрмеръ успѣшно разгрызъ голыми деснами своими двѣ бараньи котлетки въ бѣломъ соусѣ, и въ фужэрахъ заискрилось холодное шампанское, баронъ, дымя громадной сигарою, приступилъ къ дѣлу:

— Вотъ что, господинъ Штюрмеръ, ситуація складывается довольно серьезно. Вчера мы получили въ Царскомъ по радіо чрезвычайно важное извѣстіе. Необходимо дѣйствовать въ общихъ нашихъ интересахъ самымъ энергичнымъ образомъ... Сладкаго?..

— Нѣтъ, я не хочу сладкаго. Я буду пить кофе.

Закрывъ нижнюю часть лица платкомъ, Штюрмеръ однимъ ловкимъ, привычнымъ движеніемъ вставилъ обѣ челюсти. Невнятнаго шамканья,—словно не было и въ поминѣ и уже совсѣмъ другимъ голосомъ ясно сказалъ:

— Я васъ слушаю, баронъ, весь вниманіе...

— Мы хотимъ дать автономію Польшѣ!—воскликнулъ Мантейфель и, откинувшись на спинку стула, торжествующе взглянулъ на Штюрмера, ожидая соотвѣтствующаго эффекта. Но эффекта не послѣдовало, ибо невѣжественный дореформенный губернаторъ былъ слабъ въ тонкостяхъ внѣшней политики.

Гофмейстеръ воззрился на барона стеклянными глазами своими.

— Ну такъ что-жъ! Давайте!..

Барономъ овладѣла досада:

— Неужели вы не чувствуете, какая это побѣда, какой это ударъ для Россіи? Польша получитъ автономію изъ германскихъ рукъ, а не отъ правительства императора Николая. Впечатлѣніе будетъ ошеломляющее! Ради этого стоитъ поработать. Но по моимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ Сазоновъ вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ спѣшно готовитъ проектъ автономіи Польши, которую должна даровать этимъ пустымъ легкомысленнымъ славянамъ Россія. Наша задача провалить Сазонова, какой угодно цѣною. И это должны сдѣлать вы! На дняхъ въ ставкѣ соберется у государя совѣтъ министровъ. Сазоновъ предложитъ свою автономію и будетъ настаивать на скорѣйшемъ ея опубликованіи. Вы должны рѣзко воспротивиться этому, иначе если онъ побѣдитъ, мы останемся въ дуракахъ. Вообще, Сазоновъ своей русской политикой и своей слабостью къ англичанамъ, — Бьюкененъ, его лучшій другъ, — мѣшаетъ намъ. Необходимо его свалить и сдѣлать васъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, понимаете, васъ?

— Понимаю...

— Я ужъ говорилъ объ этомъ съ императрицей и она, конечно, согласна. Остается еще только внушить это и императору. А это легко будетъ сдѣлать съ помощью Распутина, въ котораго Николай вѣритъ какъ въ Дельфійскаго оракула.

— Распутину придется заплатить. Онъ все больше и больше входитъ во вкусъ крупныхъ даяній,—молвилъ Штюрмеръ, вспомнивъ свои пятидесятитысячную взятку старцу.

— Объ этомъ вы не безпокойтесь. Мужикъ получить кругленькій кушъ. Кто еще можетъ поддержать Распутина и государя?

— Мой другъ митрополитъ Питиримъ...

— Прекрасно, переговорите съ нимъ. Дорогъ каждый часъ, и нельзя терять времени. Что я еще хотѣлъ сказать? Да, относительно военноплѣнныхъ. Императрица—это ангелъ. Какъ она заботится о нашихъ военноплѣнныхъ, и объ австрійскихъ, нѣмецкаго и мадьярскаго происхожденія... Положительно, что-то материнское.

Штюрмеръ одобрительно закивалъ головою.

— Губернаторы и начальники всѣхъ концетраціонныхъ лагерей получили отъ меня секретные циркуляры, предписывающіе самое лучшее отношеніе къ германскимъ военноплѣннымъ. Это желаніе ея величества для меня какъ и все исходящее отъ ихъ величествъ—священно. И чтобъ лучше и удобнѣе все это проводить въ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе сосредоточены военноплѣнные, — тамъ почти вся администрація — сплошь нѣмцы.

— Это хорошо,—одобрилъ Мантейфель,—но всякій вопросъ требуетъ углубленія. Скрасить жизнь германскимъ военноплѣннымъ,—это еще не все, это лишь половина. Необходимо ухудшить параллельно съ этимъ жизнь славянскихъ плѣнныхъ, тѣхъ въ особенности, что добровольно сдавались,—превратить въ каторгу, въ пытку.

— Это уже дѣлается.

— Дѣлается, чисто по-русски, безъ всякой системы. А между тѣмъ необходима система. И чѣмъ больше мы будемъ душить славянъ, тѣмъ сильнѣе

будетъ расти въ нихъ озлобленіе противъ Россіи, такъ позорно обманувшей всѣ ихъ надежды. Среди чеховъ, напримѣръ, имѣется великолѣпные оружейники, работавшіе на заводахъ Шкода, спеціалисты по тяжелымъ орудіямъ. Я знаю, многіе изъ нихъ предлагали себя и свой трудъ вашимъ заводамъ, работающимъ на оборону. И вотъ мой проектъ: всѣхъ такихъ славянъ, оружейниковъ, техниковъ, словомъ знающихъ и умѣющихъ то, чему нужно годами учиться, слѣдуетъ гноить на тяжелыхъ скотскихъ работахъ, вродѣ Мурманской дороги, гдѣ они будутъ дохнуть въ Сѣверныхъ болотахъ отъ голода, цынги, дизентеріи. Умирая они будутъ проклинать Россію, а тѣ, кто выживетъ и вернется когда-нибудь домой къ себѣ на родину, — тѣ именемъ русскихъ будутъ пугать своихъ дѣтей и чужихъ, станутъ горько каяться въ своемъ ослѣпленіи этимъ великославянскимъ миражемъ съ Востока. Итакъ, съ одной стороны ударъ по этимъ донъ-кихотствующимъ полякамъ, съ другой—по сербамъ и чехамъ и, право, это не будетъ плохо, увѣряю васъ, господинъ министръ, совсѣмъ не плохо. Теперь дальше... Можно къ завтрашнему дню изготовить нѣсколько пропусковъ моимъ агентамъ для проѣзда въ Архангельскъ, подъ видомъ якобы агентовъ вашей охраны и вашей контръ-развѣдки?

— Я прикажу это сдѣлать департаменту полиціи. Имена—какія угодно?..

— Самыя фантастическія,—улыбнулся баронъ, сдѣлавъ широкій жестъ и поясняя вполголоса. — Въ Архангельскѣ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, скопилось взрывчатыхъ матеріаловъ и почему бы имъ не взлетѣть на воздухъ? А мои агенты получатъ премію, я люблю, когда мои люди зарабатываютъ. Но, Богъ мой, гдѣ же нашъ кофе?..

Баронъ позвонилъ. Влетѣлъ бритоголовый татаринъ.

— Сей минутъ, васяся, сей минутъ...

Въ ожиданіи кофе Штюрмеръ и Мантейфель занялись „текущими дѣлами". Однимъ изъ такихъ текущихъ дѣлъ былъ черноморскій флотъ.

— Вы слышали, что „Гебенъ" полчаса стоялъ на русскихъ минахъ?..

— Нѣтъ,—сознался Штюрмеръ,—не слышалъ.

— Жаль. Это было колоссально! Діалогъ, происшедшій между миннымъ офицеромъ и адмираломъ Эбергардтомъ классическій! „Ваше превосходительство судно типа „Гебенъ" стоитъ на нашихъ минахъ, разрѣшите взорвать?" „Нѣтъ это не можетъ быть „Гебенъ". „Я васъ увѣряю, что это „Гебенъ", другого судна типа „Гебенъ" не можетъ быть на Черномъ морѣ". „А я вамъ говорю что это не „Гебенъ" и запрещаю взорвать". Такимъ образомъ „Гебенъ" преспокойно ушелъ во свояси. Не правда ли, это колоссально?..

— Да это коллосально, — согласился Штюрмеръ, — Эбергардтъ хорошій нѣмецъ и вполнѣ порядочный человѣкъ. Я помню его еще мичманомъ...

— Но все же я нахожу, что Черное море еще недостаточно въ сферѣ нашего вліянія. Тамъ есть такія суда, какъ „Марія", которыя необходимо вывести изъ строя.. Черезъ мѣсяцъ пріѣдетъ сюда спеціалистъ Ребингофъ... Я пошлю его на гастроли въ Одессу и Севастополь...

Баронъ Мантейфель еще не успѣлъ кончить, распахнулась дверь кабинета и вошелъ новый лакей, неся кофейную машинку. Это уже не былъ татаринъ, а худой блондинъ съ рѣзкими острыми чертами полубѣлесоватаго Мефистофеля, полу-Шерлока Холмса. Изъ нѣмецкой фразы барона лакей, хотя и говорившій по нѣмецки, поймалъ только два слова „Ребингофъ и Марія", о и они сказали ему многое, ибо латышъ Карлъ Рейсонъ не былъ заурядннымъ, обыкновеннымъ лакеемъ.

Баронъ и человѣкъ съ внѣшностью кинематографическаго дедектива—встрѣтились глазами. И каждому лицо другъ друга показалось знакомымъ. Только ощу-

щенія были разныя. Мантейфель почувствовалъ вдоль всей спины стройку холода, затерявшуюся гдѣ-то между раскормленнымъ, двоящимся затылкомъ и красной, вытертой одеколономъ шеей. Что-же касается Рейсона, его охватила радость, скрытая и погасшая гдѣ-то далеко внутри. Внѣшне онъ былъ непроницаемый, блѣдный, съ опущенными сѣрыми, холодными глазами. Онъ поставилъ машинку, ломанымъ русскимъ языкомъ учтиво спросилъ, сколько положить сахару, наполнилъ чашечки горячимъ дымящимся напиткомъ и вышелъ, не оглянувшись. Скованный его присутствіемъ Мантейфель молчалъ, пока не закрылась дверь...

— Не нравится мнѣ эта рожа, и зачѣмъ его пустили къ намъ? Служилъ такой симпатичный татаринъ.

— А что?—спросилъ Штюрмеръ.

— А если это русскій шпіонъ...

— Не думаю. Откуда? А если-бъ даже и такъ, чего же опасаться? Къ счастью, благодаря мнѣ, почти вся здѣшняя развѣдка находится не въ рукахъ офицеровъ генеральнаго штаба, а у жандармовъ. И наконецъ, баронъ, вы слишкомъ хорошо забронированы.

— Такъ-то оно такъ, а все-же... Но гдѣ я могъ видѣть этого человѣка?..

Напились кофе. Мантейфель останется еще немного, Штюрмеръ уйдетъ первымъ. Германскій полковникъ, держа руку премьеръ-министра, длительно сжимая ее и глядя близко въ мертвые стеклянные глаза, значительно прошепталъ отчеканивая и округляя каждое слово:

— Въ тотъ самый день, когда здѣсь провалена будетъ автономія Польша и васъ сдѣлаютъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вы получите милліонъ рублей изъ личныхъ средствъ императора Вильгельма...

Холодная рука Штюрмера дрогнула въ теплой рукѣ прусскаго полковника...

— Я всегда былъ вѣрнымъ слугою его величества и постараюсь исполнить свой долгъ до конца...

9. Сорокъ бѣсовъ.

Далеко не всякій министръ, имѣющій основаніе опасаться какихъ-либо покушеній на драгоцѣнную особу свою, похвастать могъ-бы такой неусыпной, хорошо налаженной охраною, подъ бдительнымъ и недремлющимъ окомъ которой во всякое время дня и ночи находился Григорій Ефимовичъ Распутинъ.

Всѣ мѣры были приняты, чтобы сберечь для Россіи бывшаго конокрада изъ Тюмени. Создалось даже своего рода соперничество. Охрана правительственная, жандармско-полицейская, конкуррировала въ своемъ рвеніи съ частной охраною, организованной и оплачиваемой банкиромъ Дмитріемъ Львовичемъ Рубинштейномъ. Ищейки этихъ обоихъ лагерей ни на минуту не довѣряли другъ другу. Обѣ „организаціи“ контролировались, въ свою очередь, двумя лицами, секретаремъ митрополита Питирима Осипенкою и секретаремъ самого Распутина—Симановичемъ. А всѣхъ этихъ господъ вмѣстѣ взятыхъ—контролировалъ бирюзовый генералъ Комисаровъ.

Вотъ и теперь, когда старецъ обѣдалъ у Бекмановъ,—ужъ чего-бы кажется насиженное, благонамѣренное мѣсто,—внизу у швейцара въ просторномъ вестибюлѣ съ коллонами, у тлѣющаго камина, сидѣло два типа въ пальто съ барашковыми воротниками. Профессія

этихъ господъ—написана чернымъ по бѣлому на лицахъ. Этакія отъѣвшіеся морды праздныхъ бездѣльниковъ. Оловяные глаза, безстыжіе, наглые. Жесткіе усы. Такъ-же выглядятъ еще городовые, переодѣтые въ „вольное“ платье.

По одну сторону камина сидѣлъ прохвостъ изъ охранки, а слѣдовательно охранникъ въ квадратѣ, по другую—шпикъ „банковскаго“ происхожденія. И оба, молча покуривая папиросы, косились другъ на друга.

Швейцаръ, высокій старикъ съ желѣзнымъ крестомъ еще за Плевну, успѣлъ привыкнуть къ этимъ соглядатаямъ. Распутинъ бывалъ въ этомъ домѣ нѣсколько разъ въ недѣлю. Успѣлъ, но все-же балканскій ветеранъ испытывалъ всякій разъ какое-то непріятное чувство и ему было стыдно и за свою лѣстницу, которою онъ гордился и передъ тѣми жильцами, что когда внизу онъ распахивалъ дверь, спрашивали вполголоса:

— Это что за публика?

Онъ дѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Охраняютъ...

Заглянулъ жандармскій генералъ Комисаровъ. Онъ съ порога поманилъ къ себѣ на улицу „своего“ охранника. Тотъ вскочивъ, какъ встрепанный, скатился внизъ къ генералу.

— Ну, что?

— Обѣдать, изволитъ, ваше превосходительство.

— Смотри, не упусти, не прозѣвай. Слѣдомъ за нимъ куда-бъ не поѣхалъ—скачи. Въ Вилла-Родэ, въ Вилла-Родэ, къ цыганамъ—къ цыганамъ.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, а только безъ машины не поспѣешь. Вонъ у тѣхъ машина,—у тѣхъ это значило—у Рубинштейновцевъ.

— Пустяки, и на Ванькѣ поскачешь. Важно знать—куда, а пріѣхать получасомъ позже—не велика бѣда.

— Такъ то оно такъ, ваше превосходительство, а все-же амбиція...

— Ну, какая тамъ у тебя амбиція, не говори глупостей... Смотри у меня въ оба!

Генералъ сѣлъ въ узенькія сани, только-только одному помѣститься, охранникъ пристегнулъ медвѣжью полость и рысакъ умчалъ его бирюзовое превосходительство вглубь сырой, весенней ночи.

Появился въ вестибюлѣ Симановичъ, невзрачный, маленькій, черненькій, типъ завсегдатая трущобныхъ клубовъ и заплеванныхъ кофеенъ. Онъ погрѣлъ красныя озябшія руки у дышащаго такимъ разнѣживающимъ тепломъ камина, пошептался съ конкуррирующими охранниками, чтобы не обидѣть ни того, ни другого и ушелъ.

Минутъ черезъ двадцать подъѣхалъ митрополичій секретарь Осипенко, молодой, пухлый, смазливый съ писарской внѣшностью, одѣтый въ одну изъ тѣхъ военно-чиновничьихъ формъ со звѣздочкой на узкомъ погонѣ, которыя для лицъ призывнаго возроста являются страховкою отъ передовыхъ позицій, гдѣ стрѣляютъ, калѣчатъ, ранятъ и даже убиваютъ.

Осипенко вхожъ былъ въ нѣкоторые дома, посѣщаемые Распутинымъ. Вхожъ условно. Къ обѣду его, какъ, напримѣръ, и въ данномъ случаѣ—не звали, ибо этотъ, по виду щеголеватый, военный писарекъ внесъ-бы диссонансъ въ общество. Но если онъ явится подъ шумокъ, незамѣтно, когда всѣ откушаютъ и — всякъ сверчокъ знай свой шестокъ—скромно гдѣ - нибудь, затершись, дождется, чтобъ проводить полубезчувственнаго Григорія Ефимовича—отчего-же, пускай.

Секретарь митрополита, записавшійся въ прихвостни къ Гришкѣ, усваивалъ понемногу „свѣтское обращеніе“. Онъ зналъ, что офицеры входятъ въ домъ при шашкѣ, или саблѣ, а потомъ уже испросивъ разрѣшеніе хозяевъ, или сразу получивъ таковое, снимаютъ свое оружіе. И вотъ, оставивъ у швейцара, полушубокъ съ обезьяньимъ воротникомъ, Осипенко, впущенный бри-

тымъ лакеемъ, отыскалъ въ гостиной хозяйку и „галантно“ приложился къ ея небольшой, холеной ручкѣ. Надежда Витальевна была пьяна, какъ вакханка, охмелѣвшая отъ винограднаго сока. И въ самомъ дѣлѣ, вакхически блуждали глаза, горѣлъ маленькій ротъ лепетавшій что-то несвязное и стиснутая вырѣзомъ персиковаго платья грудь, волновалась какъ-то бунтующе и безстыдно...

Врядъ-ли узнала Бекманша чинно звякнувшаго передъ ней шпорами румянаго пухлаго Осипенку. Пожалуй, приняла за кого-то совсѣмъ другого, ибо прощебетала ему, что-то по французски, на языкѣ, на которомъ митрополичій секретарь какъ говорится—ни папы, ни мамы. И дальше „merci и madame“—ни звука, хоть тресни.

Въ большой бѣлой Людовиковской гостиной дымъ коромысломъ стоялъ. Мужчины курили сигары, дамы—папироски. Синеватое пламя охватывало громадную грушу серебрянаго кофейника. Тутъ-же нѣсколько разнокалиберныхъ и разномастныхъ бутылокъ съ ликерами...

Старецъ, уже на порядочномъ взводѣ глушилъ красное вино. Неугомонный бѣсъ, которому было тѣсно и который,—вынь, да положь,—рвался прочь, свилъ себѣ свое дьявольское гнѣздо въ этомъ человѣкѣ. И отовсюду лѣзъ наружу. Отовсюду... Изъ крѣпкаго тѣла быкообразнаго старца, изъ ногъ все время такъ и просившихся въ плясъ, изъ рукъ неустанно жестикулирующихъ, машущихъ, хватающихъ съ одинаковой жадностью и стаканъ съ виномъ и женское плечо, грудь, колѣно... А глаза неустанно бѣгали подъ костистыми впадинами, бѣгали сатанинскими неугомонными огоньками.

Эти глаза, остановившись на Осипенкѣ, узнали его. Старецъ крикнулъ:

— Ты какъ здѣсь, Питиримова....—и онъ прибавилъ грубое, хлесткое обжигающее слово изъ пяти буквъ.

Осипенко оскалилъ бѣлые мокрые зубы въ отвѣтъ на милую шутку святого отца.

Но святой отецъ уже забылъ митрополичьяго „секретаря". Онъ весь былъ во власти вина и бунтующей плоти. Вспотѣвшій, всклокоченный, со спутанной, слипшей отъ вина бородою, искалъ онъ Сандру Беллини. Онъ все время говорилъ ей за обѣдомъ:

— Полюбилась ты мнѣ, шибко полюбилась, бровью мигни—залюблю, заласкаю...

Но пѣвица вовсе не торопилась „мигнуть" черной соболиной бровью своей, а, наоборотъ, елико возможно, отодвигалась, обдергивая платье,—предпріимчивыя старцевы руки такъ и норовили забраться къ ней подъ юбки.

Тохтамышева, сжигаемая адской ревностью, негодовала въ то же время на эту особу. Кто она и откуда взялась, глупая мѣщанка? Другая на ея мѣстѣ съ ума сошла бы отъ радости, а эта, подумаешь, корчитъ изъ себя какую-то угнетенную добродѣтель.

Старецъ былъ того-же самаго мнѣнія.

— Чаво-жъ фордыбачешься? Чаво?.. Естество это самое твое женское, какъ у иныхъ прочихъ бабъ, одинъ смакъ... Царицка, не тебѣ чета, корону на головѣ носитъ, а и то мужицкія лапы Гришины цѣлуетъ, потому Гриша особенный человѣкъ. Отъ Бога данный!

Пѣвица-то блѣднѣла, то краснѣла, замирая, думая одно, какъ-бы скорѣй кончился обѣдъ, ставшій для нея пыткою. Все, что она слышала кругомъ ото всѣхъ о вліяніи при дворѣ этого человѣка съ внѣшностью Емельки Пугачева, все, чему отказывалась вѣрить, имъ же самимъ съ наивно-убійственной простотою подтверждается. И какое-то безошибочное чувство подсказываетъ, что это не ложь, не бахвальство пьянаго, а истина, въ которой на трезвяхъ онъ, пожалуй, не сознался-бы...

Гарновскій, сидя наискосокъ отъ нихъ, все видѣлъ, но слышалъ чуть-чуть, пятое черезъ десятое. Отвра-

щеніе, сознаніе, что въ это самое время тамъ на фронтѣ умираютъ истекая кровью, сознаніе теперь окончательно укрѣпившееся, что этотъ разнузданный старецъ вліяетъ на войну и весь ходъ ея,—всѣ эти мучительныя мысли молодой капитанъ хотѣлъ утопить въ винѣ, но чѣмъ больше пилъ, тѣмъ острѣй чувствовалъ мозгъ, тѣмъ ярче работало воображеніе.

Кончился обѣдъ. Задвигались стулья и всѣ скопомъ перекочевали въ гостиную.

Старецъ продолжалъ искать „Бѣлика", желая,— дѣло ему такое привычное, — схватить ее и волокомъ тащить въ „Надькину" спальню. Надька подсѣвъ къ роялю заиграла „Марсельезу". Старецъ волчкомъ перевернувшись на мѣстѣ, ударилъ Бекманшу по спинѣ.

— Брось, дура, брось! Знаешь, не люблю этого самаго.. Давай трепака!

Марсельеза смѣнилась трепакомъ. Старецъ пустился въ плясъ. И, отдать ему справедливость, выходило это у него артистически. Всѣ сорокъ бѣсовъ заговорили въ немъ сразу. Онъ подпрыгивалъ высоко на одной ногѣ, какъ „радѣющій" хлыстъ, прищелкивалъ въ воздухѣ каблуками, выбивалъ упругую, мощную дробь шелъ ровно, какъ по ниточкѣ и вдругъ присѣдалъ съ поднятыми руками. Нѣсколько минутъ не прекращалась эта бѣшенная присядка.

И всѣ, разступившись, и друзья, которыхъ было много и недруги, которыхъ было мало, всѣ любовались этимъ сумасшедшимъ темпераментнымъ плясомъ.

Старецъ изнемогъ. Тонкая малиновая рубаха пропотѣла на лопаткахъ. Святой отецъ вдругъ споткнулся, упалъ и полулежа на паркетѣ, продолжалъ плясать руками и ногами подъ искрящуюся огневую музыку Надьки. Онъ затихъ, изнемогъ въ конецъ и уже не былъ въ состояніи подняться. Къ нему бросились на помощь хозяинъ, Осипенко и Тохтамышева. Старецъ, шатаясь, безумными глазами, отыскалъ бутылку съ краснымъ

виномъ, налилъ стаканъ до краевъ и залпомъ осушилъ его, тряхнувъ всклокоченной головою.

Хвалынцевъ подошелъ къ Гарновскому, спросилъ мягкимъ шепотомъ изъ-подъ большихъ надушенныхъ усовъ:

— Что, Павликъ, не можешь, кажется, посѣтовать на меня, что проскучалъ?

— Наоборотъ я очень тебѣ благодаренъ. Этотъ обѣдъ останется у меня навсегда.—Но слушай, Федя, вѣдь это же чортъ знаетъ что такое? Кошмаръ! Я щипалъ себѣ подъ столомъ, сонъ это, или на самомъ дѣлѣ?

— Увы, самая подлинная дѣйствительность! Ты сидѣлъ въ трехъ шагахъ отъ человѣка, играющаго исключительную, если не первую роль въ нашемъ великомъ отечествѣ, которому тѣсно въ двухъ частяхъ свѣта.

Гарновскій взялъ его за кожаную пуговицу кителя, ту самую, на которой Гришины пальцы оставили жирный слѣдъ.

— Милый, но вѣдь его же легко...—онъ осмотрѣлся,—легко убить... Гдѣ онъ только не пьянствуетъ.

— И очень легко и очень трудно. Кому охота рисковать головой. Для этого надо быть идейнымъ фанатикомъ. И наконецъ было-бы болото. Сегодня Гришка, завтра Ванька, Степка.

— Ты правъ, Федя, надо убить режимъ.

— Тсс...—Хвалынцевъ поднесъ палецъ къ губамъ,— не говори даже тихимъ шепотомъ такихъ страшныхъ вещей... Ты усталъ и надрался... Отправляйся домой, Павликъ.

— А ты?

— А еще немного останусь... До завтра не такъ-ли?

— До завтра...

И они простились глазами. Гарновскій незамѣтно вышелъ въ переднюю, гдѣ такъ же незамѣтно какъ и онъ ускользнувши, одѣвалась пѣвица Беллини. Гарновскій подержалъ ей мѣховое манто, пристегнулъ свою

шашку и они вмѣстѣ вышли, не говоря ни слова, но думая одно и то-же. Оба—подъ впечатлѣніемъ обѣда.

У погасшаго камина, клюя носомъ, дремали охранники. У „рубинштейновца“ въ углу рта прилипъ къ губѣ окурокъ папиросы...

---

10. „Умерщвленіе плоти“.

За обѣдомъ пѣвица даже парою словъ не перекинулась съ Гарновскимъ. Мало того, онъ даже не былъ представленъ ей. Но теперь, когда они шли вдвоемъ и кругомъ было пустынно и тихо и даль Сергѣевской таяла въ смутной весенней дымкѣ, весенней, хотя кругомъ почернѣвшій, сбитый обледенѣлый снѣгъ, теперь Сандра Беллини почувствовала какое-то располагающее довѣріе къ этому сильному, твердо выступавшему рядомъ съ нею офицеру съ энергичнымъ профилемъ подъ легкой англійской фуражкою. И убѣжденная, что встрѣтитъ сочувствіе, молвила:

— Не правда-ли, какой тихій ужасъ?..

— Да, съ меня хватитъ всѣхъ этихъ впечатлѣній. Кстати, я наблюдалъ за вами. Съ какимъ громаднымъ тактомъ вы себя держали. Вѣдь онъ ни на минуту не оставлялъ васъ въ покоѣ.

— Ахъ, до чего же онъ противный, какъ-то искренно и просто вырвалось у пѣвицы,—грязный, бррр, эти гнилые зубы, это дыханіе... Но что мнѣ оставалось дѣлать? Рѣзко встать и уйти—обидѣть хозяевъ. Тѣмъ болѣе Надежда Витальевна и княгиня Тохтамышева, отведя меня передъ обѣдомъ въ сторонку, умоляли не перечить старцу. Ну, вотъ я и не „перечила“, насколько могла...

— Княгиня-то княгиня хороша!—покачалъ головою

Гарновскій,—взбѣсилась на старости лѣтъ. Дѣти взрослые, дочь замужемъ, сынъ въ прошломъ году Пажескій кончилъ, теперь лежитъ раненый въ Двинскомъ госпиталѣ. А мамаша бѣгаетъ за этимъ старцемъ и онъ третируетъ ее, какъ послѣднюю какую-нибудь каналью. Она у него, какъ говорятъ на деревнѣ „изъ дуръ не выходитъ". И ничего, это „дура" въ его святыхъ устахъ наполняетъ ее блаженствомъ, ее, княгиню Тохтамышеву. А вѣдь, я-то ее хорошо знаю. Высокомѣріе, спесь, любованіе своей шестисотлѣтней породою. Все это въ ней и было и осталось, — уголъ не початый. Кого угодно такъ проснобируетъ, только держись, а передъ старцемъ—сама лежитъ ницъ распластавшись...

Они шли, да шли, разговаривая и было такъ интересно, что хотѣлось продолжать путь пѣшкомъ. Вотъ и Литейный. Оставили за собою хаотическую мавританскую громаду знаменитаго Мурузьевскаго дома свернули по Семеновской. Сандра Беллини жила на Караванной у цирка. Проводивъ ее, Гарновскій поѣдетъ къ себѣ въ „Асторію". Онъ, въ свою очередь, почувствовалъ довѣріе къ этой брюнеткѣ съ матовымъ лицомъ и узкими пытливыми глазами. И послѣ нѣкотораго колебанія задалъ ей вопросъ, сильно его интересовавшій,—вчера еще былъ спрошенъ имъ объ этомъ Хвалынцевъ:

— Какъ вы думаете, Александра Александровна, Бога ради, не сочтите за праздное любопытство, это нѣчто болѣе серьезное и глубокое, чѣмъ желаніе посплетничать,—существуетъ по вашему та близость,—вы меня понимаете,—о которой всѣ говорятъ, между этимъ старцемъ и государыней?..

Она молча взглянула на своего спутника.

— Вы хотите мое откровенное мнѣніе, но я не знаю, быть можетъ, я оскорблю васъ въ вашихъ лучшихъ чувствахъ. Вы гвардейскій офицеръ, монархистъ...

— Объ этомъ забудьте, Александра Александровна!—горячо перебилъ Гарновскій,—забудьте! Даже въ гвардіи теперь такихъ монархистовъ въ преторьянскомъ смыслѣ—почти нѣтъ, а если и есть даже такъ это либо дураки, либо сухіе карьеристы, у которыхъ ничего за душой нѣтъ, кромѣ собственнаго благополучія. Довольно! Эта война показала намъ, если не все пока еще, то многое и мы прозрѣли. Я самъ былъ горячимъ монархистомъ, облекая свое чувство въ красивую романтическую форму. И въ девятьсотъ пятомъ году юный подпоручикъ, вашъ покорный слуга, къ великому сожалѣнію,—теперь мнѣ стыдно вспомнить,—принималъ участіе въ карательныхъ эскападахъ. Слава Богу, ни на мнѣ самомъ, ни на людяхъ, которыми я командовалъ, нѣтъ русской крови. А вѣдь сколько было ужасовъ, какими жестокостями запятнала себя гвардія въ Прибалтійскомъ краѣ, усмиряя „мятежныхъ“ латышей и защищая „бѣдныхъ“ бароновъ. Особенно свирѣпствовалъ тамъ Саша Орловъ съ уланами ея величества. Засѣкали до смерти женщинъ, стариковъ, сжигали въ домахъ заживо, вѣшали, разстрѣливали. Къ чести уланъ, потомъ они всѣ сговорились никогда, никогда больше не вспоминать о своемъ походѣ въ Прибалтику. И вотъ есть-же, существуетъ законъ возмездія: Орловъ главный вдохновитель всѣхъ этихъ кровавыхъ вакханалій погибъ какъ-то темно и загадочно въ Египтѣ. Назимовъ, которому все „являлся“ повѣшенный имъ старикъ, началъ пить мертвую и, въ концѣ концовъ, застрѣлился. Было нѣсколько самоубійствъ. Кирасиръ баронъ Корфъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ тамъ же, на мѣстѣ, узнавъ, что по его приказанію было повѣшено сорокъ невинныхъ, наполовину женщинъ и дѣвушекъ. А сколько еще пострадало такихъ-же невинныхъ? Всѣ эти жертвы были уже заранѣе обреченныя. Остзейскіе бароны прислали ко двору черезъ Фредерикса списки всѣхъ тѣхъ латы-

шей, которыхъ они считали „крамольными". Иной какой-нибудь бѣдняга шапки не снялъ, проходя мимо замка своего феодала, чѣмъ навлекалъ на него баронскій гнѣвъ, сразу попадая въ списки обреченныхъ. А теперь эти самые латыши, съ которыми обращались какъ съ неграми, какъ львы дерутся. Въ моей ротѣ восемь латышей и всѣ георгіевскіе кавалеры. А у двухъ—уже полный бантъ. Да, проклятый годъ, съ омерзеніемъ вспоминаешь объ немъ. Думаю, что больше никогда ужъ не повторится. Никогда!.. Но мы удалились отъ моего вопроса, теперь вы, кажется, видите мои взгляды и что со мной можно говорить какъ слѣдуетъ по хорошему...

— Я вижу это,—сказала пѣвица задушевно и просто,—вижу и вотъ вамъ мое искреннее мнѣніе, за послѣднее время часто и много приходилось мнѣ пѣть въ салонахъ великосвѣтской знати, гдѣ, опять таки за послѣднее время, совсѣмъ перестали стѣсняться въ смыслѣ критики придворной жизни.

— Вотъ, вотъ что же тамъ говорятъ?—подхватилъ Гарновскій.—Я за время войны отсталъ, почти полтора года нигдѣ не былъ въ обществѣ и только теперь на двѣ недѣли урвался съ позицій.

— Большинство, знающихъ жизнь Царскосельскаго дворца не изъ вторыхъ рукъ и не по наслышкѣ, убѣждено...—и хотя кругомъ никого не было Беллини понизила голосъ,—убѣждено въ существованіи физической тѣлесной связи императрицы съ этимъ субъектомъ. Я объясняю это, право, не знаю какъ выразиться, научно, не развращенностью, нѣтъ. Съ ея стороны это на религіозно-мистической почвѣ. Онъ внушилъ всѣмъ и государынѣ, и Вырубовой, и остальнымъ своимъ поклонницамъ, что необходимо умерщвлять плоть, но, не такъ, какъ это дѣлаютъ подвижники и аскеты, а, наоборотъ, убивая ее, какъ это, ну въ наслажденіяхъ, что-ли...

— Довольно своеобразная манера умерщвленія плоти!—не могъ не удержаться Гарновскій отъ улыбки,—прекрасно, дальше, Александра Александровна...

— Дальше, онѣ всѣ убѣждены, что живя съ Распутинымъ, онѣ пріобщаются къ его благодати, къ его божескому началу, въ которое онѣ всѣ такъ незыблемо вѣрятъ. Видѣли же, вы какъ сегодня Тохтамышева пріобщалась,—иначе не назовешь какъ пріобщалась,— крошками хлѣба, застрявшими въ бородѣ старца.

— Бородѣ, отъ которой, навѣрное, пахнетъ козломъ, — подхватилъ Гарновскій,—разумѣется, какъ на чей вкусъ, но мужчина, святой старецъ, не аппетитный.

— Грязнуля страшная, а между тѣмъ часто ходитъ въ баню со своими поклонницами.

— Но, думаю, что вся эта компанія занимается въ банѣ меньше всего омовеніями. Все это было бы забавно, не будь такъ отвратительно! А, главное, не отзывайся пагубно такъ на всемъ—и на войнѣ, и въ тылу... У своего подъѣзда пѣвица простилась съ Гарновскимъ, сказавъ напослѣдокъ:

— Заходите къ намъ какъ-нибудь. Я сама жду послѣзавтра изъ дѣйствующей арміи мужа. Онъ призванъ съ начала мобилизаціи. Милости просимъ...

Гарновскій вернулся къ себѣ въ „Асторію“ на извозчикѣ. Было уже одиннадцать. Въ вестибюлѣ гостиницы, стояли въ одиночку и группами офицеры—наши, англичане, бельгійцы, французы. Смѣшеніе формъ, головныхъ уборовъ. Отъ расшитыхъ золотомъ французскихъ кэпи вѣяло „кусочкомъ“ Запада.

За столиками пили чай и кофе тѣ, кто перекочевалъ сюда изъ ресторана послѣ обѣда.

— Павликъ, милый, сколько лѣтъ, сколько зимъ! Гарновскій очутился въ объятіяхъ маленькаго, черноусаго улана.

— Имшинъ? Уже ротмистръ, сколько тебѣ, двадцать пять?

— Двадцать шесть!

— Поздравляю! Такъ если будетъ дальше, Наполеоновскую карьеру сдѣлаешь. Клюква, Владимiръ, всякая всячина! Наполеонъ—не меньше.

— Пока я выдержу экзаменъ въ Наполеоны, меня навѣрное убьютъ. Контуженъ и раненъ. Пойдемъ чай пить, все твои знакомые. Обсудимъ, что намъ дальше дѣлать.

— Лично я,—спать!

— Ну это дудки, одиннадцать всего, дѣтское время!

Были въ компанiи еще одинъ уланъ, преображенецъ и штатскiй, молодой брюнетъ, красавецъ писаный, если-бъ не портила его какая-то крокодилья улыбка. Онъ оказался польскимъ помѣщикомъ-бѣженцемъ графомъ д'Эрсивиль.

— А мы тебя поджидали къ обѣду, Павликъ,—замѣтилъ Имшинъ,—гдѣ ты обѣдалъ?

— Въ обществѣ Распутина.

— Что такое?!

— О, да, это адски и интересно!—молвилъ бѣженецъ, улыбаясь и сразу дурнѣя.

— Ну что-же, по обыкновенiю надрался и хамилъ?

— Надрался и хамилъ,—въ тонъ согласился Гарновскiй.

— Ты намъ разскажешь подробно, и сейчасъ. Чтобъ не забыть послѣдняя новость: изъ-за него полетѣлъ Дрентельнъ, то-есть какъ полетѣлъ, государь далъ ему преображенскiй полкъ...

— Не можетъ быть! Вѣдь это-же такая дружба была! На «ты», всегда неразлучны. Какъ же это вышло?

— А вотъ, пусть онъ разскажетъ,—Матохинъ разскажи,—обратился Имшинъ къ рослому блондину-преображенцу.

— За что купилъ, за то и продаю,—сказалъ Матохинъ,—источникъ-же слишкомъ солидный, заслуживающiй довѣрiя. Этому лицу все разсказалъ самъ

Дрентельнъ. Утромъ вышелъ онъ, это было третьяго дня на обычную прогулку съ государемъ въ паркъ. Дрентельнъ былъ мраченъ, не въ духѣ.

— Что съ тобой?—спросилъ государь.

— Ахъ, ваше величество, опять этотъ мерзавецъ Распутинъ прошелъ къ великимъ княжнамъ...

Государь промолчалъ, ничего не отвѣтилъ. Такъ молча они вернулись съ прогулки, Дрентельнъ къ завтраку не вышелъ. Нездоровилось. Не вышелъ и къ обѣду. Остался лежать у себя. Тогда послѣ обѣда государь заглянулъ къ нему «Что съ тобой?»—«Нездоровится».—Нездоровится? Вотъ видишь, сказалъ про святого человѣка, нехорошо, вотъ тебя Богъ и наказалъ.

А на другой день, государь поздравилъ Дрентельна нашимъ командиромъ. Мы-то, преображенцы, очень довольны. Человѣкъ онъ въ высшей степени порядочный, умный.

— Господа, что же это такое?—обвелъ всѣхъ недоумѣнно негодующимъ взглядомъ Гарновскій,—въ какомъ-же, наконецъ, вѣкѣ мы живемъ, въ двадцатомъ или двѣнадцатомъ? Или я ничего не понимаю и безнадежно поглупѣлъ на позиціяхъ, или, наоборотъ, всѣ кругомъ поглупѣли, а я остался въ здравомъ умѣ и свѣжей памяти. Вѣдь, это же кругомъ всѣ говорятъ! Всѣ! Вѣдь это стало посмѣщищемъ въ глазахъ всей Европы. Я не знаю, какъ вамъ, друзья мои, но мнѣ стыдно, положительно стыдно смотрѣть въ глаза нашимъ союзникамъ англійскимъ и французскимъ офицерамъ. Я не сомнѣваюсь, они должны безконечно презирать насъ, презирать какъ жалкое быдло и, если хотите, имѣютъ на это полное право.

— Причемъ-же мы здѣсь,—не понялъ преображенецъ.

— А при томъ здѣсь? — наклонился Гарновскій, продолжая яснымъ чеканымъ шепотомъ, — что мы

терпимъ этотъ—не скажу турецкій, потому что въ Турціи больше порядка,—этотъ, ужъ если на то пошло, персидскій режимъ, создающій Гришекъ, продающій насъ и наши военные успѣхи нѣмцамъ. Намъ, простымъ смертнымъ, нѣтъ никакого дѣла, до «тайнъ мадридскаго дворца», и что дѣлается въ спальняхъ Царскосельскаго дворца. И пусть августѣйшая любовница въ объятіяхъ этого бывшаго конокрада находитъ рѣшеніе своихъ религіозныхъ сомнѣній, пусть! Это ихъ частное дѣло, хотя это и мерзко, но пусть-же этотъ конокрадъ остается, какую тамъ ему выдумали должность, дворцовымъ лампадникомъ, что-ли, а не смѣщаетъ министровъ и не вывѣдываетъ секретовъ нашей обороны и нашей политики, чтобы то и другое передавать германскимъ агентамъ...

— Возмутительно, безобразіе! — молвилъ маленькій уланъ,—зачѣмъ же тогда воевать? Во имя чего эти жертвы, зачѣмъ я контуженъ и раненъ?—И вдругъ перемѣнивъ тонъ, спросилъ озабоченно-дѣловито,—такъ ты думаешь, что она живетъ съ нимъ, съ этимъ сибирскимъ медвѣдемъ?

Гарновскій вспомнилъ Сандру Беллини, какъ хорошо ему было возвращаться отъ Бекмановъ, говорить съ нею, вспомнилъ красивое матовое лицо и пытливые, узкіе, по восточному узкіе глаза. Надо непремѣнно зайти къ ней.

— Этотъ романъ не подлежитъ сомнѣнію, а, главное, онъ подтверждается документально, письмами ея къ нему, гдѣ, говорятъ, не мало эротики.

Д'Эрсивиль, жившій постоянно за-границею, новый человѣкъ въ Петроградѣ, вслушивался съ жаднымъ вниманіемъ, улыбаясь и сверкая рѣдко посаженными мокрыми зубами, что вмѣстѣ съ очень крупнымъ ртомъ, къ сожалѣнію, портило его лицо.

— А до него, прежде, у нея бывали романы?—спросилъ бѣженецъ-графъ съ надеждою услышать что-нибудь пикантное.

— Орловъ, Саша Орловъ, который командовалъ нашимъ полкомъ, уланами ея величества,—поспѣшилъ отвѣтить Имшинъ.—Этотъ романъ, какъ говорится, на моихъ глазахъ проходилъ. Я тогда былъ пажемъ, ѣздилъ въ Царское. Какой это былъ красавецъ, Орловъ! Недаромъ какой-то знаменитый художникъ за границей рисовалъ съ него римскихъ всадниковъ. Съ того времени, съ орловскаго «случая» пошла въ ходъ и Вырубова, Анна Александровна. Попросту говоря,—сводничала. У нея государыня тайкомъ встрѣчалась съ Орловымъ. Однажды громадный скандалъ на все Царское вышелъ. Возвращается откуда-то Вырубовъ, морякъ, мужъ этой самой теперь всесильной Анны Вырубовой, хочетъ пройти въ спальню, жена его не пускаетъ. Молчитъ и не пускаетъ... Сцена ревности, разспросы. Молчитъ какъ могила и не даетъ ему шага впередъ сдѣлать.

— А въ спальнѣ были тѣ, двое?—спросилъ съ какимъ-то плотояднымъ блескомъ въ глазахъ «бѣженецъ».

— Вопросъ? Конечно! И что же Вырубовъ? Озвѣрѣвши, да онъ кажется еще и вернулся надравшись, такъ избилъ супругу свою смертнымъ боемъ, полчаса колотилъ. Въ концѣ концовъ городовые сбѣжались на крики... Съ тѣхъ поръ государыня и Вырубова—неразлучны.

— О чемъ вы здѣсь шепчетесь, господа, бросьте, поѣдемъ лучше въ «Вилла Родэ».

У столика съ тремя офицерами и однимъ штатскимъ, очутился военный летчикъ, съ желтымъ пергаментнымъ лицомъ и съ боевымъ Владиміромъ на черномъ фонѣ кителя. Что-то арабское было въ его крупныхъ, тонкихъ чертахъ и густыхъ, завитыхъ природою, отливающихъ синевою мельчайшихъ кудерокъ, волосахъ. Да онъ и былъ внукомъ знатнаго араба ассирійской пустыни и звали его Шейхомъ Аршири.

— А Шейхъ!—воскликнулъ маленькій уланъ,—гдѣ

ты пропадалъ сегодня? Онъ выигралъ въ карты двадцать восемь тысячъ!

— Двадцать шесть,—спокойно поправилъ летчикъ,— надо быть особенно щепетильнымъ въ такихъ случаяхъ—Гарновскій, я съ тобой не знакомъ. Обѣщалъ обѣдать со мною у Контана и обманулъ.

— Онъ обѣдалъ съ Распутинымъ.

— Часъ отъ часу не легче! А я считалъ тебя порядочнымъ человѣкомъ! Ну что-жъ господа, ѣдемъ въ «Вилла-родію», какъ говорятъ извозчики.

— А поздно не будетъ?—зажегся маленькій уланъ,— двѣнадцатый часъ, пока доѣдемъ... Поди, все закрыто.

— Дудки, я тоже мальчикъ не глупый. Я протелефонировалъ Адольфу и къ нашимъ услугамъ кабинетъ. Позовемъ цыганъ. Всѣ ѣдутъ? Матохинъ, графъ, Имшинъ Гарновскій, бросайте вашъ дурацкій чай и маршъ!..

— Я не поѣду,—отозвался Гарновскій.

— Пожалуйста, безъ глупостей. Сколько мѣсяцевъ мы съ тобой не видались! Помнишь, Павликъ, нашъ съ тобой полетъ надъ Перемышлемъ и какъ насъ анафемски обстрѣляли? Жуткіе были моменты, чортъ-бы ихъ подралъ. Вспомнимъ все это у „Адольфа" за стаканомъ вина. Ѣдешь? Уговорилъ?..

— Уговорилъ...

— То-то...

Аншири по мавританскому темпераменту своему былъ страстный игрокъ. То ему везло и, загребая крупныя суммы, онъ швырялъ деньгами, угощая всѣхъ и вся, никому не позволяя платить, подъ страхомъ, какъ онъ говорилъ „смертной казни", то въ мрачныя полосы невезенія, сидѣлъ на мели, безъ гроша, обѣдая въ кредитъ въ тѣхъ самыхъ ресторанахъ, гдѣ такъ недавно расшвыривалъ тысячи.

И вотъ онъ привезъ компанію въ „Вилла-Родэ" и, всѣ очутились въ большомъ кабинетѣ. Явился Адольфъ

Родэ, этотъ магъ и чародѣй съ внѣшностью мрачнаго, упитаннаго гипнотизера. Шейхъ, переминаясь на тоненькихъ, забинтованныхъ черными суконными гетрами, ногахъ, совѣщался съ Адольфомъ относительно вина и цыганъ.

— Нельзя ли, вообще, какихъ-нибудь женщинъ, хористокъ, пѣвичекъ, все равно?..

— Можно, почему нѣтъ, — охотно согласился гипнотизеръ.

— А нельзя намъ перекочевать въ сосѣдній кабинетъ? Помнится, тамъ гораздо уютнѣй.

— Къ сожалѣнію, занятъ. По телефону заказанъ.

— Кѣмъ? Глупости!..

Господинъ Шейхъ, вы знаете какъ я васъ цѣню, вы рѣдкій гость, а только не могу. То „лицо" меня съѣстъ. Очень важное лицо, а мы люди маленькіе.

— Кто же это, Дмитрій Павловичъ?

— Нѣтъ! Его высочество, что и говорить, большой человѣкъ, а этотъ еще больше..

— Такъ кто же, чортъ побери? Надѣюсь не Государь Императоръ. Онъ сейчасъ въ ставкѣ, да если-бъ даже и былъ здѣсь, къ вамъ не поѣхалъ-бы.

— Почти-что... почти-что,—ухмыльнулся, прищуривая шельмовски глазъ Адольфа.

— Такъ кто-же, скажете, наконецъ, или я васъ задушу.

— Самъ Григорій Ефимовичъ Распутинъ.

— Вотъ какъ!—возмутился Шейхъ,—я потомокъ ассирійскихъ царей, русскій дворянинъ и офицеръ, а вы отдаете предпочтеніе какому-то сиволапому хаму! Реквизирую кабинетъ, реквизирую и никакихъ гвоздей и летчикъ сдѣлалъ движеніе къ дверямъ.

Адольфъ загородилъ ему путь.

— Господинъ Шейхъ, ну, зачѣмъ это вамъ? Капризъ! А я маленькій человѣкъ буду расплачиваться. Въ двадцать четыре часа вышлютъ.

— Изъ-за Гришки? Не можетъ быть.

— И не такихъ какъ я высылали. А у меня большое дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, какъ-же быть? — задумался Шейхъ, вотъ что не соединиться-ли намъ вмѣстѣ? Я его кстати никогда не видѣлъ, а умереть и не видѣть Распутина... Господа, — обратился летчикъ къ своимъ товарищамъ,—вы ничего не имѣете противъ общества благочестиваго старца? Его блудодѣйство Григорій Ефимовичъ Распутинъ соизволитъ прибыть съ минуты на минуту, и я его хочу позвать къ намъ...

— Въ такомъ случаѣ, я сію же минуту уѣзжаю отсюда,—взялся за свою фуражку Гарновскій съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

— Чудной человѣкъ, ты-же всего нѣсколько часовъ назадъ обѣдалъ въ его обществѣ.

— Вотъ потому-то я и уѣзжаю. Довольно съ меня, хорошаго по немножку.

— Глупости, плюнь! Не обращай на него вниманія. Господа, уговорите Павлика. Всю компанію разстраиваетъ.

— Маленькій уланъ д'Эрсивиль и Матохинъ обступили Гарновскаго, упрашивая остаться.

— Мы его разыграемъ... Увидишь, весело будетъ... Увидишь...

Гарновскій, сначала колеблясь, задумался вдругъ, плотно сжавъ губы, глядя куда-то въ пространство и, молвилъ.

— Хорошо, такъ и быть, остаюсь...

---

12. „Мерзавецъ“.

Карлъ Яковлевичъ Рейсонъ, этотъ съ внѣшностью Шерлока-Холмса лакей изъ ресторана «Медвѣдь», никакъ не могъ успокоиться. Гвоздемъ засѣли въ его упрямой латышской головѣ два слова: «Ребингофъ и Марія», произнесенныя барономъ Цеге-фонъ-Мантейфель.

Другой на мѣстѣ Рейсона мимо ушей пропустилъ-бы. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, подумаешь, эти два слова,— „Ребингофъ и Марія“? Но Карлъ Яковлевичъ Рейсонъ всю первую половину военныхъ дѣйствій служилъ метръ-дотелемъ въ одной изъ гостинницъ Стокгольма. Тамъ онъ успѣлъ ко многому присмотрѣться и многому научиться.

Онъ зналъ, очень хорошо зналъ, кто такой Ребингофъ. Зналъ про его близость къ германскому посланнику въ Швеціи фонъ-Люціусу. Ребингофъ считался видною фигурою среди агентовъ политической и военной развѣдки. Это былъ шпіонъ-гастролеръ, шпіонъ генералъ-инспекторъ, если можно такъ выразиться. Имѣя Берлинъ своей штабъ-квартирою, онъ вѣчно былъ въ разъѣздахъ, провѣряя дѣятельность, той, или иной шпіонской организаціи и, въ случаѣ надобности, самъ берясь за какое-нибудь трудное, отвѣтственное, непосильное рядовому агенту дѣло.

Тамъ-же въ Стокгольмѣ Ребингофъ обратилъ вниманіе на Рейсона. Вотъ человѣкъ! Русскій подданный, владѣетъ нѣмецкимъ и русскимъ, говоритъ по шведски, можетъ быть полезнымъ... И одинъ изъ агентовъ Ребин-

гофа, не сомнѣвавшійся, что Рейсонъ прибалтійскій нѣмецъ, сталъ его понемногу охаживать.

— Всякій вѣрноподданный кайзера Вильгельма, а вы его вѣрноподданный, хотя и присягали царю, долженъ въ такіе дни быть полезнымъ отечеству. Охота вамъ торчать по цѣлымъ днямъ во фракѣ, наблюдая, какъ эти лакеи разносятъ супъ, а десятки и сотни ртовъ жуютъ всякую всячину. Не лучше ли поработать во имя идеи, которая, къ тому-же, еще хорошо оплачивается.

Рейсонъ могъ-бы отвѣтить на все это:

— Убирайтесь вы къ дьяволамъ! Никогда нѣмцемъ не былъ и не буду! Я чистокровный латышъ и ваше иродово племя отъ всей души ненавижу! Мало развѣ видѣли мы слезъ и горя отъ вашихъ проклятыхъ бароновъ?! Въ девять-сотъ пятомъ году мой братъ былъ вздернутъ, а я самъ только тѣмъ и спасся, что убѣжалъ...

Такъ могъ-бы сказать Рейсонъ. Могъ-бы, но—ничего не сказалъ. Выслушалъ молча съ каменнымъ лицомъ и уронилъ спокойно послѣ нѣкоторой паузы:

— Дайте подумать...

Черезъ два дня Рейсонъ изъявилъ свое согласіе работать «во имя идеи». Агентъ пригласилъ его въ «контору» нѣкоего Ларсона. Здѣсь торговали чѣмъ угодно,—сапогами, свининой, охотничьими ружьями, солдатскимъ сукномъ, крупчаткой, но все это больше для отвода глазъ. На самомъ же дѣлѣ, въ конторѣ господина Ларсона сходились нити германскаго шпіонажа, радіусами какъ изъ центра идущіе во Францію, Англію и Россію.

Договаривался Карлъ Яковлевичъ съ маленькимъ, худенькимъ энергичнымъ Ребингофомъ, въ присутствіи полнаго краснощекаго Ларсона. Дѣловитъ и кратокъ былъ Ребингофъ.

— Имѣйте въ виду, если вы насъ продадите, мы объ этомъ узнаемъ, и вамъ не сдобровать. Мы по коро-

левски награждаемъ полезныхъ и вѣрныхъ агентовъ, измѣннику-же никуда не уйти отъ нашей мести. Изъ подъ земли выкопаемъ! Наши условія—триста марокъ въ мѣсяцъ жалованья и отдѣльныя преміи за исключительно важныя свѣдѣнія. Кромѣ того, пять процентовъ съ причиненныхъ непріятелю убытковъ. Скажемъ, вамъ удалось взорвать погребъ, заключавшій въ себѣ на милліонъ рублей пороху. Слѣдовательно, вы кладете въ карманъ пятьдесятъ тысячъ—цѣлое состояніе. Прежде, чѣмъ мы васъ пошлемъ въ Россію, вы должны въ теченіе двухъ-трехъ недѣль подготовиться...

Лейтенантъ флота занялся „морскимъ дѣломъ" съ Карломъ Рейсонъ. Въ нѣсколько дней безошибочно, по «силуэтамъ» научился Рейсонъ угадывать русское военное судно,—броненосецъ, дредноутъ, крейсеръ. Онъ зналъ по именамъ всѣ эти аспиднаго цвѣта гигантскіе утюги, зналъ ихъ базы, ихъ операціонныя линіи.

Съ этимъ-же самымъ лейтенантомъ прошелъ Карлъ Яковлевичъ и краткій упрощенный курсъ артиллерійскаго дѣла.

И вотъ, уже, подготовленный кое-какъ натасканный, очутился въ Россіи. Свой образъ дѣйствій онъ предрѣшилъ въ тотъ моментъ, когда согласился поступить къ Ребингофу. Онъ будетъ давать ложныя свѣдѣнія коммиссіонной конторѣ господина Ларсона и Ребингофу, самъ-же будетъ освѣдомлять русскихъ о намѣреніяхъ и планахъ нѣмцевъ.

Но въ Россіи отнеслись недовѣрчиво и холодно къ Рейсону. И не потому, что это былъ Рейсонъ, а потому, что, вообще, дѣло контръ-развѣдки было всегда поставлено плохо у насъ, главнымъ образомъ сосредоточиваясь въ жандармскихъ рукахъ, то-есть у людей, которые съ легкимъ сердцемъ продадутъ за деньги, что угодно, у которыхъ единственное отечество—департаментъ полиціи вмѣстѣ съ охранкою.

Рейсонъ безошибочно, день въ день, предсказалъ

бомбардировку Одессы, «Гебеномъ», предсказалъ готовящееся наступленіе на рижскомъ фронтѣ, но никакого толку изъ этого не получилось и дальше «бирюзовыхъ» подполковниковъ и ротмистровъ эти драгоцѣнныя свѣдѣнія такъ и не пошли.

А когда онъ возвращался въ Стокгольмъ, и Ларсонъ и Ребингофъ всячески испытывали его, не продаетъ ли онъ ихъ. Испытанія эти были психологическія—выдастъ, или не выдастъ себя Рейсонъ.

Вдругъ наливался ему коньякъ, ему одному.

— Выпейте, пожалуйста!

И при этомъ—загадочная улыбка. Если, молъ, заколеблется, заподозритъ чего-добраго отраву, значитъ совѣсть не чиста. Но Рейсонъ, догадываясь въ чемъ дѣло, безо всякихъ сомнѣній опрокидывалъ въ себя рюмку.

А то разъ такую штуку продѣлалъ съ нимъ Ребингофъ.

— Ну-ка поближе къ стѣнѣ, я выстрѣлю въ васъ,— и при этомъ лицо такое, не угадаешь, всерьезъ это, или въ шутку.

Рейсонъ молча, спокойно занялъ указанное мѣсто. Ребингофъ, считавшійся первоклассннымъ стрѣлкомъ, выхватилъ револьверъ, бацъ и пуля пробила телефонную книжку въ какихъ нибудь пяти-шести сантиметрахъ отъ щеки Рейсона.

— Нѣтъ, вы насъ не продаете!—рѣшилъ Ребингофъ, кладя на столъ маленькій маузеръ,—другой агентъ, работающій на два фронта либо кинулся-бы прочь бѣжать, либо просилъ-бы «не шутить» съ нимъ такихъ милыхъ шутокъ... А вы молодецъ! Вамъ можно вѣрить. Одно плохо, до сихъ поръ не имѣемъ отъ васъ цѣнныхъ свѣдѣній, все больше незначительные пустяки...

Рейсонъ покинулъ Стокгольмъ, убѣдившись во всей безполезности этой опасной игры. Зачѣмъ рисковать, во имя чего въ самомъ дѣлѣ дожидаться, чтобъ Ребин-

гофъ въ одинъ прекрасный день узнавъ про двойную игру,—а въ концѣ концовъ онъ узнаетъ,—всадилъ пулю, уже не въ телефонную книжку, а въ черепъ Карла Яковлевича Рейсона. Это рѣшительно никому не надо и менѣе всего самому Рейсону. И бывшій метръ-д'отель, возвратившись въ Петроградъ уже навсегда получилъ мѣсто лакея у «Медвѣдя». Богъ съ ней съ политикой!..

Но вотъ онъ услышалъ „Ребингофъ и Марія", и у него сердце забилось. А немного спустя шевельнувъ памятью, онъ вспомнилъ, какъ видѣлъ однажды у Ларсона прусскаго офицера генеральнаго штаба—двѣ капли воды этотъ холеный, съ двоящимся затылкомъ и военной выправкою нѣмецъ, завтракавшій вдвоемъ со Штюрмеромъ.

Ясно какъ Божій день: Ребингофъ спеціалистъ по минному и подрывному дѣлу, конструкторъ какой-то новой адской машины, долженъ пріѣхать на одну изъ своихъ очередныхъ гастролей, чтобъ взорвать въ Севастополѣ дредноутъ „Марія".

Кто знаетъ, быть можетъ и удастся предовратить катастрофу. На другой-же день лакей ресторана «Медвѣдь», отпросившись, облачился въ визитку и пошелъ въ морской штабъ. Но съ нимъ никто и говорить не пожелалъ, хотя онъ и обѣщалъ открыть свѣдѣнія чрезвычайной, исключительной важности.

Онъ ушелъ чуть ли не со слезами. Какъ же быть? Нельзя молчать, но и не закричитъ же онъ вдругъ на всю улицу „Караулъ нѣмцы хотятъ взорвать „Марію"!" Подумалъ, подумалъ Карлъ Яковлевичъ и направилъ стопы свои къ одному жандармскому полковнику. Авось этотъ что-нибудь придумаетъ, не во имя родины,—какая ужъ тутъ родина!—а хотя бы затѣмъ, что самому выслужиться.

Бирюзовый полковникъ пепельно-сѣдой съ лицомъ старой летучей мыши улыбался какъ-то особенно,—

угломъ рта. Улыбку эту ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать плѣнительной. Къ тому-же портилъ ее блескъ золотого зуба.

Полковникъ зналъ Рейсона, Рейсонъ зналъ полковника.

— Ну что милѣйшій, опять какія-нибудь фантастическія свѣдѣнія?

— Господинъ полковникъ я никогда не приносилъ вамъ фантастическихъ свѣдѣній. Вспомните „Гебенъ", вспомните Либаву.

— Вотъ нашелъ чѣмъ хвастать!—Это мы и безъ васъ знали черезъ другихъ агентовъ. Съ чѣмъ теперь пожаловалъ? Говорите,—некогда!

Полковнику съ золотымъ зубомъ и вправду было некогда.

Онъ спѣшилъ въ департаментъ полиціи, гдѣ и вмѣстѣ обсудятъ маленькій еврейскій погромчикъ въ Елисаветградѣ. Это необходимо по соображеніямъ политическимъ дабы „доказать", что въ послѣднихъ неудачахъ на фронтѣ виноваты евреи.

Рейсонъ въ двухъ словахъ сообщилъ въ чемъ дѣло.

— Вы понимаете, господинъ полковникъ, уничтоженіе «Маріи» сильно ослабитъ весь черноморскій флотъ.

— Понимаю. Вашъ Ребингофъ будетъ арестованъ, какъ только переѣдетъ границу. До свиданья...

Полковникъ сообщилъ Манасевичу-Мануйлову. Манасевичъ-Мануйловъ сообщилъ Штюрмеру, а Штюрмеръ приказалъ:

— Немедленно выслать мерзавца въ Нарымскій край!..

И «мерзавецъ» былъ высланъ въ эту-же ночь въ сопровожденіи двухъ здоровенныхъ жандармовъ.

Конецъ первой части.

Часть вторая.

1. Оракулъ царя Николая.

Царскій поѣздъ стоялъ въ Могилевѣ на запасномъ пути. Обыкновенно въ Ставкѣ Николай жилъ въ губернаторскомъ домѣ. Но иногда онъ возвращался изъ Царскаго вмѣстѣ съ Гришкою Распутинымъ и въ такихъ случаяхъ проводилъ со старцемъ день другой въ поѣздѣ. Все же не такъ у всѣхъ на глазахъ и въ особенности подальше отъ генерала Алексѣева, единственнаго человѣка въ Ставкѣ, котораго государь уважалъ и побаивался. Алексѣевъ былъ его совѣстью. Какъ ни заливали усердно виномъ царскую совѣсть ближайшіе приспѣшники и фавориты Воейковъ и Ниловъ, а все же нѣтъ-нѣтъ въ минуты просвѣтлѣнія она всплывала иногда, въ туманныхъ и смутныхъ потемкахъ, но все же всплывала...

Въ такія минуты царь сознавалъ себя жалкой безвольной игрушкою въ цѣпкихъ и властныхъ рукахъ жены своей. Хитрая, лукавая особымъ лукавствомъ полусумасшедшихъ экзальтированныхъ истеричекъ, Александра Федоровна избѣгала оказывать личное прямолинейное давленіе на мужа. Она оставалась въ глубинѣ сцены, заставляя вмѣсто себя играть въ первую голову конечно Гришку, затѣмъ Вырубову, Воейкова. Этотъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большее и большее

вліяніе на Николая, сухой надменный эгоистическій интриганъ, смѣнившій въ роли дворцоваго коменданта Дрентальна, человѣка умнаго, честнаго, порядочнаго.

Германскіе офицеры съ Мантейфелемъ во главѣ, внушили императрицѣ, что необходимо провалить автономію Польши и вмѣстѣ за одно провалить и Сазонова, дружба котораго съ англійскимъ посломъ Бьюкененомъ давно уже не нравилась нѣмецкой партіи.

И вотъ мобилизованъ былъ на „этотъ предметъ" Гришка. Въ одномъ—бѣда сущая. Приходилось втемяшивать въ его тугую, непонятливую голову такія тонкости, которыхъ мозги старца никакъ не могли переварить. Бился надъ Гришею лисичка Штюрмеръ, билась Вырубова, сама государыня и, въ концѣ концовъ, втолковали, что надо говорить государю.

Александра Федоровна послала въ Ставку депешу: „Ѣдетъ святой отецъ, благословитъ". Получивъ телеграмму, царь перекочевалъ изъ губернаторскаго дома въ свой поѣздъ, охраняемый георгіевскими кавалерами, конвойцами въ папахахъ и черкескахъ, полевыми жандармами и сотнями всѣмъ и вся мозолющихъ глаза шпиковъ.

Распутинскій вагонъ, въ которомъ Гриша примчался со своей собственной охраною, былъ тотчасъ же включенъ въ царскій поѣздъ.

Въ салонѣ съ громадными зеркальными окнами произошла встрѣча Николая съ Гришкой. Императоръ всероссійскій въ защитной гимнастеркѣ, съ бѣлымъ георгіевскимъ крестикомъ подошелъ за благословеніемъ къ святому старцу, котораго сибирскіе мужики неоднократно пороли за воровство лошадей и всякія другія художества. Государь смиренно поцѣловалъ Распутину руку. Тотъ привычнымъ жестомъ ткнулъ ее къ закрытымъ усами государевымъ губамъ.

— Вы прямо изъ Царскаго Григорій Ефимовичъ? Какъ тамъ, все благополучно?

— Ничего, все ладкомъ да по хорошему. И Сана здорова и дѣтки. Вотъ мальченку самую малость корчило третьяго дни, такъ я ему руки наложилъ—прошло... какъ встрепаный. Покуль Гриша здоровъ, да живъ, и всѣмъ вамъ благодать. Гриша за васъ первый у Бога молитель. А только враговъ да завистниковъ у Гриши много, такъ и норовятъ злыдни, какъ бы спихнуть, да опаскудѣть...

— Ну, это никому не удастся,—молвилъ царь,—я знаю вашу святость Григорій Ефимовичъ и никто не можетъ не поколебать, не уронить васъ въ моихъ глазахъ. Вы человѣкъ мудрый, вашими устами говоритъ самъ Господь Богъ, вы знаете какъ я цѣню каждое ваше правдивое слово искренняго русскаго человѣка съ кристальной душой.

— И слушай, и цѣни и худа не будетъ никакого тебѣ, окромя добра. Хочу упредить, милай, тебя кой о чемъ. Ино слово, да коли во время скажешь, дороже тебѣ всякихъ золотовъ, дороже камней самоцвѣтныхъ,—тянулъ Григорій, вспоминая все, что ему вдалбливали.

Царь почтительно насторожился въ ожиданіи мудрыхъ откровеній.

— Не ндравится твой министеръ этотъ самый, шибко не ндравится...

— Какой, Григорій Ефимовичъ...

— Да этотъ шутъ его побери, тугъ я знаешь на фамильи,—рябой носатый, безъ двухъ ребровъ.

— Сергѣй Дмитріевичъ Сазоновъ? Чѣмъ же онъ вамъ не нравится, Григорій Ефимовичъ.

— А потому неправильный онъ человѣкъ. Понимашь, загвоздка! Подъ аглицкую дудку больно пляшетъ, вотъ хотя бы къ примѣру аглицкій посолъ приказалъ ему,—вынь да положь смутьянамъ этимъ полячишкамъ слабоду.

— Россійскому императорскому правительству никто не смѣетъ приказывать!

— И я такъ думаю скуднымъ умишкомъ своимъ! А

онъ приказалъ и шабашъ и носатый радъ радехонекъ ему выслужиться. Скажу тебѣ, коли хочешь добра, гони яго по шеямъ и поставь царь - батюшка замѣсто яго лисичку. Лисичка,—нашъ, этотъ не выдастъ. Да и тебя любитъ. Во—какъ! Я, говоритъ, за царя своего умереть готовъ. Такъ и говоритъ! Этотъ матушку Россію и тебя грудью отстоитъ, въ кашу никому не дастъ наплевать! Лисичка что мнѣ, не сватъ не братъ, а только дюже человѣкъ головатый. Ну, и опять же голосъ мнѣ ночью былъ про няго, про лисичку. Ну, а коли голосъ, это уже сама воля Господня, самъ понимашъ...

— Вы правы, Григорій Ефимовичъ какъ всегда, Борисъ Владиміровичъ Штюрмеръ былъ вѣрнымъ слугою незабвенному отцу моему и вѣрой и правдою мнѣ служилъ и служитъ.

— Богомольный человѣкъ, богобоязненный человѣкъ. Для яго такъ, понимашь: Богъ на небѣ, царь на землѣ. Такой сурьезный... Иначе сталъ бы я за яго тябе просить, мнѣ иные прочіе, какіе хошь громадные тыщи сулили. Попроси да попроси за меня у царя. А какъ я стану просить, коли человѣкъ дрянь, лоскутъ, а не человѣкъ, плевать хотѣлъ на евоныя тыщи...

— Вы безсеребренникъ, Григорій Ефимовичъ, я это давно знаю.

Распутинъ возвратился въ этотъ же самый день въ Петроградъ. Царь удерживалъ погостить еще, но Гриша отказался.

— Чаво буду тута зеньки мозолить, и такъ брешутъ, что Гриша первый человѣкъ у царя, а какой онъ тамъ первый, такъ угодничекъ Божій, только и всего... Многоль надо Гришѣ—пятитку въ день на весь харчъ...

Такъ говорилъ хитрый мужикъ, а на самомъ дѣлѣ поспѣшность отъѣзда была продиктована ему „лисичкой".

— Боже сохрани васъ отецъ, засиживаться въ ставкѣ у его величества. Не надо, чтобы столкнулись

зоновымъ, не даромъ большой носъ у него, все разнюхаетъ,—училъ Гришу опытный, старый мошенникъ.

И Гриша, исполнивъ возложенную миссію, поторопился назадъ, во свояси. На другой день прибывшій въ ставку министръ иностранныхъ дѣлъ обратился къ дежурному флигель-адъютанту герцогу Лейхтенбергскому высокому, еще недавно цвѣтущему богатырю, который послѣ опаснаго раненія въ плечо сильно похудѣлъ и пожелтѣлъ.

— Ваша свѣтлость, соблаговолите доложить обо мнѣ его величеству.

Сазоновъ зналъ, что государь въ послѣднее время косился на него и, причина этого,—желаніе министра идти рука объ руку вмѣстѣ съ англичанами и французами. Поэтому радушный,болѣе чѣмъ радушный—обворожительный пріемъ, — весьма удивилъ Сазонова.

Пожатіе царской руки влажной, съ обкусанными ногтями, было болѣе чѣмъ милостивое.

— Садитесь Дмитрій Сергѣевичъ, вотъ сюда, такъ вамъ будетъ удобнѣе. Какъ здоровье супруги?—и при этомъ мягкій обволакивающій взглядъ. Государь внимательно всматривался въ некрасивое, изрытое оспою лицо Сазонова и вспомнилъ Гришкино опредѣленіе, „носатый, безъ двухъ реберъ“. Неужели не хватаетъ двухъ реберъ? Да, да, кажется ему дѣлали операцію...

Николай предложилъ Сазонову курить, самъ зажегъ спичку и когда министерская папироса погасла, предупредительно зажегъ вторую спичку. Это уже посѣяло въ душѣ Сазонова тревогу, смутную едва ощутимую, но все же тревогу. Такая чрезмѣрная любезность не сулила хорошаго. Витте всесильнаго Витте, государь цѣловалъ, восторгаясь его заслугами передъ отечествомъ, а на слѣдующій день, какъ лакея выгналъ... Перешли къ текущимъ дѣламъ.

Сазоновъ сообщилъ о готовящемся пріѣздѣ лорда Китченера.

— Это развѣ необходимо?—спросилъ Николай поморщившись и думая—и несетъ же его нелегкая! Будетъ приставать, грозить, запугивать. Довольно съ меня Бьюкенена, и отъ этаго не знаю какъ избавиться.—И онъ повторилъ:

— Это необходимо?

— Ваше величество визитъ такого человѣка, какъ лордъ Китченеръ имѣетъ громадное значеніе. Это еще больше спаяетъ Россію съ Англіей, а совѣты этого большого государственнаго человѣка съ такимъ изумительнымъ организаторскимъ талантомъ,—будутъ намъ весьма и весьма полезны.

— А, пожалуй, вы правы, Сергѣй Дмитріевичъ. Я о немъ слышалъ, какъ о желѣзномъ человѣкѣ. Его визитъ будетъ намъ пріятенъ...

Министръ иностранныхъ дѣлъ заговорилъ о необходимости поспѣшить съ автономіей Польши.

— Во первыхъ, мы должны предупредить Германію, которая собирается сдѣлать этотъ выгодный шагъ, а во вторыхъ ваше величество, народъ польскій всѣмъ своимъ рыцарскимъ поведеніемъ во время войны давно заслужилъ самой широкой, самой полной реализаціи возваніе верховнаго главнокомандующаго.

— Я съ вами вполнѣ согласенъ. Я былъ въ Варшавѣ и, какая это была встрѣча! Тріумфальныя арки, цвѣты, императрицѣ былъ поднесенъ букетъ, перевязанный шарфомъ королевы Ядвиги. Она кажется считается у нихъ святой—королева Ядвига? Нѣтъ, они давнымъ давно заслужили полную автономію. А въ намѣстники можно посадить моего брата Мишу. Какъ вы находите мой выборъ?

— Ваше величество, выборъ прекрасный, а его высочество снискалъ-бы несомнѣнно всеобщую любовь польскаго народа.

— Я не сомнѣваюсь, Миша кристальный человѣкъ и если бъ не эта его женитьба... Курите пожалуйста,

Опять погасла? Съ войною все хуже стало, даже спич ки. Когда это все кончится?

Государь сдѣлалъ неуловимое движеніе и министръ понялъ, что время откланяться. Государь задержалъ его руку въ своей.

— Милости прошу къ обѣду, только, пожалуйста, ничего не говорите съ Алексѣевымъ относительно автономіи Польши. Я радъ, искренно радъ, что въ такое трудное тяжелое время портфель министра иностранныхъ дѣлъ находится въ вашихъ рукахъ. О, мы еще съ вами поработаемъ! Вы отдаете всего себя на служеніе родинѣ, у васъ такое изможденное лицо. Вы не устали, Сергѣй Дмитріевичъ?—спросилъ съ участіемъ государь.

Обласканный царемъ покинулъ Сазоновъ ставку. На прощанье было сказано:

— Ближайшими-же днями составьте манифестъ, я его подпишу.

Подозрительное чувство, вначалѣ вызванное такимъ необыкновеннымъ вниманіемъ царя, улеглось, усыпленное. Нѣтъ, на этотъ разъ недопустимо его обычное вѣроломство. И подъ грохотъ мчащагося поѣзда въ синематовомъ полумракѣ льющей мягкій свѣтъ электрической лампочки министръ обдумывалъ манифестъ. Надо, что-бы это вышло красиво и каждая фраза, сильная, сжатая — звучала, именно звучала! Поляки обожаютъ внѣшнюю форму...

А черезъ два дня Сазоновъ нежданно-негаданно прочелъ въ газетахъ объ своей отставкѣ и что на его мѣсто назначенъ гофмейстеръ Штюрмеръ. А еще черезъ нѣсколько дней Польша изъ нѣмецкихъ рукъ получила автономію. И въ этотъ же самый день изъ рукъ полковника барона Цеге-фонъ-Мантейфель, Штюрмеръ получилъ милліонъ рублей.

Это произошло въ частной квартирѣ на Морской, квартирѣ, что много лѣтъ была гнѣздомъ австро-гер-

манскаго шпіонажа въ Петербургѣ. Какіе только секретные документы не покупались и не продавались въ этой квартирѣ? Нѣкоторыя дамы общества въ томъ числѣ и Екатерина Викторовна Сухомлинова хорошо знали сюда путь-дорогу... Очень хорошо...

Мантейфель съ чисто нѣмецкой фамильярностью, имѣя право на этотъ безцеремонный жестъ, ударилъ Штюрмера по плечу.

— Это коллосально!.. А теперь,какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, вы легко можете узнать, когда именно, день въ день, часъ въ часъ, и откуда отплываетъ изъ Англіи въ Россію лордъ Китченеръ. И чѣмъ скорѣй узнаете, господинъ Штюрмеръ, тѣмъ лучше. Это все, конечно, дѣлается и готовится въ глубочайшей тайнѣ, но отъ союзнаго министра иностранныхъ дѣлъ не должно быть никакихъ тайнъ. Ха, ха, вы сами отлично понимаете...

О, это будетъ колоссально...

---

2. Нарвался...

Итакъ, двѣ компаніи соединились въ одну въ большомъ кабинетѣ. Компаніи,—такъ какъ Гриша пріѣхалъ не одинъ, а вдвоемъ съ Надеждой Витальевной. Вотъ какъ это вышло: По уходѣ Гарновскаго съ пѣвицею, вскорѣ незамѣтно исчезъ и Хвалынцевъ и остались сплошь свои люди, стѣсняться съ которыми было нечего. Да и, вообще, „святой“ отецъ не любилъ стѣсняться.

— Убирайтесь ковсѣмъ свиньямъ,—крикнулъ онъ,— и ты, дура, телица холмогорская.—Это относилось къ великолѣпной княгинѣ Тохтамышевой,—а я съ Надь-

кой поѣду въ Виллародію. Адольфъ намъ вина дастъ фараонова племени нагонитъ... Ѣдемъ, Надька... Или можетъ, не желашь?

— Могу-ли я не желать, отецъ? Могу-ли? Быть съ вами—такое блаженство!

И вотъ поѣхали.

Впереди—автомобиль Надежды Витальевны съ потушеннымъ въ кабинкѣ огнемъ. Сзади на другомъ моторѣ поспѣвалъ Рубинштейновскій сыщикъ вмѣстѣ съ Симановичемъ, а за ними вскачь неслись извозчичьи санки съ „казеннымъ“ охранникомъ.

Митрополичій секретарь очутился вмѣстѣ съ Гришею и Надеждой Витальевной. Онъ скромно сидѣлъ противъ „отца“ съ его дамой, сидѣлъ заботясь объ одномъ, только-бъ куда-нибудь убрать свою шашку, а то она дважды хватила по ногамъ старца.

Но Григорій Ефимовичъ, весь поглощенный дамой своею, не замѣчалъ этихъ прикосновеній. Онъ оскотинѣлъ отъ вина и отъ близости женскаго тѣла. И, вырвавъ съ мясомъ крючокъ у мѣховой ротонды, отецъ грубо тискалъ и мялъ это послушное тѣло вакханки. И къ тому времени, когда автомобиль, сдѣлавъ кругъ, остановился у главнаго подъѣзда „Вилла Родэ“, новое персиковое платье Надежды Витальевны превратилось въ какія-то измятыя, изжеванныя тряпки. А Осипенко всю дорогу сидѣлъ съ пересохшимъ ртомъ, дрожала нижняя челюсть и онъ облизывалъ по временамъ горячія, какъ въ лихорадкѣ, губы...

Хоть и не особеннаго высокаго мнѣнія былъ Гарновскій о Бекманшѣ, и зналъ о ея похожденіяхъ и что премія за добродѣтель вотъ ужъ никакъ не для нея выдумана, все же однако, появленіе жены камергера въ такомъ мѣстѣ, въ такомъ видѣ и въ такомъ обществѣ, изумила капитана. Дома дѣлайте все, что вамъ угодно, дѣлайте но не, выносите на улицу...

Сама Надежда Витальевна врядъ-ли сознавала, гдѣ

она и что съ нею? Было такъ много выпито и такъ заласкалъ ее Григорій Ефимовичъ, что вся пьяная, вся въ туманѣ, съ блуждающимъ мутнымъ взглядомъ, она, почти не узнавая Гарновскаго, бормотала невнятной скороговоркой своею какую-то чушь.

Несчастное персиковое платье, ярко освѣщенное электричествомъ, имѣло такой видъ, словно Бекмнша вырвалась откуда-нибудь изъ трущобы, изъ арукъ полудюжины каторжниковъ. И, вдобавокъ, на груди и на шеѣ слѣды старцевыхъ зубовъ.

— Не могу, обалдѣть можно! Вина!—бормотала Надежда Витальевна, упавъ на диванъ и, дѣлая какія-то движенія маленькими стройными ногами, въ туго натянутыхъ шелковыхъ чулкахъ и лакированныхъ туфелькахъ.

— Кокотка?—озабоченно спросилъ маленькаго улана графъ Орсевиль.

— Нѣтъ, дама изъ общества. Ея мужъ камергеръ Бекманъ, а сама она рожденная баронесса Гревеницъ.

— Вотъ какъ! удивился бѣженецъ,— а я думалъ, кокотка.

Съ визгомъ, шумомъ и топотомъ хлынули цыгане Распутинъ бросился встрѣчать холодныхъ и свѣжихъ съ весенней ночи цыганокъ. И красивыя, не красивыя, тяжелыя и по змѣиному тонкія, блѣдныя и смуглыя, съ темными большими глазами, онѣ цѣловались съ старцемъ, зная щедрость пьянаго Гришки. А потомъ, смѣясь между собою надъ нимъ, на своемъ тарабарскомъ языкѣ, отворачивались съ гримасой. Старецъ суетливо-нелѣпо хваталъ ихъ за руки, за ноги, за груди, покрикивая:

— Шевелись живѣй, фараоново племя!..

Начался кутежъ.

Адольфъ-Родэ, черный, загадочный, какъ магъ, то появлялся, то исчезалъ, какъ опытный полководецъ, управляя цѣлой ордою лакеевъ.

— Вина, побольше вина! — требовалъ Шейхъ Ашшири.

Летѣли въ потолокъ грибообразныя пробки.

— Обстрѣлъ шрапнелью аэроплана! — вспоминалъ мавританскаго типа летчикъ свои позиціонныя развѣдки.

Горы фруктовъ, конфектъ, сандвичей, тартинокъ и всякой всячины. Звенятъ гитары. Цыгане съ отекшими безсонными лицами, поютъ и хриплые звуки несутся изъ-подъ усовъ то сѣдыхъ, то крашеныхъ съ длинными подусниками.

Между Шейхомъ и старцемъ начинаются пререкательства. Шейхъ желаетъ „Очи черныя", старецъ требуетъ „Гай-да тройка!"

Для графа д'Эрсевиль все это ново и странно. Получившій воспитаніе въ Парижѣ и въ Петербургѣ никогда не бывавшій, онъ видѣлъ и слушалъ цыганъ впервые. Онъ успѣлъ слегка опьянѣть. Рѣдкіе мокрые зубы его плотоядно блестѣли. Имшинъ предложилъ ему брудершафтъ и они выпили. Маленькій уланъ „обругалъ" бѣженца—поляка „Вильгельмомъ" и получилъ въ отвѣтъ „Фердинанда Болгарскаго".

Осипенко незамѣтно просочился въ кабинетъ и понемногу утолялъ свою жажду шампанскимъ. Онъ спросилъ у лакея тихо, сколько стоитъ дюшеса.

— Три рубля,—отвѣтилъ небрежно лакей, понимая, что этотъ пухлый молодой человѣкъ съ одной звѣздочкой на погонахъ не „гость" и даже не изъ „настоящихъ", а такъ шантрапа какая-нибудь приблудная.

Улучивъ моментъ, Осипенко сунулъ дюшесу въ карманъ своихъ защитныхъ шароваръ.

А въ коридорѣ, примыкающемъ къ старцеву кабинету дежурила охрана. То появлялся, то исчезалъ Симановичъ. И все время въ обществѣ ротмистра Лембовецкаго, того самого, что вмѣстѣ съ барономъ Нилусомъ ѣздилъ по горячимъ слѣдамъ Ржевскаго. Лембовецкій,самоувѣренно-наглый,скуластый съ некрасивымъ,

отталкивающимъ лицомъ числился то-ли при комендантскомъ, то ли при военномъ министрѣ, то ли еще гдѣ нибудь, но душенка его полицейская сказывалась вездѣ и повсюду. Главнымъ добровольнымъ занятіемъ этого невоюющаго, тыловаго ротмистра было преслѣдованіе солдатъ на трамваяхъ. Онъ останавливалъ вагоны, вскакивалъ, гонялъ солдатъ прочь съ бранью и криками, возбуждая негодованіе всѣхъ ѣдущихъ своимъ безобразнымъ поведеніемъ.

Лембовецкій зналъ, что въ Распутинскомъ кабинетѣ находится офицеръ и вотъ ужъ онъ, тутъ какъ тутъ, въ чаяніи разнюхать что-нибудь донести, выслужиться. И хота сынъ оголтѣлаго черносотенца и самъ черносотенецъ, Лембовецкій вездѣ проповѣдовалъ еврейскіе погромы:—жидовъ надо бить!—но съ Симановичемъ онъ дружилъ, потому что Симановичъ секретарь старца, а, слѣдовательно, сила и можетъ быть полезенъ.

Все сумбурнѣй становился пьяный и дикій галдежъ въ кабинетѣ. Гарновскій много пилъ, но былъ трезвъ и ему было противно и скучно. Вспоминалъ Сандру Беллини. Съ ней такъ хорошо и свободно. Посидѣть бы вмѣстѣ и чтобы она говорила задушевно и тихо. Уютная вся такая и даже нѣкоторая лѣнивая полнота, не портящая, однако, фигуры, идетъ къ ней. Очень идетъ. Если она распуститъ свои густые, черные волосы, это должно ее красить.

Онъ любилъ цыганское пѣніе, но совсѣмъ въ другой обстановкѣ. Въ своей интимной компаніи, гдѣ-нибудь у знакомыхъ. Потушенные огни, полумракъ, все затихло, притаилось кругомъ и поетъ солистка подъ звуки одинокой гитары, то плачущей, то заливающейся бурнымъ весельемъ и смѣхомъ...

А здѣсь—содомъ и гоморра—и никто не догадался-а можетъ оно и къ лучшему—ослабить рѣжущій свѣтъ яркой люстры. Юный преображенецъ, неуклюжій и на

ивный атакованъ цыганкою, прошедшей огонь и воду и мѣдныя трубы. Что-то липкое, тягучее, неискреннее въ ея ласковыхъ словахъ, которыми она его осыпаетъ.

— Милый, золотой, брилліантовый!

И онъ чувствуетъ близко теплое дыханіе, молодую грудь подъ пестрымъ платьемъ и видитъ наигранный блескъ глазъ.

— Ну, выпей, выпей, соколикъ, за мое здоровье!..

И она подноситъ къ его губамъ бокалъ и что-то шепчетъ. Гарновскій замѣтилъ, какъ Матохинъ вынулъ бумажникъ, самъ этого стѣсняясь...

Гришка тащилъ за руку съ дивана Бекманшу.

— Давай, Надька, спляшемъ!

И откуда только у него силы взялись? Неугомонные бѣсы не давали ему покоя и онъ трясъ бородой, притаптывалъ и съ длинныхъ, всклокоченныхъ волосъ жирными каплями стекалъ потъ на малиновую рубашку.

Цыгане въ подусникахъ перемигнулись между собою съ повадкою заговорщиковъ, забѣгали пальцы по струнамъ и все фараоново племя грянуло:

Гриша... Гриша... Гриша...
Гриша... Гриша... Гриша...
За здоровье... за здоровье...
За здоровье... Гриши...

И въ тактъ звенѣли бокалы въ рукахъ цыганокъ.

Гриша схватилъ бутылку, началъ пить изъ горлышка, долго не отрываясь. Шампанское текло у него по бородѣ. Онъ остановился, держа тяжелую бутылку словно кистень и вращая безсмысленными глазами. О чемъ онъ думалъ въ этотъ моментъ, если только могъ о чемъ-нибудь думать? Какой сумбуръ мыслей мелькалъ въ обалдѣвшей головѣ? Потрясая своимъ кистенемъ и отыскивая глазами офицеровъ, онъ закричалъ:

— Будетъ воевать! Шабашъ! Довольно кровь чело-

вѣчью лить! Сволочь! Не желаю! Миръ заключу! Такъ и Вильгельму скажу, не моги! И самому царю—не моги! Это вамъ не живопырня! А вы что, кобели, орденовъ понацѣпили? Лафа!—и Распутинъ, угрожающе поднявъ бутылку, какъ быкъ уставился на Гарновскаго.

Все затихло, цыгане въ епанчахъ опустили гитары. Шейхъ, цѣловавшійся на коврѣ съ блѣдной Стешею и щекотавшій ей гибкую шею пятисотрублевкой, сразу очутился на ногахъ, и вдругъ весь винный и любовный угаръ выскочилъ.

— Это ужъ слишкомъ! Этотъ хамъ оскорбляетъ офицерскій мундиръ, оскорбляетъ армію!—У маленькаго улана сжимались кулаки. Матохинъ, вслушиваясь, оттолкнулъ отъ себя назойливо льнувшую цыганку.

А старецъ не унимался:

— Сволочь! Миръ заключу!—и послѣдовало грубое трехъэтажное ругательство.

— Замолчи, негодяй!—крикнулъ весь блѣдный, такой блѣдный, что на него страшно было смотрѣть, Гарновскій.

— Что? Съ кѣмъ говоришь—то! Халуй мундирный! Вышлю тебя, сукина сына!—и старецъ затопалъ ногами.

Гарновскій бросился къ нему. Гриша замахнулся бутылкою, но Гарновскій схватилъ его руку пониже кисти и такъ рванулъ, что корявые Гришкины пальцы разжались, выпустивъ бутылку съ высоты человѣческаго роста, а Гарновскій въ бѣшенствѣ нанесъ сильный ударъ кулакомъ въ лицо Гришѣ. Изъ разбитаго носа и губъ хлынула кровь и Распутинъ, пошатнувшись, словно въ раздумьѣ, опрокинулся навзничь, ударившись о коверъ затылкомъ.

Общее смятеніе. Цыганки, взвизгивая жались въ страхѣ подальше отъ этого, нѣсколько минутъ назадъ обнимавшаго ихъ старца. Вбѣжалъ Адольфъ съ перекошеннымъ лицомъ.

— Салфетокъ! Холодной воды!

Гарновскій пришелъ въ себя, спокойно обратился къ летчику:

— Шейхъ плати и ѣдемъ, потомъ сочтемся,.. Матохинъ, Имшинъ, собирайтесь, намъ здѣсь нечего больше дѣлать.

Черезъ минуту офицеры вмѣстѣ съ д'Эрсевилемъ покинули кабинетъ. У выхода охранники сдѣлали нерѣшительную попытку задержать офицеровъ, преградивъ имъ путь, но Павликъ молча вынулъ револьверъ и вся банда мгновенно разступилась.

— Они убѣгутъ, убѣгутъ!—чуть не плакалъ Симановичъ.

— Никуда не убѣгутъ, у меня записаны фамиліи,—успокаивалъ его ротмистръ Лембовецкій.

На другой день утромъ Гарновскаго потребовалъ къ себѣ генералъ Хабаловъ.

— Что вы надѣлали, капитанъ! Что вы надѣлали! У меня изъ-за васъ крупныя непріятности! Вы не дорожите вашимъ гвардейскимъ мундиромъ.

— Вы изволите ошибаться, ваше превосходительство: именно я дорожу моимъ гвардейскимъ мундиромъ.

— А зачѣмъ въ такомъ случаѣ безобразничаете?..

— Соблаговолите объяснить, въ чемъ заключается мое безобразіе.

— Въ чемъ, сами отлично знаете въ чемъ! На кого осмѣлились поднять руку?

— На грязнаго хама, который „осмѣлился" оскорблять въ моемъ присутствіи армію, и который кричалъ, что намѣренъ заключить миръ.

— Я васъ прошу выражаться деликатнѣе о такихъ уважаемыхъ лицахъ.

— Я не зналъ, что Гришка Распутинъ „такое уважаемое лицо". Въ моихъ глазахъ это презрѣнная сволочь.

— Молчать! Вы забываетесь!—кипятился Хабаловъ,—въ моей власти скрутить васъ въ бараній рогъ. Я не посмотрю, что вы капитанъ гвардіи.

— А я прошу не говорить со мной въ такомъ повышенномъ тонѣ. Если я виноватъ, — предайте меня суду.

— Прошу не учить меня, я самъ знаю, что мнѣ надо дѣлать. Не позже сегодняшняго вечера вы должны немедленно выѣхать въ дѣйствующую армiю.

— Ваше превосходительство, я нахожусь здѣсь въ командировкѣ и долженъ выполнить рядъ возложенныхъ на меня порученiй, васьма важныхъ въ смыслѣ снабженiя...

— Никакихъ снабженiй! Ничего не знаю и знать не желаю. Высочайшей дарованной мнѣ властью приказываю сегодня же выѣхать изъ столицы на фронтъ. Въ заключенiе скажу, что вы еще отдѣлались очень дешево. Ступайте!

---

3. Августѣйшiй актеръ.

Гарновскiй помчался къ Хвалынцеву.

Сидя въ глубокомъ кожаномъ креслѣ - колодцѣ, князь читалъ желтенькiй французскiй кирпичикъ.

— А, Павликъ!—подмигнулъ онъ прiятелю контуженнымъ глазомъ, — а я упиваюсь романомъ Мирбо Тонко у него это все, художественно... Какъ живая фигура абата, соблазняющаго школьника на содомскiй грѣхъ. И, увы, соблазнившаго... Затѣмъ хороша картина пробужденiя пола у дѣвушки-подростка... На нее подѣйствовали кавалеристы, мужественные, пахнущiе потомъ, и своимъ и лошадинымъ... Драгуны въ этакихъ каскахъ, съ развѣвающими хвостами. Совѣтую, милый, прочесть. Рекомендую! Но что жъ съ тобой, на тебѣ лица нѣтъ?—подмигивающiй глазъ Хвалынцева остановился.

— Я сегодня уѣзжаю, Федя,—мрачно заявилъ Гарновскій.

— Ты сегодня уѣзжаешь, — протянулъ Хвалынцевъ,—не говори глупостей!

— Долженъ уѣхать.

— Ничего не понимаю. Ты получилъ телеграмму? Готовится наступленіе? Какое—же наступлеіе! Тамъ, поди, во всю распутица.

— „Распутица" не тамъ, а здѣсь! И вотъ по случаю этой самой „распутицы" я и долженъ покинуть Петроградъ.

— Павликъ начинаетъ каламбурить, а это, или очень хорошо, или очень плохо. Но, судя по твоей „маскѣ", скорѣй плохо. Въ чемъ дѣло? Садись. Въ ногахъ, самъ знаешь, нѣтъ правды. Садись и говори...

Но Гарновскій не сѣлъ. Онъ стоя разсказалъ Хвалынцеву свое ночное приключеніе, въ лицахъ и образахъ, все время въ движеніи, сильно жестикулируя. Хвалынцевъ слушалъ, все болѣе и болѣе волнуясь, и все чаще и чаще подмигивалъ контуженный глазъ.

— Корявая исторія получилась! Преглупая исторія. И дернула же нелегкая очутиться въ этомъ кабакѣ.

— Ты меня осуждаешь?

— Осуждаю? Ничуть! Я на твоемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ-же. И не только я, но всякій уважающій себя офицеръ. А я зналъ, что эта сволочь туда поѣдетъ въ Виллародію эту самую. Ты ушелъ, ушелъ съ этой немного полной, немного томной и безусловно интересной пѣвицею. И вотъ когда вы ушли, старецъ, вынь да положи ему: „Надька поѣдемъ къ Адольфу цыганъ слушать!... цыганъ хочу!" Пока они мобилизовались, я ушелъ потихоньку. Воображаю, какъ ты его хватилъ! Рука у тебя тяжелая. Помнишь, какъ ты заложилъ Лярскому, какъ это на вашемъ, борцовскомъ языкѣ,—нельсонъ, что-ли...?

— Да, ужъ будь благонадеженъ! Красивый ударъ получился, самого себя не грѣхъ похвалить! Но Хабаловъ, Хабаловъ! Какъ ты думаешь, это онъ своей собственной властью меня цукнулъ?

— И своей и не своей. Я такъ полагаю: Тотчасъ же, когда старецъ получилъ въ свою августѣйшую морду, объ этомъ дано было знать по дворцовому проводу въ Царское Вырубовой. Вырубова мигомъ освѣдомила государыню и твоя участь была рѣшена. Безобразіе! Павликъ, я вмѣстѣ съ тобою начинаю шибко лѣвѣть. Вернешься въ полкъ—разскажи! Могу представить, какое поднимется негодованіе! Ты когда уѣзжаешь?

— Сегодня вечеромъ, въ девять...

— Въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ я сегодня закажу ранній обѣдъ въ шесть. Пріѣзжай ко мнѣ съ чемоданами. Отъ меня уже прямо на вокзалъ, а я приготовлю къ этому времени письма въ полкъ. Будь здоровъ!—и Хвалынцевъ подставилъ Гарновскому свои надушенные усы.

На улицѣ было такъ тепло... Гарновскій, выйдя отъ Хвалынцева, растегнулъ шинель. Весна, совсѣмъ весна и солнце по весеннему грѣетъ.

Онъ вспомнилъ, что ему куда-то нужно зайти. Необходимо. И вспомнилъ, что это „куда-то" былъ подъѣздъ стараго темно-краснаго дома на Караванной, гдѣ онъ разстался вчера вечеромъ съ Сандрой Беллини. Онъ простится съ нею. Онъ не можетъ уѣхать, не простившись. Онъ мечталъ о нѣсколькихъ встрѣчахъ за эти двѣ недѣли и вотъ, вмѣсто двухъ недѣль,—сегодня же велѣно отправляться въ полкъ. И сейчасъ, сдѣлавшись въ его глазахъ болѣе недоступной, потому что онъ увидитъ ее въ послѣдній разъ, пѣвица стала ему еще заманчивѣй и желаннѣй.

Онъ позвонилъ. Его впустила горничная.

— Барыня, только что вышли изъ ванной. Могутъ ли принять, не знаю. Какъ доложить прикажете?..

— Капитанъ Гарновскій.

— Пожалуйте въ гостиную.

Гостиная, какъ гостиная. Довольно уютная, съ, мягкой мебелью, удобной, приземистой, экранами, трельяжами, „уголками“. Много портретовъ хозяйки, писанныхъ масломъ и большихъ увеличенныхъ фотографій. Корзины цвѣтовъ, искусственныхъ и живыхъ, увядшихъ. Алыя ленты съ тѣсненными золотыми надписями. Словомъ, гостиная артистки.

Гарновскій разсматривалъ портреты, читалъ высокопарныя надписи лентъ.

Появилась горничная.

— Барыня просятъ обождать. Онѣ черезъ нѣсколько минутъ выйдутъ.

Гарновскій молча кивнулъ головой.

— Вотъ не ожидала! Что это вамъ вздумалось въ такую рань!—услышалъ онъ грудной мягкій голосъ и увидѣлъ матовое, улыбающееся лицо, казавшееся блѣднѣе, рѣзко оттѣняемое густыми, черными волнами распущенныхъ волосъ. И эти распущенные волосы и купальный халатъ, бѣлоснѣжный, смирнскій, сообщали Сандрѣ что-то совсѣмъ экзотическое, восточное. И смѣясь сверкая зубами, она говорила:

— Вы меня извините, что принимаю васъ въ такомъ видѣ. А заставить долго ждать, пока сдѣлаю весь туалетъ,—не хотѣла. Минутъ сорокъ ушло-бы. Я не свѣтская дама,—артистка и могу позволить себѣ такую вольность, тѣмъ болѣе здѣсь ничего зазорнаго нѣтъ.

— Этотъ халатикъ идетъ къ вамъ и право онъ эффектнѣй любого капота.

— Вотъ видите! Уже и комплиментъ получила. Садитесь, капитанъ, что скажете хорошенькаго?

— Хорошаго ничего. Сегодня уѣзжаю. Зашелъ къ вамъ проститься... Какъ вы себя чувствуете?..

— Уже? А вы что-то говорили про двѣ недѣли.

Какъ я себя чувствую? Плохо чувствую. Я должна разсказать вамъ. Возмутительно, что такое! Сплю себѣ тихо, мирно, вдругъ этакъ въ седьмомъ часу настойчивый телефонный звонокъ. Комната прислуги далеко, не слышно тамъ. Подбѣгаю сама, сонная, злая...

— Кто у телефона?

— Позови пѣвицу.

Голосъ, кого-бы вы, думали, Распутина?

— Ахъ, это становится весьма и весьма интереснымъ!—перебилъ Гарновскій...—Я весь вниманіе, но потомъ будетъ мое слово. Извиняюсь, что прервалъ. Дальше, Александра Александровна.

— Дальше, спросонокъ и со страху я не вдругъ сообразила, въ чемъ дѣло. „Ты спишь?" задалъ онъ мнѣ довольно глупый вопросъ. „Спала", говорю, „а теперь дрожу вотъ у телефона и понять не могу, зачѣмъ ты самъ не спишь, да и другимъ мѣшаешь?".

— А я только что вернулся отъ цыганъ и не могу заснуть, ты знаешь...—и онъ захохоталъ хрипло и какъ-то разнузданно.—Знаешь, Ванька (Осипенко) сказалъ мнѣ у цыганъ, что повезетъ меня къ одной красивой бабѣ, а самъ заворожилъ и привезъ меня домой. Я такъ озлился, что его чуть не убилъ. Еще кого-то у цыганъ отколошматилъ. Потому насѣли на меня и стали меня бить и душить, а теперь, когда я домой попалъ, то такъ озлился, что побилъ швейцариху и расколотилъ у всѣхъ дверей стекла. Сильно поранилъ руки и все запачкалъ въ кровь. И рубаху и телефонъ, и даже бороду, и свою рожу.

— Вообразите, Гарновскій, при этомъ веселый пьяный голосъ... И какъ не хотѣлось мнѣ спать и какъ не раздосадовалъ меня этотъ безпардонный старецъ, но я невольно усмѣхнулась. И не только одна я, а и телефонная барышня, которая не могла удержаться отъ любопытства подслушать бесѣду съ Григоріемъ въ такой часъ.

— А такъ какъ меня Ванька надулъ,—не унимался старецъ,—то я (благодарю покорно!) остановилъ свои мысли на тебѣ. Ты больше всѣхъ меня смущаешь, радость моя. Ну, приди ко мнѣ и тогда я тебя на всю жизнь оставлю въ покоѣ. Ты знаешь мой безпреклонный характеръ. Пока меня баба не обниметъ, то какъ проклятая стоитъ у меня въ глазахъ. Приходи сейчасъ.

— Ясно, что я прежде всего заявила, что хочу спать. А онъ все не унимается. Тогда, чтобы отвязаться, сказала, что мужъ дома и, если онъ меня проводитъ... „Пущай провожатъ!» Каково! Это ужъ не цинизмъ, не развратъ, а издѣвательство, которому нѣтъ названія. Онъ привыкъ, что мужья охотно возятъ къ нему своихъ женъ. Въ концѣ концовъ, мнѣ это надоѣло и я сказала: „Хорошо, сейчасъ пріѣду“! и повѣсила трубку. И зачѣмъ мнѣ это тяжелое, глупое знакомство? А все Бекманша! Еслибъ знала, ни за что бы не поѣхала бы къ ней. Какой мерзавецъ, какое нахальство! Что вы скажете?

— Сочувствую вамъ вполнѣ, Александра Александровна, а скажу многое. Старецъ или вретъ, или дѣйствительно такъ былъ пьянъ, что не помнитъ. Я былъ у цыганъ и Гришка безобразничалъ на моихъ глазахъ.

— Но вѣдь вы же поѣхали къ себѣ съ самымъ благимъ намѣреніемъ лечь спать.

— Оно и было у меня. Попалъ я на Виллу-Родэ совершенно случайно въ компаніи...

Гарновскій въ тѣхъ же тонахъ и краскахъ, что и Хвалынцеву, повторилъ все случившееся. Сандра Беллини головой качала, изумленная и вмѣстѣ съ этимъ, какъ живые, шевелились густыя, черныя пряди волосъ.

— Ужасъ, что такое, одинъ тихій ужасъ... И за это васъ высылаютъ?..

— Какъ видите, Александра Александровна. Вотъ какимъ образомъ революціонируютъ даже нашего брата гвардейскаго офицера...

— Императрица, это она все, — она! — прошептала Сандра Беллини;—но что же государь? Что же онъ смотритъ? О немъ такіе разнорѣчивые слухи, говорятъ, онъ такой слабый, такой безвольный.

— Ахъ, полноте, Александра Александровна, полноте!—воскликнулъ съ сердцемъ Гарновскій,—безвольный, безхарактерный, слабый,—это пущено тѣми и гуляетъ по свѣту, кто объ немъ не имѣетъ никакого понятія и никогда его близко не видѣлъ. Эта характеристика изъ переднихъ. А я вамъ скажу, это человѣкъ упрямый, фальшивый и съ громаднымъ самообладаніемъ. Громаднымъ! Онъ часто завтракалъ и обѣдалъ у насъ въ собраніи. Много пилъ. Онъ пьетъ обыкновенно сначала старку, а затѣмъ шампанское „Абрау-Дюрсо". Это поощреніе отечественнаго винодѣлія. Но и тутъ его обманываютъ. Въ бутылку „Абрау-Дюрсо" наливали французское шампанское. Такъ вотъ, сколько-бъ не выпилъ, онъ никогда не терялъ самообладанія. И всегда на лицѣ дѣланная, привѣтливо обворожительная улыбка.

— О чемъ же онъ говорилъ, на этихъ вашихъ завтракахъ! - спросила пѣвица, касался ли онъ какихъ-нибудь общественныхъ вопросовъ?..

— Никогда! Онъ терпѣть не могъ никакихъ общественныхъ политическихъ разговоровъ. Молодыхъ офицеровъ мы сами всегда предупреждали, чтобы, сохрани Боже, не вздумалось имъ заговорить о Государственной Думѣ. Государственная Дума всегда была его никогда не заживающей раною. А говорилъ онъ больше о полковой жизни. Отвлеченныхъ вопросовъ,—никакихъ! И чѣмъ больше пилъ, тѣмъ больше мрачнѣлъ. Взглядъ у него весьма непріятный, какой-то особенный нечеловѣческій. Глаза себялюбца, бездоннаго эгоиста. Да, вотъ развѣ это не эгоизмъ,—въ самыя тяжелыя для Россіи минуты, онъ никогда не измѣнялъ своимъ мелкимъ обиходнымъ привычкамъ. Въ день Цусимскаго раз-

грома, зубному врачу-американцу, забылъ его фамилію, назначено было пріѣхать въ большой Царскосельскій дворецъ пломбировать зубы императрицѣ. Онъ думалъ, что по случаю такого траурнаго дня будетъ отложенъ сеансъ. Запросилъ Царское по телефону, но ему отвѣтили, что его ждутъ. Пріѣзжаетъ, выходитъ государыня, садится въ кресло, американецъ начинаетъ работать. А вскорѣ появляется государь въ бѣлой фланели и помахивая „ракетой", говоритъ по англійски царицѣ:

— Ты скоро кончишь, я жду тебя для партіи въ теннисъ...

— Вы понимаете? Въ тотъ день, когда вся наша тихоокеанская эскадра была разгромлена, въ этотъ день величайшаго горя, позора и ужаса, онъ какъ ни въ чемъ не бывало игралъ въ теннисъ. Это-ли не эгоизмъ, черствый, безграничный, дальше котораго идти некуда.

— Дѣйствительно ужасъ, и какой... Страшно... — молвила Сандра.

— А теперь я вамъ разскажу, какъ этотъ человѣкъ умѣетъ „играть". Если только я не отнимаю у васъ времени...

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы! Такъ интересно. Я слушаю съ такимъ вниманіемъ.

— Это былъ историческій высокоторжественный день—день открытія первой Государственной Думы, когда императоръ произнесъ въ Зимнемъ Дворцѣ свою тронную рѣчь. Для него это былъ роковой день, въ смыслѣ, ну, какъ бы сказать, ограниченія самодержавія. Самодержавія, которое онъ всегда такъ ревниво охранялъ. Графъ Сольскій несъ корону. Графъ былъ такъ дряхлъ и старъ, что его самого надо было нести вмѣстѣ съ короной,—улыбнулся Гарновскій.—При коронѣ были два нашихъ офицера: я и Лярскій, а при мономаховой шапкѣ—два кавалергарда. И вотъ мы собрались въ малахитовомъ залѣ. Тутъ и Фредериксъ,

затянутый, зашнурованный въ корсетъ, нарумяненный. Малахитовый залъ былъ кулисами. Появляется государь. На немъ лица нѣтъ. Блѣдный, подавленный. Обѣ императрицы Марія Федоровна и Александра Федоровна, что-то говорятъ ему, ободряютъ... Затѣмъ подошелъ Фредериксъ. Государь слушалъ, слушалъ, потомъ закрылъ лицо платкомъ, а когда отнялъ платокъ, словно этимъ жестомъ снялъ маску. Лицо приняло спокойное, твердое выраженіе. И сдѣлавъ „царственную“ улыбку, уже совсѣмъ другой, двинулся въ тронный залъ. И уже совсѣмъ другого, чужаго, оффиціальнаго слушала и смотрѣла Николая Государственная Дума. Но когда онъ вернулся за кулисы въ малахитовый залъ, онъ сѣлъ и, уронивъ голову на руки, зарыдалъ. Этими слезами онъ оплакивалъ себя—самодержца. Сыгралъ на сценѣ, а за кулисами сталъ самимъ собою. Этого момента я никогда не забуду. А послѣ этого вамъ будутъ говорить о его безволіи...

— Разскажите еще что-нибудь о немъ.

— Я не хочу больше говорить о немъ, я хочу говорить о васъ, Александра Александровна. Слышите!—вырвалось у него задушевно.—Я хочу сказать, что со вчерашняго дня осталось у меня отъ васъ такое нѣжное, поэтическое чувство.

— Уже и поэтическое, а между тѣмъ я воплощенная проза...

— Не говорите такъ!..

Онъ подсѣлъ къ ней ближе и взялъ ея руку. Она не отняла. Онъ чувствовалъ ее близко всю, съ немного узкими восточными глазами и томнымъ, лѣнивымъ тѣломъ, вымытымъ и свѣжимъ, подъ мягкими складками смирнскаго бѣлоснѣжнаго халата.

И онъ гладилъ и ласкалъ ея руку своею, не спуская съ пѣвицы карихъ, энергичныхъ глазъ и видя, какъ шея и лицо съ опущенными вѣками вспыхивали румянцемъ, тихо, совсѣмъ тихо молвилъ:

— Меня такъ потянуло къ вамъ, такъ... И если бъ я не увидѣлъ васъ, я не могъ бы уѣхать. Понимаете, не могъ бы...

Она молчала. Вздрагивали вѣки. Гуще и горячѣй заливалось румянцемъ лицо.

— Сандра, вы будете мнѣ писать, Сандра? Туда, въ окопы...

— Напишите, я вамъ отвѣчу.

— Да?—и онъ потянулся къ ней, упругій и сильный и какъ-то врасплохъ, неожиданно раскрылся купальный халатъ и пьяный отъ прикосновеній, ослѣпленный видомъ обнаженной груди, онъ порывисто обнялъ Сандру и поцѣловалъ въ губы. И свѣжія губы раскрылись покорно, какъ два лепестка, тягуче и длительно отвѣтивъ на поцѣлуй...

Потомъ она опомнилась, оттолкнула его и запахивая на груди бѣлоснѣжный халатъ, съ усиліемъ сказала пересохшими губами:

— Это безуміе, что вы дѣлаете. У меня мужъ, котораго я люблю...

— Я же не виноватъ, что я самъ влюбленъ въ васъ,— отвѣтилъ онъ, разводя руками и покорно склоняя голову.

---

4. Планъ барона Цеге.

— Китченеръ погибъ, Китченеръ погибъ! — траурными перекликами бѣжало по всему свѣту. По всему, за исключеніемъ тѣхъ воюющихъ странъ, для которыхъ гибель знаменитаго британца была праздничнымъ ликованіемъ.

Ликовали нѣмцы.

Ликовали русскіе генералы, оберъ-гофмаршалъ

графъ Бенкендорфъ и Гринвальдъ. Они шли подъ арку главнаго штаба, весело обсуждая событіе. И, конечно, по нѣмецки, ибо, во-первыхъ, и тотъ и другой еле-еле говорили по русски, а, во-вторыхъ, съ особеннымъ презрѣніемъ ландскнехтовъ, заброшенныхъ на обласкавшую ихъ чужбину, презирали все русское.

Бенкендорфъ весь, начиная съ монокля, фуражки прусскаго образца и особеннаго покроя, всей своей надменной на прусскій ладъ физіономіей, прямой, напыщенный, куда болѣе подходилъ - бы на мѣстѣ гдѣнибудь на Фридрихштрассе, нежели на Морской.

Шелъ пятый часъ. Возвращавшіеся со службы чиновники двухъ министерствъ могли слышать громкую нѣмецкую бесѣду россійскихъ генераловъ. И всѣ недоумѣнно смотрѣли на нихъ. Но Гринвальдъ и Бенкендорфъ слишкомъ смотрѣли свысока на всю эту „русскую сволочь", чтобы считаться съ нею. Тѣмъ болѣе, они такъ упоены оба праздникомъ своей нѣмецко-придворной партіи. Еще-бы не праздникъ!..

— Вы понимаете, если-бы этотъ Китченеръ пріѣхалъ, онъ повліялъ бы на „него". Онъ заставилъ-бы многое измѣнить, передѣлать.

— О да, я это отлично понимаю. Но, слава Богу, онъ не доѣхалъ...

Въ этотъ моментъ обоимъ генераламъ почти загородилъ дорогу блѣдный господинъ въ котелкѣ, съ бородкою. Генералы пріостановились.

— Господа, какъ вамъ не стыдно, я знаю васъ обоихъ, вы генералъ Бенкендорфъ, вы-же генералъ Гринвальдъ. У васъ обоихъ на погонахъ вензеля императора Александра III, который терпѣть не могъ нѣмцевъ, а вы теперь, во время войны съ нѣмцами громко, демонстративно бесѣдуете по нѣмецки. Стыдитесь, на васъ смотрятъ. Стыдитесь своихъ вензелей!

Бенкендорфъ высокомѣрно поправилъ въ глазу монокль.

— Кто ви такой? Городовой, ти дольженъ арестовать этотъ чилавѣкъ.

Городовой, монументальный усачъ въ черной шинели и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ медленно подходилъ. Уже собиралась толпа.

— Извините, ваше превосходительство, вамъ меня арестовать не придется. Я судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ Александровъ. А вотъ я когда-нибудь васъ, пожалуй, арестую и сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ... Имѣю честь кланяться!—и господинъ въ котелкѣ покинулъ изумленныхъ такой неслыханной дерзостью генераловъ.

Александровъ подалъ о случившемся рапортъ Щегловитову. Министръ юстиціи пришелъ въ ужасъ отъ крамольной выходки судебнаго слѣдователя и уже подумывалъ, куда-бъ его сплавить. Но черезъ пять дней самъ Щегловитовъ былъ „сплавленъ".

Трагическая гибель Китченера обсуждалась, угадывалась на всѣ лады. По однѣмъ версіямъ военный корабль наскочилъ на свою собственную мину, по другимъ его атаковали германскіе подводники, по третьимъ, взлетѣлъ на воздухъ отъ адской машины.

Такъ, или иначе, большой человѣкъ, сумѣвшій за полтора года войны создать изъ горсти наемниковъ прекрасную трехмилліонную армію, ѣхавшій въ Россію, чтобъ заставить русскаго царя воевать какъ слѣдуетъ, сдѣлался добычею холодныхъ, сѣверныхъ волнъ. И не даромъ, по слухамъ, Берлинъ разукрасился флагами. Для нѣмцевъ это была крупная побѣда. Большая, чѣмъ взять въ плѣнъ громадную непріятельскую армію. На мѣстѣ одной арміи глядишь выраcтетъ другая, а грозный Китченеръ—незамѣнимъ. Такіе люди родятся вѣками.

Послѣ этого отношенія гофмейстера Штюрмера съ англійскимъ посломъ, и безъ того далеко не особенно пріязненныя, обострились еще болѣе. Не имѣя пока еще

опредѣленныхъ данныхъ сэръ Бьюкененъ догадывался чьихъ это рукъ дѣло, — потопленіе Китченера. Въ Россіи единственнымъ человѣкомъ, знавшимъ когда именно, откуда и на какомъ суднѣ отплываетъ Китченеръ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, тотъ самый Борисъ Владиміровичъ Штюрмеръ, который подъ разными предлогами пытался доказать англійскому послу, что пріѣздъ Китченера явится несвоевременнымъ и врядъ - ли желательнымъ его величеству, и безъ того обремененному, поглощенному тяжкимъ бременемъ войны.

Штюрмеръ велъ опредѣленную компанію противъ нашей союзницы Англіи. Это съ его словъ и по его приказанію написалъ Булацель свою столь-же подлую сколь и нашумѣвшую статью въ „Россійскомъ Гражданинѣ", статью полную змѣинаго шипѣнія и клеветнической грязи по адресу Англіи.

Но этого мало, Штюрмеру хотѣлось въ угоду нѣмцамъ удалить совсѣмъ съ береговъ Невы слишкомъ самостоятельнаго и безпокойнаго представителя Великобританіи.

Мобилизованы для этой цѣли Штюрмеромъ были всѣ—императрица Александра Федоровна, Вырубова Распутинъ. И тогда-то обратился царь къ англійскому королю съ просьбою отозвать Бьюкенена изъ Петрограда, назначивъ на его мѣсто другого посла.

Король Георгій отвѣтилъ:

— Мы считаемъ представителя нашего при Россійскомъ императорскомъ дворѣ незамѣнимымъ. Настолько незамѣнимымъ, что если насъ вынудятъ его отозвать, дипломатическія отношенія между Россіей и Великобританіей, къ сожалѣнію, будутъ прерваны.

Царь проглотилъ пилюлю и вопросъ объ отозваніи Бьюкенена больше не поднимался.

Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ назначеніе Штюрмера главою вѣдомства было громкой, оскорбитель-

ной пощечиной. Пощечиной, даже для нашихъ чиновниковъ, обезличенныхъ, притерпѣвшихся, думающихъ въ большинствѣ о собственной карьерѣ и чуждыхъ гражданскаго протеста. Но и для нихъ появленіе Штюрмера въ старинномъ красномъ зданіи на Дворцовой площади было ударомъ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ — это довольно замкнутая каста. На мало-мальски видный постъ, люди чужіе, пришельцы откуда-нибудь, туда почти не попадали. Каждый министръ проходилъ непремѣнно свой дипломатическій стажъ заграницею, посланникомъ или даже посломъ. Все это люди внѣшне воспитанные, лощенные, знавшіе лично многихъ иностранныхъ дипломатовъ, словомъ, такъ или иначе „свои".

И вдругъ, какъ снѣгъ на голову сажаютъ ихъ дореформеннаго губернатора,—хама невѣжественно политически, не имѣющаго понятія, какъ составляется нота, незнакомаго съ картой, и задающаго такіе вопросы, что потомъ живымъ анекдотомъ обходятъ всѣ департаменты и канцеляріи. Онъ путалъ пословъ съ посланниками, не зналъ, кому принадлежитъ Далмація и совершенно серьезно считалъ румынъ католиками.

Какъ истый полицейскій, началъ свою дипломатическую дѣятельность Штюрмеръ съ немедленнаго выселенія Сазонова изъ казенной квартиры. Нетерпѣлось ему, — вынь, да положь, — переѣхать съ Моховой къ Пѣвческому мосту.

Чиновникъ Персіани, назначенный въ Римъ совѣтникомъ посольства, дѣлалъ съ своей супругою прощальный визитъ Сазоновымъ. Мадамъ Сазонова приняла чету Персіани въ маленькой дѣвичьей комнатѣ, поясняя:

— Штюрмеръ не далъ намъ и нѣсколькихъ дней, чтобы съѣхать. Прислалъ обойщиковъ, механиковъ и рабочихъ для немедленнаго ремонта. По всей квартирѣ разгромъ и мы съ Дмитріемъ Сергѣевичемъ ютимся въ двухъ комнатахъ, а принимаемъ, какъ видите сами—въ дѣвичьей.

Старый, убѣжденный охранникъ Штюрмеръ внѣшней политикою занимался ровно постольку, поскольку, это шло вмѣстѣ съ германскими интересами и, наоборотъ, совсѣмъ въ разрѣзъ, какъ съ пользою для Россіи, такъ и для ея союзниковъ.

Занимая большое положеніе, имѣя власть, обогащаясь темными деньгами, онъ все-же остался маленькимъ сатрапикомъ-губернаторомъ, не брезгавшимъ ничтожной взяткой. Онъ стригъ банки, стригъ капиталистовъ, мародеровъ и «ножницами» въ его рукахъ былъ проходимецъ и шпикъ Манасевичъ-Мануйловъ.

Недовольствуясь этимъ, Штюрмеръ продавалъ еще къ тому-же не родину—нѣтъ,—такъ какъ у него не было родины,—а страну, гдѣ онъ, этотъ внукъ Наполеонова тюремщика такимъ пышнымъ цвѣткомъ расцвѣлъ въ бѣлыхъ штанахъ и въ густо раззолоченномъ мундирѣ.

Нѣмцы хорошо оплачиваютъ звонкимъ золотомъ всѣхъ, кто служитъ имъ вѣрой и правдою. И это нѣмецкое золото немолчно звенѣло въ бездонныхъ карманахъ русскаго гофмейстера.

Провалъ польской автономіи далъ ему одинъ милліонъ и въ пятьсотъ тысячъ обошлась нѣмцамъ гибель Китченера. И вотъ вскорѣ вслѣдъ за этимъ баронъ Цеге-фонъ-Мантейфель безмятежно кочевавшій между Царскимъ и Петроградомъ предложилъ Штюрмеру новую комбинацію. Предложилъ на одномъ изъ очередныхъ интимныхъ завтраковъ, но уже не у „Медвѣдя“, а на Троицкой у славнаго князя Андронникова. Сообщники не стѣснялись ничуть сіятельнаго свидѣтеля, потому что онъ самъ былъ ихъ сообщникъ, отлично знавшій всю подноготную почтеннѣйшаго Бориса Владиміровича Штюрмера.

Андронниковъ, пухлый блондинъ съ бабьимъ лицомъ, только улыбался, слушая методическій докладъ офицера прусскаго генеральнаго штаба. Въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ князю было смѣшно и тогда колыхался его большой, жидкой мякотью свисающій на колѣни, животъ.

Всѣ трое — въ клубахъ сигарнаго дыма. Штюрмеръ, уже откушавъ, успѣлъ незамѣтно жонглерскимъ жестомъ водворить на мѣсто свои фальшивыя челюсти и голосъ его пріобрѣлъ ясность и твердость. Министръ иностранныхъ дѣлъ, подкручивая кверху сѣдые усы, внимательно слушалъ.

Женоподобный лакей въ черкескѣ съ тонкой дѣвичьей таліей и подведенными глазами, жеманно изгибаясь, кокетничая убиралъ лишнюю посуду. Андронниковъ, облизнувъ пухлыя губы крупнаго бульдожнаго рта,—во всей нижней части лица его было что-то бульдожье, кивнулъ съ нѣжной ласковостью маргариновому кавказцу и тотъ скрылся, безшумно ступая мягкими подошвами своихъ востроносыхъ чувякъ.

Откусивъ кончикъ новой сигары, Цеге-фонъ-Мантейфель закурилъ и съ первой струйкой голубоватаго дыма, логически, плавно и неотразимо потекла его мысль:

— Въ этой войнѣ мы шагъ за шагомъ преслѣдуемъ свои жизненные этапы. Два изъ нихъ уже остались позади уже, а третій—надвигается. Первый этапъ—это занятіе Царства Польскаго и Курляндіи. Если бъ не это, намъ пришлось бы очень круто въ смыслѣ продовольствія, особенно хлѣба. Польша и Курляндія дали намъ хлѣбъ, но когда всѣ запасы истощились пришлось искать новую житницу. Такой житницей для насъ явилась плодородная Сербія. Теперь мы опять наканунѣ голода и не только хлѣбнаго, а и нефтянаго. Изсякаютъ запасы бензина. Приходится на фронтѣ елико возможно экономить въ смыслѣ автомобильнаго передвиженія. Въ обмѣнъ на германское золото мы выкачали изъ Румыніи десятки тысячъ вагоновъ хлѣба. Но тамъ еще остался хлѣбъ и эти придунайскіе тор-

гаши уже не продаютъ намъ его, заявляя, что онъ имъ самимъ нуженъ. Кромѣ того Румынія богата нефтяными источниками. Одна Констанца чего стоитъ! И если это технически наладить—это будетъ настоящее Эльдорадо. Но все горе въ томъ, что Румынія соблюдаетъ нейтралитетъ. Необходимо, чтобы она выступила...

— Вмѣстѣ съ Германіей?—угодливо подхватили въ одно слово Штюрмеръ и Андронниковъ.

Баронъ покачалъ головою, дивясь наивности своихъ собесѣдниковъ.

— Ничуть не бывало, Румынія должна выступить за одно съ англо-русско-французской коалиціею противъ насъ.

— Но въ такомъ случаѣ?—перебилъ гофмейстеръ.

— Минуточку вниманія, минуточку! Я сейчасъ разовью нашъ планъ. Все зависитъ отъ того, какъ именно должна выступить Румынія. Конечно, если къ моменту выступленія, трехсотысячный русскій кулакъ бросится на Болгарію въ то время, какъ румынскія войска закупорятъ Трансильванскіе проходы, это было-бы для насъ неизбѣжной катастрофой. Въ результатѣ — Болгарія, оттягиваемая на половину македонскимъ фронтомъ Саррайля, была бы разбита. Пала бы автоматически Турція и весь Балканскій полуостровъ очутился-бы въ рукахъ нашихъ враговъ. Австрійцы должны были бы эвакуировать Сербію, Черногорію, Боснію. Это угрожало-бы срединнымъ имперіямъ неминуемымъ разгромомъ. А теперь я нарисую другую, совсѣмъ другую картину: Румынія выступаетъ. Дипломатическое выступленіе ее извѣстно пока лишь вамъ, господинъ Штюрмеръ, какъ министру иностранныхъ дѣлъ. Въ теченіе двухъ недѣль генералъ Алексѣевъ ничего не долженъ знать объ этомъ. Вы примите всѣ мѣры, за эти двѣ недѣли мы успѣваемъ перебросить два-три корпуса въ Добруджу и такимъ же количествомъ штыковъ подпереть въ Трансильваніи австрійцевъ. Русскій министръ иностранныхъ

дѣлъ убѣждаетъ своего государя, что Болгарія останется нейтральной и усиливать Дунайскую границу Румыніи русскими войсками,—нѣтъ никакой надобности. При такихъ условіяхъ даю голову на отсѣченіе, что въ одинъ мѣсяцъ мы займемъ двѣ трети Румыніи, а, слѣдовательно, хлѣбъ и нефть будутъ въ нашихъ рукахъ. Глупые румыны, очертя голову, бросятся въ Трансильванію, откуда мы ихъ погонимъ назадъ и на ихъ же плечахъ ворвемся черезъ проходы въ предѣлы королевства. И тогда, тогда мы предложимъ Россіи потихоньку сепаратный миръ. Не правда ли это коллосально?

— О, это коллосально!—подхватилъ Андронниковъ, восхищенный планомъ изобрѣтательнаго барона.

Штюрмеръ одобрительно молчалъ.

— Вамъ, кажется, не совсѣмъ ясно,—замѣтилъ Мантейфель.—Пройдемте въ кабинетъ нашего почтеннаго хозяина, тамъ у него виситъ карта и мы для наглядности продѣлаемъ стратегически всю румынскую кампанію.

— Одинъ вопросъ,—молвилъ Штюрмеръ,—а если ставка, спохватившись, начнетъ посылать подкрѣпленія? Я же не въ силахъ буду воспрепятствовать.

— И не препятствуйте! Всякое подкрѣпленіе опоздаетъ. Насъ вмѣстѣ съ болгарами будетъ въ Добруджѣ около трехсотъ тысячъ. Не забывайте, что изъ Россіи въ Румынію идетъ одна колея. Провозоспособность ничтожная. И пока русскіе перебросятъ два корпуса, которымъ къ слову сказать, долго придется итти походнымъ порядкомъ, все будетъ кончено, мы успѣемъ укрѣпиться.

— А когда это надо будетъ сдѣлать?—спросилъ Штюрмеръ.

— Не скоро. Выступленіе Румыніи наперекоръ всякимъ стратегическимъ соображеніямъ должно состояться глубокой осенью. Близость зимы заставитъ прервать

всякія крупныя операціи и мы будетъ хозяевами положенія. Какъ хорошо, что Сазоновъ изъятъ изъ обращенія и на мѣстѣ его сидите вы, господинъ Штюрмеръ. Какъ это хорошо! Это лучше, нежели имѣть въ резервѣ пятисотъ тысячную свѣжую армію, гораздо лучше. А теперь бросимъ взглядъ на карту. Я люблю точность.

Всѣ трое перекочевали въ кабинетъ съ тѣмъ самымъ письменнымъ столомъ, про который князь Андронниковъ съ гордостью заявлялъ:

— За этимъ столомъ фабрикуются министры...

---

5. Изъ дневника Сандры Беллини.

— ...Я никогда не вела дневниковъ, ни въ дѣтствѣ, ни въ гимназіи, а теперь я рѣшила записывать, если не все, то многое. Хочешь—не хочешь, приходится вращаться среди людей, которые попадутъ, пожалуй, въ исторію. Можетъ быть, даже навѣрное, въ грязную, но все же исторію. Какъ бы мнѣ только не влетѣть за одно съ ними. Смѣю думать, этого никогда не будетъ. Для этого я слишкомъ благоразумна и порядочности найдется у меня, во всякомъ случаѣ, настолько, чтобы не запачкаться.

А бывать тамъ, гдѣ Григорій меня, откровенно сознаюсь, тянетъ. Тянетъ потому, что видишь человѣческія души во всемъ ихъ обнаженіи. Передъ Григоріемъ люди раздѣваются во всю, забывая о постороннихъ, нисколько не заботясь наблюдаетъ-ли ихъ кто-нибудь. Имъ кажется, что всѣ, кто здѣсь на Гороховой, 64, всѣ одна секта, вѣрнѣе шайка, и ужъ никто другъ друга не выдастъ и не осудитъ.

А на него, хоть онъ и противенъ мнѣ, физически-

противенъ какъ женщинѣ, я смотрю всегда съ какимъ-то жуткимъ чувствомъ. Неужели, неужели этотъ неопрятный, дурно пахнущій мужикъ, то разнузданный, то прикидывающійся святошею, въ самомъ дѣлѣ такъ безгранично всемогущъ?..

Ну, вотъ прошло нѣсколько дней, какъ уѣхалъ Павликъ, мнѣ такъ хочется звать его Павликомъ, хотя онъ вовсе не „Павликъ“,—такой мускулистый, весь твердый, словно изъ одного куска отлитой. Цѣловалъ онъ меня тогда, ахъ, какъ хорошо было! Пламенемъ всю такъ и охватило и если-бъ, если-бъ не мое самообладаніе...

Воскресеніе утромъ раздался телефонный звонокъ и чей-то женскій голосъ увѣдомилъ меня, обычной въ такихъ случаяхъ фразою. „Сейчасъ съ вами будутъ говорить“.

— Радость моя,—слышу голосъ Григорія,—что же ты не идешь ко мнѣ чай пить, или не дошла еще? А глаза твои мудрые говорятъ мнѣ, что духъ твой высокъ и чистъ и мысли твои чистыя. И положись ты на душу мою, какъ на камень Господенъ. Свѣтъ мой, твой свѣтъ. Радость твоя на землѣ велика, если глаза твои, не меркнутъ передъ моими, великими. Приходи, залюблю, заласкаю... Аннушка здѣсь (Вырубова), сестра ея Сана (А. А. Пистолькорсъ) и тетка тоже здѣсь (старуха Головина) всѣ мы тебя ждемъ...

Высокопарная ерунда, этотъ наборъ словъ, быть можетъ дѣйствующій на сіятельныхъ поклонницъ Григорія, жаждущихъ глубокихъ откровеній отъ старца, на меня, грѣшную, не подѣйствовалъ нисколько. Но поѣхать я поѣхала, отчего не поѣхать. Говорю, тянуло...

Странное дѣло, Богъ вѣсть ожидала какихъ палатъ, чуть-ли не дворцовыхъ, а вошла въ скромную, неуютно обставленную квартиру, будто и не жилую. Прямо изъ передней,—довольно помѣстительная комната, въ ней раскрытый ломберный столъ, нѣсколько разныхъ

стульевъ и одно мягкое кожаное кресло. Комната была полна просителями, начиная съ видныхъ генераловъ и кончая низами общества.

Меня впустили въ столовую. Здѣсь уже совсѣмъ впечатлѣніе чего-то голаго, именно голаго. Столъ, длинный, узенькій, словно въ кухмистерской. Потомъ я узнала, что такая бѣдность обстановки Григорія—своя особенная тактика. Вначалѣ сезона—хоть шаромъ покати! А къ зимѣ все понемногу накапливалось, дареное поклонницами. Кресла, диваны, ковры, матеріи, царская посуда съ вензелями,—всѣмъ этимъ, въ концѣ концовъ, загромождалась знаменитая квартира на Гороховой. На лѣто все добро увозилось въ Сибирь, въ село Покровское, а съ осени вся эта комедія сызнова начиналась.

За столомъ—Григорій въ малиновой рубахѣ, положительно облѣпленный поклонницами. Ближе всѣхъ къ нему сидѣла въ креслѣ Анна Александровна Вырубова и, сразу видно,—самая почетная гостья. Около нея костыли, потому что она ходитъ прихрамывая. Говорятъ, до катастрофы съ нею на желѣзной дорогѣ, она была довольно стройная и хорошенькая, но теперь я увидѣла женщину, довольно полную съ безформенной фигурой, одѣтую небрежно во все темное и съ полнымъ, отекшимъ лицомъ. Вырубова хотѣла казаться незамѣтной и скромной, однако и въ глазахъ и въ линіяхъ рта чувствовалась увѣренная въ себѣ властность. Еще бы. Самая близкая подруга царицы, безъ которой та—ни на шагъ.

Всѣ кругомъ жадно смотрѣли въ глаза Вырубовой, искали ея взгляда, говоря только то, что могло ей понравиться. Видно было, что она главный и единственный центръ вниманія, а Григорій какъ-бы безплатное приложеніе. И всякое вниманіе, оказываемое старцу подчеркивалось, дабы не пройти незамѣченнымъ для Вырубовой.

Здѣсь были его секретарши, дѣвушки хорошихъ фамилій. Здѣсь были пожилыя сіятельныя дамы, съ искусственной красотою. Григорій любилъ нарядныхъ и эффектныхъ. Были совсѣмъ молоденькія дѣвушки, застѣнчивыя, робкія, чистыя, смущенныя, приведенныя матерями для „благословенія". Были грузныя, одѣтыя несуразно-кричаще купчихи съ большими сумками. Оттуда незамѣтно вытаскивались прошенія на имя царицы и опускались въ широкіе карманы Григорія. Мужчинъ было немного. Обиженный чиновникъ синода, хозяинъ кафе-шантана Вилла-Родэ, которому старецъ обѣщалъ выхлопотать орденъ. Былъ Манасевичъ-Мануйловъ съ ведомъ министра. Секретарь Питирима Осипенко и банкиръ Рубинштейнъ съ женою, про которую старецъ сказалъ кому-то, не стѣсняясь, довольно громко:

— Толстая корова, смотрѣть на нее тошно, а Митька возитъ... Ну, чѣмъ она мнѣ угодить можетъ...

Всю эту компанію поили чаемъ. Громадные самовары смѣняли другъ друга. Печенье, сладкія булочки, закуски, свѣжая икра—все это было принесено гостями.

Хозяйничали родственницы Григорія. Дуня, уже немолодая женщина, грязноватая съ вѣчнымъ насморкомъ и бѣлымъ платкомъ на головѣ. Она любила атласныя голубыя кофты, которыя дарили ей просительницы. Любила повторять, что ее тоже всѣ большіе люди знаютъ и царь съ царицей, а министры звонятся по телефону, спрашивая: „Это вы, Дунечка?"

Вторая домоуправительница называлась сестрой Акилиной Никитишной. Не глупая, некрасивая, лѣтъ сорока. Ходила неизмѣнно въ костюмѣ сестры милосердія. Григорія чтила какъ святого, несмотря на всѣ безобразія, совершавшіяся въ домѣ старца.

Григорій ея не замѣчалъ, но всѣ знали, что онъ съ ней считается и принимаетъ къ свѣдѣнію совѣты

Акилины Никитишны. Она ѣздила на позиціи съ поѣздомъ государыни и особенно радовалась, когда ихъ поѣздъ возилъ раненыхъ въ Евпаторію.

Третья хозяйственная дѣвушка лѣтъ пятнадцати называлась Нюшею. На ея обязанности лежали безконечные телефоны.

— Нюшка, запомни такой-то телефонъ,—кричалъ Григорій и Нюшка запоминала.

Когда же телефонъ былъ очень ужъ мудреный, то старецъ бралъ непривычнымъ жестомъ въ свои корявые пальцы перо, долго не могъ попасть въ бутылочку съ чернилами и наконецъ во весь листъ выводилъ нужныя цифры, на что уходило не мало времени и труда.

Память у него была тупая. Онъ никогда не запоминалъ фамилій своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, давая собственныя клички. Подъ именемъ „Красотки" значилась одна очень высокопоставленная дама. Многихъ называлъ онъ „Звѣздочка", „Дочка", „Машка", „Губернаторша". Меня онъ окрестилъ „Беликомъ". Графиню Витте звалъ „Витихой".

— А, Беликъ,—встрѣтилъ онъ мое появленіе радостнымъ крикомъ. Всталъ и протянулъ мнѣ свою руку для поцѣлуя. Рука была жирная отъ пищи, кажется, отъ вареной рыбы, которую онъ изволилъ кушать перстами. Поцѣловать эту руку, подхвативъ ее на лету, не было у меня никакого желанія и рука по инерціи шлепнулась мнѣ на плечо.

Я сдѣлала смущенно-глупое лицо. И всѣ поняли, что оплошность моя произошла отъ растерянности и смущенія. Григорій, прогнавъ со стула какую-то объемистую даму съ мутнымъ, замаслянымъ взглядомъ, посадилъ меня возлѣ себя.

Видя ко мнѣ такое особенное вниманіе „дорогого отца", всѣ засуетились и залебезили предо мною. Даже Анна Александровна Вырубова отнеслась внима-

тельно. А когда Григорій вдохновеннымъ шопотомъ произнесъ—„Добрая и мудрая“, то всѣ, какъ тогда у Бекманши, повторяли за нимъ „Добрая и мудрая“.

Продолжали пить и ѣсть. И прежде, чѣмъ взять что-нибудь въ руки, сначала крестили, а потомъ всѣ чашки съ чаемъ и тарелочки тянулись къ Григорію.

— Благослови, отецъ!

Григорій нехотя, равнодушно выполняя свои «святыя» обязанности, запускалъ грязныя лапы въ серебряную сахарницу и, вытащивъ два-три куска, бултыхалъ въ протянутую чашку.

Рѣзкимъ движеніемъ повернувшись ко мнѣ неожиданно, такъ что я даже вздрогнула, онъ возвѣстилъ:

— А мой Царь позволилъ мнѣ у тебя переобѣдать!

Анна Александровна такъ и расплылась вся блаженной улыбкою, словно говоря, какой «молъ, удостоилась чести, какъ должна цѣнить вниманіе и довѣріе, которое мы тебѣ оказываемъ». Вскорѣ послѣ этого она, подобравъ свои костыли, ушла, снисходительно отвѣчая на низкіе поклоны. Съ ея уходомъ исчезло что-то гнетущее и всѣ почувствовали себя свободнѣе и легче. И прежде всего—самъ Григорій.

Тутъ всѣ бросились къ нему, цѣловать руки, плечи, подолъ длинной рубахи, спину. Кто нѣжно щекоталъ его затылокъ, кто собиралъ крошки съ его бороды, съ благоговѣніемъ съѣдая. Многія допивали, доѣдали недопитое и недоѣденное старцемъ. А онъ сидѣлъ въ какой-то блаженной истомѣ, закрывши глаза...

Я собиралась уходить. Онъ вскочилъ:

— Пойдемъ, поговорить надо...

И потянулъ меня за руку черезъ столовую.

— Счастливая, счастливая, — зашептали поклонницы... Въ меня съ тихой ненавистью вонзилась пара черныхъ, громадныхъ глазъ, окаймленныхъ темными кругами, и я услышала тоскующій голосъ:

— Отчего не я? Отчего не я? Какъ давно не звалъ онъ меня!..

Потомъ мнѣ сказали, что эта красивая барышня — фрейлина Никитина рьяная поклонница Григорія.

Мы вошли въ узенькій, небольшой кабинетъ. Весь онъ былъ грязный, не жилой. На дешевомъ письменномъ столѣ—дорогая чернильница и рядомъ жалкенькій пузырекъ съ застрявшемъ въ немъ, залитымъ чернилами перомъ. И синее сукно тоже залито чернилами. Это мнѣ сразу бросилось почему-то въ глаза. Я увидѣла какія-то бумажки съ невѣроятными каракулями. Эти пьяныя, кривыя, съ трудомъ выведенныя каракули,— передъ нимъ открывались самыя завѣтныя двери...

Диванъ, два кресла. Кожа дивана выглядѣла новой, необтертой, средина же была сильно потрепана и продырявлена. Все это вмѣстѣ съ Григоріемъ вызывало у меня тошноту. Онъ захлопнулъ дверь и пошелъ на меня, растопыривъ руки... Глаза его уже не сіяли вдохновенно, а замаслились. Ко мнѣ съ полубезумной, полупохотливой улыбкой приближался охваченный желаніемъ скотъ-самецъ, не привыкшій къ отказу.

— Моя любовь, радость моя,—шепталъ онъ врядъ ли сознавая, что говоритъ. Какъ это ни странно, теперь въ особенности, когда вспоминаю,—тогда я нисколько не волновалась и даже вспыхнувшее сначала негодованіе погасло. Спиною къ столу, опершись на него руками, я стояла равнодушная, спокойная, съ серьезнымъ лицомъ. И когда онъ меня обнялъ, я даже не сопротивлялась. Всякое сопротивленіе повлекло-бы между нами борьбу. Онъ озвѣрѣлъ-бы, пожалуй, навѣрное озвѣрѣлъ-бы. А такъ мое увѣренное спокойствіе могло отрезвить его, потому что въ этомъ было много особеннаго презрѣнія, которое почувствуетъ даже самый грубый мужчина. Для нихъ, для мужчинъ, самое больное сознаніе, что женщина смотритъ на нихъ, какъ на пустое мѣсто...

Я увидѣла близко лицо Григорія, услышала его нечистое дыханіе... Здѣсь я измѣнила своему неподвижному спокойствію. Слишкомъ онъ былъ отвратителенъ, мерзокъ. Я невольно закрыла лицо платкомъ и отвернулась.

— Такъ вотъ, ты какая, вотъ подлая...—бормоталъ старецъ сквозь черные гнилые зубы, — *гнушаешься*, гнушаешься, гладкая баба, царицкинымъ полюбовникомъ, такъ я-жъ тебя поучу, я-жъ тебя отчехвощу по деревенски, за косу!..—и онъ уже поднялъ руку и хотѣлъ ударить.

Мнѣ стало вдругъ горячо, горячо, я зажмурилась. Но удара не послѣдовало. Я открыла глаза, Григорій сидѣлъ на диванѣ, тяжело дыша, весь обмякши...

— Укротила, укротила мою плоть, неистовая, мудрая...

Потомъ онъ вдругъ вскочилъ съ дивана и на четвереньках, словно звѣрь, схватилъ подолъ моего платья, дернулъ, я вскрикнула... Онъ поднесъ подолъ къ губамъ и, стоя на четверенькахъ, смотрѣлъ на меня снизу. Потомъ вытянулся, тряхнулъ головою, взялъ меня за руку и вывелъ въ столовую. Всѣ впились глазами въ наши лица... Красивыя черты Никитиной исказились черной злобою и она вся подурнѣла, постарѣла...

Григорій налилъ себѣ стаканъ краснаго вина, залпомъ осушилъ его, какъ-то дико по хлыстовски подпрыгнулъ на мѣстѣ и, схвативъ какую-то полную, молодую, поволокъ ее въ кабинетъ...

Здѣсь я ушла. Я никогда не переступлю больше этого порога. Тихій ужасъ! Надо будетъ въ письмѣ къ Павлику сообщить вкратцѣ всѣ эти впечатлѣнія. Какъ-никакъ, — Григорій его „крестникъ". Бѣдный Павликъ, только бы не отозвались на его службѣ эти „крестины".

---

6. На родинѣ.

Война, вдругъ такимъ кровавымъ заревомъ вспыхнувшая, застала всѣхъ этихъ русскихъ въ Парижѣ и всѣ, какъ на подборъ—молодежь. Одни учились, другіе шатались безъ дѣла такимъ типичнымъ для русскаго перекати-полемъ, третьи проводили здѣсь свои каникулы. Были эмигранты, бѣжавшіе въ девятьсотъ пятомъ году, были и такіе, которыхъ выслали за-границу „убирайтесь, молъ, на всѣ четыре стороны!..“

И вотъ съ первымъ грохотомъ пушекъ, что пошелъ оглушительными перекликами по всему міру, встрепенулись сердца всѣхъ этихъ разномастныхъ и мозаичныхъ сыновей необъятной великой Россіи.

Не было ни эмигрантовъ, ни высланныхъ, ни правыхъ, ни лѣвыхъ, ни красныхъ, ни черныхъ. Не было ни малороссовъ, ни поляковъ, ни латышей, ни грузинъ, ни евреевъ. Были русскіе—дѣти своей родины, охваченные благороднымъ прекраснымъ порывомъ, биться за нее, если и не тамъ на мѣстѣ, потому что путь въ Россію длителенъ и опасенъ, то здѣсь въ рядахъ славныхъ союзниковъ-французовъ. Ибо не все ли равно, въ концѣ концовъ, гдѣ колотить проклятыхъ „бошей“,—французы уже успѣли имъ дать эту кличку,—на Западѣ, или на Востокѣ, въ Шампани, въ Эльзасѣ,

въ Царствѣ Польскомъ, Восточной Пруссіи, или на путяхъ къ Львову и Кракову?

Большинство изъ нихъ поступило въ „иностранный легіонъ". Русскіе добровольцы не омрачили громкой боевой славы этихъ старыхъ африканскихъ солдатъ. Подъ Аррасомъ, гдѣ иностранный легіонъ прорвалъ нѣмецкій фронтъ на восемь километровъ въ глубину, русскіе отчаянно работали кто штыкомъ, кто прикладомъ, кто ручной гранатою и не мало полегло ихъ въ этомъ бѣшенно-стремительномъ натискѣ.

Такъ прошло много мѣсяцевъ...

Потянуло въ Россію.

Каждаго по своему и къ своимъ тянуло.

Молодой полякъ Янъ Жизновскій, наэлектризованный пламеннымъ воззваніемъ верховнаго главнокомандующаго, спалъ и видѣлъ—драться за освобожденіе своей родной, прекрасной дорогой Польши. Онъ читалъ въ газетахъ про бои подъ Варшавою, о томъ, какъ рыцарски отважно бьются польскіе легіоны и самъ жаждалъ поскорѣй стать въ ихъ ряды...

Подъ Аррасомъ нѣмецъ выбилъ Жизновскому прикладомъ передній зубъ. Полякъ свалилъ дерзкаго боша ударомъ штыка, но зубъ такъ и не успѣлъ, не удосужился вставить. Янекъ Жизновскій, блондинъ съ выразительнымъ, некрасивымъ лицомъ четкаго благороднаго рисунка. Ни одной правильной черты, ни одной, и въ то же время что-то соколиное въ профилѣ. Да онъ и былъ когда-то участникомъ сокольскихъ организацій и не даромъ все его небольшое, отлично сложенное тѣло — сплошь одни сухожилія и упруго налитые мускулы.

На Марнѣ Жизновскій раненъ былъ въ бедро осколкомъ снаряда, но безъ серьезныхъ послѣдствій.

— Такъ, вырвало кусочекъ мяса,—пояснялъ онъ съ улыбкою.

Да, вообще, мало кто изъ его товарищей вышелъ совершенно цѣлымъ и невредимымъ изъ этихъ кровавыхъ передѣлокъ. Многіе навсегда остались во Франціи кто въ братскихъ, кто въ одиночныхъ могилахъ подъ бѣлыми крестами. Были безрукіе и безногіе. Были и такіе, что, отлежавшись въ лазаретахъ, могли полуинвалидами ходить и двигаться, изрѣзанные и „заштопанные“ искусными хирургами.

И вотъ всѣ они, здоровые, полуздоровые, калѣки, передвигавшіеся съ помощью костылей, всѣ какъ одинъ стосковались по Россіи. Только и разговоровъ, только и мыслей было о возвращеніи.

Латышъ Павелъ Габерфельдъ мечталъ объ этомъ не меньше другихъ. Только не говорилъ. Не говорилъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ самъ по себѣ молчаливъ отъ природы, этотъ высокій стройный молодой человѣкъ съ большимъ открытымъ лбомъ и съ гордой посадкою красивой головы, а, во-вторыхъ, онъ еще не успѣлъ оправиться отъ сильной контузіи, надолго и жестоко оглушившей его, и на первое время отнявшей способность рѣчи. Лишь понемногу, день за днемъ, возвращался къ нему даръ слова. Временное оглушеніе и нѣмота сообщали какую-то сосредоточенную неподвижность удлиненному съ крупными чертами и большими глазами лицу Габерфельда. Эти глаза съ какимъ-то вопрошающимъ недоумѣніемъ присматривались и прислушивались, именно прислушивались къ Божьему свѣту, словно впервые его увидѣли.

— Это ничего, это пройдетъ,—говорили врачи,—организмъ хотя и потрясенъ весь контузіей, но выдержитъ, потому выдержитъ, что онъ, этотъ латышъ, желѣзный! Удивительная страна Россія, какихъ она мощныхъ людей куетъ! Другой на мѣстѣ Габерфельда,—вѣдь тяжелый снарядъ въ нѣсколькихъ шагахъ разорвался,—на всю жизнь остался бы эпилептикомъ, ползающимъ на четверенькахъ, словно крабъ, а этотъ...

Девять лѣтъ, цѣлыхъ девять лѣтъ не видѣлъ Павелъ Габерфельдъ родной семьи. Девять лѣтъ не былъ на родной мызѣ въ Куршкенигѣ. Съ того дня, вѣрнѣе съ той ночи, когда шестнадцатилѣтнимъ юношей бѣжалъ, спасаясь отъ мести барона Манергейма. О, эти бароны, будь они и на томъ и на этомъ свѣтѣ прокляты, они умѣли мстить латышамъ за то лишь, что тѣмъ внемоготу было оставаться неграми, бѣлыми неграми сіятельныхъ остзейскихъ плантаторовъ...

И вотъ въ памятномъ, охъ, какъ памятномъ девятьсотъ пятомъ году они оклеветали передъ Петербургомъ латышей, охваченныхъ якобы революціоннымъ движеніемъ. Какая ложь! Нѣтъ и теперь латышской мызы, гдѣ-бъ не висѣли на почетномъ мѣстѣ царскіе портреты. Висѣли они и у стараго Габерфельда, съ которымъ баронъ Эрикъ Манергеймъ сводилъ какіе-то ничего общаго съ политикою не имѣющіе счеты. Манергеймъ, пользуясь своими связями, пригласилъ карательный отрядъ гвардейской конницы. Баронъ самъ составлялъ списки „мятежниковъ“. Въ этихъ спискахъ очутился и Павелъ Габерфельдъ. Мальчикъ вовсе не хотѣлъ быть повѣшеннымъ, или застрѣленнымъ по злостной баронской фантазіи и предпочелъ бѣжать.

Промелькнуло девять лѣтъ. Сначала въ голодѣ и холодѣ безпріютныхъ скитаній, потомъ въ работѣ. Габерфельдъ какъ всякій латышъ-крестьянинъ въ совершенствѣ зналъ сыроваренное дѣло и до самой войны служилъ на одной изъ фермъ подъ Парижемъ. Съ объявленія мобилизаціи, проснулась въ немъ никогда не угасавшая, а только на время затихшая, усыпленная ненависть къ нѣмцамъ и онъ пошелъ драться съ ними. Его контузія дорого стоила бошамъ. Не мало этихъ каналей отправилъ Габерфельдъ на тотъ свѣтъ и въ рукопашныхъ схваткахъ грудь съ грудью, и мѣткимъ выстрѣломъ.

И вотъ онъ возвращается. Первымъ дѣломъ туда

въ Куршкенигъ, обнять своихъ стариковъ, младшихъ сестеръ, а потомъ опять бить нѣмцевъ, уже плечо къ плечу со своими. Не дремлютъ-же латыши, радуются подвернувшемуся рѣдкому случаю расквитаться за все со своими вѣковѣчными угнетателями. Довольно рабства, довольно униженій и слезъ...

Партія подобралась человѣкъ въ пятьдесятъ.

Французы тепло и сердечно проводили своихъ боевыхъ товарищей.

— До свиданья, друзья! Сожмемъ съ Востока и Запада бошей, этихъ палачей, нашихъ несчастныхъ братьевъ бельгійцевъ и встрѣтимся въ братскомъ рукопожатіи...

Въ Лондонѣ—то же самое. Привѣтъ и ласка, хотя и болѣе сдержанная, въ духѣ британскаго характера.

Русскіе уже въ открытомъ морѣ. Плывутъ къ роднымъ берегамъ и чѣмъ ближе, тѣмъ горячѣй нервное любопытство и жгучее нетерпѣніе.

Капитанъ парохода англичанинъ, типичный морской волкъ, съ вѣчно-зажатой въ крѣпкихъ желтыхъ зубахъ трубочкою, сдружился за нѣсколько дней плаванія съ этими русскими добровольцами.

Товарищески хлопалъ ихъ по плечу.

— О, васъ на родинѣ ждетъ шикарная встрѣча!..

Но морской волкъ ошибся. На свой англійскій аршинъ мѣрилъ. Встрѣтили вернувшихся съ чужбины довольно кисло. Пароходъ не успѣлъ еще бросить якорь, еще едва только трехсотпудовое страшилище съ грохотомъ и лязгомъ цѣпей вспѣнило мутную, грязно-желтую зыбь холоднаго сѣвернаго моря, по спущенному трапу уже поднимались архангельскіе жандармы. Начался опросъ пассажировъ, отбираніе документовъ. Глаза, особенные жандармскіе глаза, буравили насквозь каждаго.

Часть жандармовъ вернулась на берегъ, часть осталась, заявивъ, что впредь до особеннаго распоряженія

властей никто изъ русскихъ не смѣетъ покинуть пароходъ.

— Но почему же насъ не пускаютъ сойти на берегъ? Почему? Вѣдь, мои, напримѣръ, документы, въ полномъ порядкѣ!—горячился Янъ Жизновскій.

— Не могу знать, начальство не приказало,—спокойно, съ оттѣнкомъ презрѣнія отвѣчалъ высокій, упитанный вахмистръ.

— Но позвольте-же, это безобразіе,—выходилъ изъ себя журналистъ Кегичъ, успѣвшій зарости бородою и буйной гривою,—вѣдь мы-же не преступники. Мы всѣ сражались. У меня пуля прошла черезъ грудь на вылетъ. Зачѣмъ же насъ держатъ, всѣ формальности соблюдены.... Позвольте хоть мнѣ съѣздить на берегъ и отъ лица всѣхъ товарищей объясниться. Кто тамъ у васъ, генералъ, полковникъ?..

Волнуясь, жестикулируя, напрасно искалъ Кегичъ сочувствія у вахмистра.

Этотъ человѣческій монументъ въ пыльной сѣрой шинели и темно-синей фуражкѣ отвѣчалъ на всѣ горячіе доводы бородатаго журналиста двумя словами:

— Не приказано...

— Но поймите же—я одинъ! Всѣ останутся, я одинъ съѣзжу и объяснюсь,—пытался урезонить Кегичъ этотъ человѣческій обелисъ.

— Никакъ невозможно. Пущать не приказано никого.

— Держи не пущай, эхъ, матушка-Расея,—бѣлугою взвылъ Кегичъ. Со скрежетомъ зубовнымъ почесалъ затылокъ, едва не разрыдался отъ обиды и злости.

— Что такое... въ чемъ дѣло?—медленно, съ трудомъ выговаривая слова, спрашивалъ Жизновскаго Габерфельдъ, съ каменнымъ выраженіемъ красиваго лица. Онъ хотя и ничего не слышалъ, но догадывался о чемъ-то, не совсѣмъ ладномъ.

Морской волкъ проникся участіемъ къ судьбѣ своихъ пассажировъ:

— Однако, родина встрѣтила васъ не особенно привѣтливо...

Черезъ два дня пароходъ, снявшись съ якоря и нагрузивъ какъ ненасытное брюхо трюмы свои всякой всячиною, уплылъ обратно. Морской волкъ такъ ничего и не узналъ о дальнѣйшей судьбѣ русскихъ. А если-бъ и узналъ, у стараго морского бродяги, вообще, мало чему удивлявшагося, навѣрное вытянулось бы лицо.

Цѣлыя сутки продолжался „карантинъ" и тогда только разрѣшено было вернувшимся добровольцамъ высадиться. Но это еще не была свобода, это еще не значило—каждый воленъ отправляться, куда хочетъ. Имъ заявили, что всѣ сорокъ семь человѣкъ будутъ отправлены въ большой губернскій городъ и уже тамъ опредѣлится ихъ дальнѣйшая судьба.

— Да кто же мы такіе, арестанты?..

— Нѣтъ.

— Военноплѣнные?

— Нѣтъ.

— За что же насъ лишаютъ свободы?

— Это не лишеніе свободы. Это контроль, необходимый въ военное время.

Объясненіе происходило съ корректнѣйшаго вида бирюзовымъ полковникомъ.

— Контроль, въ чемъ и надъ кѣмъ?—не унимался Кегичъ,—всѣ мы сражались въ рядахъ нашихъ союзниковъ и всѣ по доброй своей охотѣ вернулись. Могли совсѣмъ остаться во Франціи, но—вернулись. Допустимъ, даже, есть среди насъ нѣсколько человѣкъ съ маленькимъ политическимъ прошлымъ. Допустимъ, такъ, вѣдь, они его съ лихвою искупили, какъ своимъ патріотизмомъ, такъ и доблестнымъ поведеніемъ на фронтѣ...

— Я вамъ совѣтую не принимать этого близко къ сердцу,—рекомендовалъ благообразный, съ иголочки одѣтый полковникъ,—отъ меня ничего не зависитъ. Я

самъ долженъ слѣпо выполнить инструкціи высшаго начальства. Молодой человѣкъ, увѣряю васъ, совмѣстная прогулка за нѣсколько сотъ верстъ, не будетъ вовсе ужъ такой непріятной. Все время въ своей компаніи.

— И все время подъ конвоемъ, не правда ли, господинъ полковникъ?—съязвилъ Кегичъ.

— Полноте, вы драматизируете положеніе,—улыбнулся въ свѣтлые усы жандармскій полковникъ.

Плетью обуха не перешибешь. Волей-неволей надо было покориться. И всѣ покорились, хотя и не безъ протеста. Особенно волновались поляки, во главѣ съ Жизновскимъ.

— Что же это такое? Издѣвательство? Мы потеряли аппетитъ и сонъ, спали и видѣли скорѣе очутиться у себя въ Польшѣ, а насъ отсылаютъ Богъ знаетъ куда...

— Я, напримѣръ, я,—недоумѣвалъ Жизновскій, вся моя „политика" заключается въ томъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ до войны въ Варшавской „Мухѣ", я нарисовалъ каррикатуру на Вильгельма. Она не понравилась германскому консулу, онъ поднялъ на ноги всѣ мѣстныя власти и потребовалъ, чтобы меня наказали. Яну Жизновскому предложено было оставить предѣлы Россіи. Вотъ и вся моя политика! Но если до войны изображать Вилюса въ каррикатурахъ считалось у насъ великой дерзостью, то вѣдь, теперь во время войны, когда Вилюсъ нашъ врагъ, когда я дрался съ его войсками, потерялъ зубъ и у меня вырвало кусокъ мяса величиною съ дѣтскій кулакъ... Ничего не понимаю...

Никто ничего не понималъ...

„Добровольцамъ" отвели пару вагоновъ третьяго класса и въ каждомъ—нѣсколько вооруженныхъ солдатъ. Ѣхали долго и нудно. Пять-шесть сутокъ,—поѣздъ съ черепашьей медленностью, задерживаясь часами на глухихъ станціяхъ, пропуская десятки воинскихъ эшелоновъ.

На вокзалахъ могли отлучаться изъ вагоновъ только

двое выборныхъ отъ каждаго вагона, чтобъ запастись кипяткомъ и ѣдою.

Настроеніе упало. Мрачнѣе мрачнаго было на душѣ самыхъ бодрыхъ и жизнерадостныхъ.

На шестыя сутки вдали, среди сухого ноябрьскаго утра подневольные туристы увидѣли изъ оконъ большой живописный городъ, сверкавшій золоченными куполами своихъ колоколенъ.

Станція запружена поѣздами. Воинскіе, санитарные, пассажирскіе. Цѣлый городъ на колесахъ съ прямыми, узенькими улицами. Суета, шумъ, сутолока. Выводятъ „легкихъ", выносятъ на носилкахъ тяжело раненыхъ. Бѣлыя косынки сестеръ, красные кресты на рукавахъ, сѣрыя шинели и такія-же сѣрыя, блѣдно-восковыя лица.

Здѣсь, хоть и далеко отъ фронта, давала себя знать война. Гудки и сирены открытыхъ автомобилей, щеголеватые штабные офицеры, одѣтые съ иголочки, въ бекешахъ и полушубкахъ. Офицеры въ грубыхъ защитныхъ шинеляхъ съ обвѣтренными лицами, только что вернувшіеся съ кровавыхъ полей.

Выгруженные гдѣ-то на одномъ изъ запасныхъ путей, добровольцы толпились на рельсахъ, въ ожиданіи, какъ и куда направятъ ихъ. Ждать пришлось долго. Наконецъ, пришелъ комендантъ или помощникъ коменданта, въ красной фуражкѣ съ простуженнымъ сиплымъ голосомъ и красными глазами человѣка измотавшагося на работѣ, давно не знающаго, что такое безмятежный сонъ.

— Господи, силъ моихъ нѣтъ! Въ чемъ дѣло? Собственно кто они такіе?—обратился комендантъ къ старшему изъ конвоировъ, унтеръ-офицеру, обильно заросшему щетиной, не молодому, по всей видимости, изъ глубокаго запаса.

— Такъ что арештанты, ваше высокоблагородіе,— встрепенулся унтеръ вмѣстѣ со своей винтовкою.

— Какіе арестанты, вздоръ мелешь!—оборвалъ его комендантъ,—видишь кто безъ руки, кто безъ ноги, у кого медаль. Кто вы такіе господа, объясните въ точности?—обратился къ ближайшему добровольцу комендантъ.

Ближайшимъ оказался Кегичъ. Онъ объяснилъ, кто они такіе, выразивъ общее недоумѣніе всего эшелона по поводу этой непонятной одиссеи сорока семи человѣкъ подъ конвоемъ.

— Это не мое дѣло, это не мое дѣло,—отмахивался руками бѣдный задерганный ротмистръ,—причемъ же я тутъ, господа? Я желѣзнодорожный комендантъ. Отправьтесь къ этапному коменданту, къ начальнику концентраціоннаго лагеря для плѣнныхъ, или къ воинскому начальнику, полковнику фонъ-Эйхенгардтъ. Все тамъ выяснится, все... Вотъ видите уже явились по мою душу, не жизнь, а каторга...

„Арестанты" двинулись походнымъ порядкомъ черезъ весь городъ, большой, разбросанный, въ холмахъ и садахъ. Бѣгали взадъ и впередъ перегруженные трамваи, съ грохотомъ тащились по булыжной мостовой ломовики. Все это послѣ Франціи казалось добровольцамъ немного тяжелымъ, лѣнивымъ и соннымъ, а главное бросалось въ глаза, какъ много кругомъ самой что ни на есть молодежи, способной идти въ окопы съ винтовкою.

Неистощимъ у насъ человѣческій запасъ,—думалъ Кегичъ, много лѣтъ назадъ жившій въ этомъ городѣ. Но тогда онъ ему казался монументальнымъ подавляющимъ, а теперь, послѣ Парижа и Лондона—все кругомъ такое низенькое, ушедшее въ землю.

Нѣсколько часовъ долгихъ блужданій, опросовъ, хожденій отъ одного пункта къ другому, отъ подъѣзда воинскаго присутствія къ подъѣзду этапнаго коменданта, всевозможныхъ мытарствъ на голодный желудокъ. Перевалило за полдень и ѣсть хотѣлось адски. Нако-

нецъ водворили путешественниковъ въ казарму съ двумя этажами солдатскихъ наръ.

— Я не скажу, чтобъ это помѣщеніе напоминало мнѣ лучшіе отели у Большой Оперы и въ Елисейскихъ Поляхъ,—замѣтилъ Янъ Жизновскій.

— Возмутительно! Ужасно! Безобразіе! Одно изъ двухъ,—или мы жертва безалаберности отечественной, или, что гораздо хуже, это сознательное глумленіе. Во всякомъ случаѣ, я этого такъ не оставлю! Буду говорить серьезно съ мѣстной администраціей, чтобъ насъ отпустили немедленно. А не отпустятъ бабахну разоблаченіе въ мѣстной газетѣ,—кипялся Кегичъ...

Заглянулъ въ это царство пока еще голыхъ наръ полковникъ фонъ-Эйхенгардтъ. Плотный, приземистый, онъ щурилъ брезгливо глаза сквозь пэнснэ.

— Дневальный!

Выскочилъ дневальный въ растегнутой рубахѣ, неподпоясанной.

— Что за свинство. Окурки валяются. Что это, конюшня? Конюшня, я тебя спрашиваю, мерзавецъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Чтобъ все было убрано, выметено. А самъ на кого похожъ? Застегнулся бы. Гдѣ твой поясъ? А еще солдатъ! Ждешь, чтобъ полковникъ тебѣ застегнулъ шинель. Ну, какой же ты солдатъ, — мужикъ!—и презрительно щурясь,съ брезгливой гримасою, оттянувши углы губъ, смотрѣлъ Эйхенгардтъ на оторопѣвшаго дневальнаго.

— Господинъ полковникъ,—началъ Кегичъ.

— Я ничего не знаю, не желаю ничего слышать. Я власть военная, а вы пока находитесь въ распоряженіи власти гражданской. Сюда заѣдетъ его превосходительство начальникъ губерніи и, вѣроятно, выслушаетъ всѣ ваши жалобы и просьбы и если найдетъ законными... Спрашивается, за чѣмъ же вы пріѣхали? Надо было тамъ и остаться, во Франціи! Дневальный, сей-

часъ-же все привести въ порядокъ. Русская свинья! Другой разъ увижу подобную мерзость, велю набить морду!

Фонъ-Эйхенгардтъ ушелъ, позвякивая шпорами.

Кегичъ присѣлъ.

— Благодарю не ожидалъ! Теперь, дѣйствительно, уже начинаешь вѣрить, что мы, по словамъ нашего благодѣтеля унтера, ничто иное, какъ «арештанты». Вообще, мы какое-то недоразумѣніе, мы не солдаты хотя и очутились на положеніи нижнихъ чиновъ и въ то же время не „вольные". Полагаю, всѣ наши сомнѣнія долженъ разсѣять господинъ начальникъ губерніи.

Но пока что надо войти въ соглашеніе съ дневальнымъ относительно принятія пищи. Онъ поможетъ намъ раздобыться скромнымъ обѣдомъ...

Солдатскія щи показались добровольцамъ Лукулловымъ пиршествомъ. Утоливъ голодъ, они пріободрились немного и хотя видъ тощихъ „двухъэтажныхъ" наръ дѣйствовалъ угнетающе,—будущее не казалось уже такимъ мрачнымъ.

Сумерками пріѣхалъ фонъ-Паппе, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Молодой блондинъ съ вытянутымъ сочнымъ лицомъ и сочнымъ же голосомъ.

— Выстройтесь двумя рядами. Его превосходительство пожалуетъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Часъ отъ часу не легче,—переглядывались добровольцы,—въ самомъ дѣлѣ, власть гражданская, а требуетъ выстроиться шеренгами. Впрочемъ, такое время, военное и самъ чиновникъ для порученій въ узенькихъ, обще-дворянскихъ погонахъ, одѣтъ въ защитную форму.

Донесся шумъ автомобиля. Фонъ-Паппе двинулся встрѣчать свое прямое начальство и черезъ минуту вернулся вмѣстѣ съ губернаторомъ и полиціймейстеромъ. Баронъ Адальбертъ Рудольфовичъ Манергеймъ, высокій и длинноусый, сутулый, близорукій въ сиреневомъ пальто на красной подкладкѣ, ни слова не говоря, молча прошелъ вдоль фронта...

---

7. Истинно-русскій губернаторъ.

Губернаторъ напоминалъ жирафа. Самъ длинный, предлинный, а головка маленькая и лицо безбородое, съ небольшими усиками и почти безъ глазъ. Съ кулачекъ. Но это лицо съ кулачокъ, всегда хранившее холодное выраженіе, умѣло быть весьма и весьма надменнымъ.

За этимъ губернаторомъ, вознесеннымъ старцемъ Григоріемъ на столь желанный постъ, слѣдовалъ неуклюжій, крѣпко сколоченный полицiймейстеръ, всей несуразной фигурой своею и обвѣтреннымъ краснымъ лицомъ съ желто-сѣдыми баками изображавшій одно сплошное благоговѣніе, внушаемое священной особою его превосходительства.

Баронъ Манергеймъ повелъ носомъ, ничего не видя, а его подслѣповатыя «щелки» сузились еще больше. И вотъ послѣ нѣкоторой паузы онъ вдругъ обратился не то съ привѣтствіемъ, не то съ поощреніемъ къ добровольцамъ:

— Ну, что, сукины дѣти?..

И тѣмъ кто слышалъ, а всѣ слышали, за исключеніемъ Габерфельда, кровь бросилась въ голову и въ лицо отъ этого оскорбленія. Въ первый моментъ добровольцы опѣшили за[illegible]ъ соляными, столбами...

У Яна Жизновскаго шибко-шибко забилось его сокольское сердце и буйно сжимались кулаки.. Большого напряженія воли стоило удержаться. [illegible] вздулись на лбу, и на губахъ синія, кровью налитыя жилы.

„Сукины дѣти“...—даже никогда и ничего не отражавшее лицо чиновника для порученій, да и оно слегка удивилось.

— Такъ вотъ мы зачѣмъ сюда пріѣхали! Вотъ зачѣмъ спѣшили на родину!—мелькало у несчастныхъ легіонеровъ—чтобъ, какъ бездомныхъ бродягъ какихъ-то лишили свободы и чтобъ, наконецъ, губернаторъ баронъ Майергеймъ такъ презрительно грубо, по извозчичьи обозвалъ.. За что же въ самомъ дѣлѣ, за что? За всѣ перенесенныя невзгоды, за эти контузіи, раны, за эти медали, которыми украшены многіе?..

И всѣ очнулись отъ столбняка и пробѣжало что-то вольное и барону Майергейму почудилась, какая-то угроза. Онъ отвелъ дѣловые глаза въ сторону и спросилъ:

— Конвой здѣсь?..

— Здѣсь, ваше превосходительство...

И какъ бы въ подтвержденіе стукнули гдѣ-то другой объ полъ приклады винтовокъ.

— Кто политическіе?—обратился баронъ къ Эйхенгардту.

Эйхенгардтъ по списку назвалъ нѣсколько именъ, въ томъ числѣ Жизновскаго и Гибберфельда.

— Идите, Жизновскій, сюда!

Художникъ, на побелѣвшихъ щекахъ котораго отгорали красныя пятна, вышелъ и сталъ наблюдать злыми глазами ждать что будетъ дальше. Средь кто во что горазд одѣтыхъ добровольцевъ были и штатскіе и полувоенные въ широкихъ бархатныхъ штанахъ, купленныхъ въ Парижѣ за нѣсколько франковъ. Жизновскій, самый элегантный,—въ драповомъ пальто и выдержанномъ спортивномъ костюмѣ, въ желтыхъ ботин.

кахъ и желтыхъ крагахъ. Губернаторъ оглядѣлъ его черезъ пэнснэ.

— Ты былъ высланъ до войны за границу. За что?

Жизновскій молчалъ... Только на блѣдномъ костистомъ лицѣ подъ кожею возлѣ угловъ рта и на скулахъ змѣились, перебѣгая, какіе-то „червячки".

— Что жъ ты молчишь?

— Я не буду отвѣчать, если вы будете говорить мнѣ „ты"! Вы не имѣете права! Я не вашъ подчиненный и не солдатъ, я свободный человѣкъ! И хотя не признаю никакихъ сословныхъ привилегій, но я такой же дворянинъ, какъ и вы!

Энергичной отповѣдью художникъ срѣзалъ барона. Тотъ сначала заморгалъ подслѣповатыми глазками, но вдругъ сразу выпрямился и поднялъ голову съ презрительной усмѣшкою:

— Хорошо, я буду „вамъ" говорить „вы". Не соблаговолите ли отвѣтить господинъ Жизновскій на мой вопросъ, за что вы были высланы изъ Варшавы?

— За каррикатуру на Вильгельма.

— Какъ-же вы смѣли рисовать каррикатуру на коронованную особу императора Вильгельма? Вы, полякъ, сынъ маленькаго народца. Какъ вы смѣли?

— Во-первыхъ, извиняюсь, поляки не народецъ, а вторая, послѣ Россіи гордая славянская нація и странно, что вы представитель верховной власти называете насъ такъ послѣ воззванія Верховнаго Главнокомандующаго, гдѣ признаны передъ всѣмъ міромъ историческія заслуги польскаго народа...

— Какъ вы смѣете, дерзкій мальчишка!—перебилъ Манергеймъ.—Я васъ научу разговаривать съ властью! По законамъ военнаго времени я могу что угодно съ вами сдѣлать. Языкъ за зубами держите. Дальше, кто тамъ дальше?

— Павелъ Габерфельдъ.

Латышъ не двинулся съ мѣста. Для него, словно

въ кинематографѣ шевелились кругомъ чьи-то губы, открывались и закрывались рты. Но, — безъ единаго звука.

Къ нему подошелъ полиціймейстеръ и, готовый ударить, звѣрски выпучивъ глаза, багровѣя, прошипѣлъ сквозь зубы:

— Что-жъ ты не отвѣчаешь его превосходительству, каналья!..

— Павелъ Габерфельдъ, — повторилъ Манергеймъ, въ нетерпѣніи топнувъ ногою—что это демонстрація, бунтъ? Я приму самыя строгія мѣры.

— Это не демонстрація и не бунтъ,—молвилъ Кегичъ,—а дѣло въ томъ, что Габерфельдъ, сильно контуженный, оглохъ и ничего не слышитъ. Надо громко кричать ему надъ самымъ ухомъ.

— Ужъ не прибѣгнуть ли къ помощи рупора? Какія нѣжности. Такъ вотъ вы господинъ съ бородой, который является такимъ адвокатомъ за латыша, соблаговолите взять на себя роль...

Я не господинъ съ бородою...

— Что такое?..

— Ничего.

Кегичъ бережно взялъ Габерфельда подъ локоть, вывелъ его впередъ. Габерфельдъ съ недоумѣніемъ косился, то на Кегича, то на губернатора.

— Что надо спрашивать?

— Спросите, что побудило его къ бѣгству въ 1905 году изъ Россіи.

Габерфельдъ стоялъ прямой, неподвижный. Кегичъ, самъ по себѣ рослый парень, поднялся на цыпочки и касаясь губами уха Габерфельда, прокричалъ:

— Павелъ, ты долженъ отвѣтить на вопросъ, что побудило тебя тогда къ бѣгству... Помнишь...

Габерфельдъ, сдвинулъ брови и что-то соображая, тихо съ трудомъ, дѣлая паузы, словно силясь что-то вспомнить наединѣ съ самимъ собою, заговорилъ:

— Я долсенъ былъ бѣсать, потому сто я былъ совсѣмъ не виноватъ... меня хотѣли повѣсить... помѣсикъ баронъ... баронъ Эрикъ Манергеймъ.

— Вы послушайте, послушайте эту канапью— оживился губернаторъ обращаясь къ своему чиновнику,—мой братъ Эрикъ Рудольфовичъ не мало вынесъ тогда отъ этихъ грязныхъ латышей!..

— Эрикъ Манергеймъ продолжалъ вспоминать Раберфельдъ, онъ былъ солъ на моего отса, на меня... Онъ говорилъ придутъ русскіе солдаты меня повѣсятъ на дерево, а я нехотѣлъ меня повѣсять на дерево... Я убѣсалъ. Баронъ Манергеймъ никто не терпѣлъ...

— Довольно, я не хочу слышать этого мерзавца,— махнулъ рукою Манергеймъ и обращаясь къ полковнику Эйхенгардту,—вотъ они очаги революціи! Латыши и эстонцы—всѣхъ на одну осину...

Губернаторскій дворецъ помѣщался въ старомъ замкѣ. Настоящій замокъ, такой, что въ дѣтствѣ мы видимъ на картинкахъ. Башни, массивныя стѣны съ амбразурами. Глубокіе рвы и чуть ли не подъемный мостъ.

Этотъ замокъ, уцѣлѣвшій на протяженіи четырехъ съ лишнимъ вѣковъ, большой, запутанный, разбросанный, вмѣщалъ въ себѣ чуть ли не всѣ присутственныя мѣста: губернское правленіе, казенную палату, что-то еще и еще и не то мѣщанскую управу, не то сиротскій судъ.

Губернаторская квартира изъ восемнадцати большихъ комнатъ, разметавшаяся въ двухъ этажахъ, совсѣмъ затерялась въ одномъ изъ крыльевъ, до того громаденъ, монументаленъ, былъ этотъ старый замокъ, по ночамъ настолько суровый, таинственный, что, по выраженію Чехова, „хоть садись и балладу пиши».

Въ большой, неуютной гостиной, обставленной казенно и скучно, вернувшійся губернаторъ засталъ идиллическую картину. Супруга его баронесса Элла

Августовна Манергеймъ, рожденная баронесса Майдель, писала акварелью цвѣты при вечернемъ освѣщеніи. Баронъ Цеге-фонъ Мантейфель, на дняхъ пріѣхавшій изъ Петрограда, сидя у рояля наигрывалъ «Вахтъ амъ Райнъ“. Молодой рыжеватый съ англійскимъ проборомъ, черезъ всю голову ротмистръ девятаго полка Померанскихъ уланъ, самодовольно любуясь кончикомъ лакированной ботинки своей, дымилъ сигарою. Все на немъ было съ иголочки и узенькіе панталоны со штрипками, и длинный сюртукъ съ плоскими металлическими пуговицами. Ослѣпительно сверкало тонкое бѣлье,— высокій воротничокъ, упиравшійся въ доглянца выбритый подбородокъ и модные, перехваченные золотыми цѣпочками-запонками, манжеты.

Звали щеголеватаго ротмистра барономъ Зиделемъ и не вольной волею своей очутился онъ въ этомъ русскомъ городѣ, а попалъ въ плѣнъ. Давно, еще гдѣ-то на границѣ Восточной Пруссіи.

Онъ думалъ, что на худой конецъ его немедленно же разстрѣляютъ эти „дикіе варвары русскіе“, на лучшій—сошлютъ куда-нибудь въ Сибирь, гдѣ преблагополучно сгноятъ на каторжной, невыносимой работѣ. Но, къ чрезвычайному удивленію, барона Зиделя не постигло ни то, ни другое. Наоборотъ, жизнь въ русскомъ плѣну оказалась для него сплошнымъ праздникомъ. Да и какой же это плѣнъ, когда кругомъ все свои нѣмцы? Полковникъ фонъ-Эйхенгардтъ—царь и Богъ надъ военноплѣнными—его другъ и пріятель. У губернатора—блестящій ротмистръ свой человѣкъ и всегда желанный гость запросто. Двоюродный братъ Манергейма баронъ Эйтель Манергеймъ командиръ Померанскихъ уланъ былъ прямымъ начальникомъ барона Зиделя.

Ротмистръ пользовался неограниченной свободою, жилъ въ самой шикарной гостиницѣ, гулялъ гдѣ и когда вздумается, посѣщалъ театры, шантаны, кине-

матографы и, чего-же еще? Правда, чтобъ не привлекать всеобщаго вниманія, въ публичныхъ мѣстахъ, на людяхъ онъ предпочиталъ бывать въ штатскомъ. Видя, какъ принимаютъ его въ губернаторскомъ домѣ, нѣкоторыя дамы охотно распахнули передъ нимъ двери своихъ гостиныхъ и съ одной изъ этихъ дамъ супругою предсѣдателя окружнаго суда госпожею фонъ-Мезе у него былъ романъ.

Вотъ какъ жилъ припѣваючи германскій уланъ въ русскомъ плѣну. Но это не было общимъ правиломъ. Это было исключеніемъ только для германскихъ офицеровъ. Что же касается славянъ, въ особенности чеховъ и сербовъ, эти австрійскіе офицеры подчинялись самому строгому режиму. Гулять позволяли полчаса въ день и то въ сопровожденіи конвойныхъ. За каждымъ шагомъ—слѣдили. Отведены были славянскимъ офицерамъ какіе-то холодныя, сырыя лачуги на окраинѣ города и въ каждой комнатѣ, маленькой, тѣсной—помѣщалось нѣсколько человѣкъ.

Участь этихъ славянъ и была предметомъ бесѣды въ губернаторской гостиной въ тотъ самый моментъ когда вошелъ, щурясь сквозь пэнснэ баронъ Манергеймъ. Вошелъ въ сѣрой тужуркѣ со шталмейстерскими жгутами и широкихъ темно-синихъ шароварахъ съ генеральскими лампасами. Баронъ маскировалъ такимъ образомъ спичкообразную худобу своихъ длинныхъ ногъ.

Баронесса, румяная съ острымъ и рѣзкимъ профилемъ, въ бѣломъ рабочемъ халатѣ,—она всегда надѣвала его изъ кокетства, гримируясь подъ заправскую художницу,—подставила мужу для поцѣлуя щеку.

— Прелесть, восхитительно!—одобрилъ мужъ, ткнувшись носомъ въ картонъ съ нѣсколькими алыми розами, сухо и плоско нарисованными Эллой.

— Не правда ли?—подхватилъ баронъ Зидель,—даже чувствуешь ароматъ...

Сидѣвшій у рояля въ черной визиткѣ Мантейфель повернулся вмѣстѣ съ круглымъ табуретомъ, на стержнѣ.

— Я говорю, что у баронессы коллосальный талантъ къ живописи!.. Коллосальный!

— Гдѣ ты былъ?—спросила польщенная, розовѣющая еще больше Элла.

— Ѣздилъ смотрѣть этихъ каналей добровольцевъ, привезенныхъ съ французскаго фронта,—молвилъ Манергеймъ, протирая пэнснэ.—Мерзавцы увѣрены, что ихъ сейчасъ же пошлютъ на фронтъ. Какая эта орда! Поляки, русскіе, латыши, кавказцы, жиды...

— О, это забавно,—усмѣхнулся Мантейфель,—что же вы съ ними сдѣлаете?

— Ничего! Въ концѣ концовъ придется ихъ, къ сожалѣнію, выпустить, но пока пусть поживутъ на солдатскомъ пайкѣ. Защитники родины!..

— Надо выбить изъ головы эту дурь,—замѣтилъ Мантейфель и, вообще, мы только что здѣсь говорили... Совѣтую поприжать славянскихъ свиней! Будутъ знать, какъ добровольно сдаваться въ русскій плѣнъ. Самыя строгія мѣры по отношенію къ нимъ,—это желаніе Штюрмера...

Я имѣю на этотъ счетъ опредѣленныя инструкціи,—сказалъ Манергеймъ,—вы когда рѣшили уѣхать, баронъ?

— Завтра, если ничто не помѣшаетъ. Маршрутъ мой—Кіевъ, Нижній-Новгородъ, Саратовъ, Симбирскъ, Оренбургъ. Вѣроятно, проѣду въ Сибирь. Надо агитировать и, если это дѣлать умѣючи, можно посѣять большую рознь между славянами и германо-мадьярами. А, главное, парализовать всякія попытки къ организаціи добровольческихъ отрядовъ славянъ, этихъ измѣнниковъ Императору Францу-Іосифу...

— У меня этотъ вопросъ на идеальной высотѣ!—похвасталъ Манергеймъ,—всѣхъ сербскихъ и чешскихъ

„добровольцевъ“ я разсылаю на работу, отвѣчая на требованія главнаго штаба, что у меня нѣтъ людей. Нѣтъ и не будетъ! Пока Штюрмеръ у власти...

— А объ этомъ, чтобы онъ возможно дольше остался у власти, объ этомъ уже мы позаботимся!—подхватилъ Мантейфель.

— Браво, браво!—захлопалъ въ ладоши померанскій уланъ—я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что и теперь во время войны, мы, нѣмцы хозяйничаемъ въ этой дикой, глупой странѣ, какъ и въ мирное время. Поистинѣ Германія была и останется превыше всѣхъ. Но что мы дѣлаемъ сегодня вечеромъ?..

— Сегодня благотворительный спектакль. Я приглашаю васъ друзья въ мою ложу. Идетъ „Веселая вдова“.

— А, вотъ какъ! Это будетъ занятно!—и вновь повернувшись на кругломъ табуретѣ къ роялю, баронъ Мантейфель взялъ нѣсколько аккордовъ вальса изъ „Веселой вдовы“.

— Что слышно о сепаратномъ мирѣ?—полюбопытствовалъ ротмистръ, играя кончикомъ лакированной ботинки.

— Налаживается, налаживается, успокоилъ его Манергеймъ,—только бы не сорвалось! О этотъ Штюрмеръ, это голова! Онъ работаетъ втихомолку, не покладая рукъ. Сегодня за обѣдомъ, друзья, чокнемся шампанскимъ за скорѣйшій сепаратный миръ...

— Великолѣпный тостъ!..

— Воображаю, съ какимъ предлиннымъ носомъ останутся англичане и французы, будь они прокляты!

— На сегодня довольно,—молвила баронесса Манергеймъ, аккуратно вытирая бѣлой тряпочкою акварельныя кисти.

---

8. Розовый камергеръ.

Тамъ, на фронтѣ милліоны солдатъ и офицеровъ дѣлали свое трудное, великое, подвижническое дѣло. Такъ долгими мѣсяцами, годами жили въ темныхъ землянкахъ на самыхъ позиціяхъ, куда, словно въ кротовьи глубокія норы, надо было забираться ползкомъ Тамъ въ окопахъ, то окаменѣвшихъ отъ мороза и стужи покрытыхъ ледянымъ панцыремъ, то грязныхъ жидкимъ глинянымъ мѣсивомъ, то песчаныхъ, засыпающихъ глаза, не знали покоя ни днемъ, ни ночью люди, подъ огнемъ, подъ угрозою страшныхъ минъ, превращающихъ человѣка въ лохмотьяхъ въ окровавленныя тряпки.

Это ли не суровый подвигъ, это ли не мученическій вѣнецъ заживо?..

А въ тылу сотни, тысячи и десятки тысячъ бездѣльниковъ наживали на этихъ герояхъ цѣлыя состоянія, цинично торговали ихъ кровью. И до чудовищнаго странна была взаимо-связь между тѣми и другими.

Отъ заплеванныхъ кофеенъ, отъ дорогихъ кабаковъ, кишащихъ жадной, вѣчно другъ другу что-то перепродающей толпою, тянулись невидимыя нити туда въ окопы у Риги, у Двинска, въ Галиціи, Месопотаміи.

И когда гдѣ-нибудь у „Медвѣдя", въ „Европей-

ской", или у Кюба одинъ субъектъ, прихлебывая налитое въ бутылку изъ-подъ бабушкинаго кваса, вино, говорилъ другому:

— У меня есть шинельное сукно...

Это значило, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ годъ въ этихъ самихъ окопахъ, галицiйскихъ, или месопотамскихъ, солдатъ вмѣсто своей рваной, въ глину перепачканной, изжеванной отъ непогоды и дождя шинели,—получитъ новую. А можетъ быть и совсѣмъ не получитъ и новая шинель, сшитая изъ сукна проданнаго въ кабакѣ за бутылкой вина, будетъ преблагополучно гнить себѣ въ какомъ-нибудь Полтавскомъ, или Рязанскомъ цейхгаузѣ, а месопотамскiй солдатъ, заросшiй волосами, потерявшiй человѣческiй обликъ, будетъ вздыхать въ своихъ лохмотьяхъ, сидя у слабо грѣющаго костра:

— Эхъ, кабы шинель!

И эта шинель, гнiющая въ Полтавскомъ цейхгаузѣ—на лучшiй конецъ, а на худой, вмѣстѣ съ тысячами другихъ шинелей, подъ открытымъ небомъ предоставленная перемѣнчивымъ небеснымъ хлябямъ, не прикрытая даже брезентомъ, такъ что послѣ дождя изъ подъ этой сѣрой массы течетъ мутный „супъ",—грезится закинутому на край свѣта земляку чѣмъ-то недоступно сказочнымъ, роскошнымъ.

Тылъ и фронтъ никогда не поймутъ другъ друга.

И если фронтъ съ надеждой и вѣрою взираетъ, оборачиваясь на тылъ, то представленный кофейнями и ресторанами тылъ, никогда не задумывается... Важенъ моментъ, важно переуступить, перепродать, нажить комиссiонныя, а тамъ пусть себѣ сидятъ въ своихъ лисьихъ норахъ, пусть ихъ калѣчатъ и убиваютъ...

Бывшiй камергеръ Стояновскiй вовсе не являлся исключенiемъ изъ этого типа тыловыхъ дѣльцовъ. Въ своемъ потрепанномъ бумажникѣ онъ имѣлъ наготовѣ образчики подковныхъ гвоздей. Они у него были за

номерами и при случаѣ онъ говорилъ кому надо, что въ Америкѣ много такихъ гвоздей и можно выписать цѣлыя сотни тысячъ пудовъ.

У „Пекаря", въ вестибюлѣ „Европейской" и въ „Ампирѣ" на Садовой торговалъ Стояновскій гвоздями. Какъ на экранѣ мелькали передъ нимъ всевозможные люди-человѣки. Сегодня якшался онъ по предмету этихъ самыхъ гвоздей съ княземъ Андрониковымъ завтра съ женоподобнымъ барономъ Шриппеномъ, а тамъ, видишь что-то соблазнительно шепчетъ ему на ухо Распутинскій секретарь клубный арапъ Симановичъ.

— Мы съ Григоріемъ Ефимовичемъ...

Но какъ дошелъ до жизни такой «бывшій» камерге ъ Стояновскій?

Заслугами отца, виднаго сановника при Александрахъ Второмъ и Третьемъ, Стояновскій, ничего не дѣлая нигдѣ не учась, уйдя изъ Правовѣдѣнія чуть ли не на половинѣ курса, былъ куда-то причисленъ и въ двадцать девять лѣтъ—совсѣмъ молодой человѣкъ,—пожалованъ былъ камергерскимъ мундиромъ.

Самодовольный, розовый, пухлый съ гнилыми зубами, порхалъ камергеръ по гостинымъ бѣгло и чисто французилъ, получалъ командировки за границу.

Волею судьбы онъ выполнилъ историческую миссію. Въ тысяча девятьсотъ пятомъ году розовый камергеръ очутился въ Финляндіи въ самый разгаръ забастовокъ, въ частности, и революціоннаго пожара, вообще. Генералъ-губернаторъ князь Оболенскій сидѣлъ подъ арестомъ, охраняемый красно гвардейцами. Финляндія была отрѣзана отъ столицы,—ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа, ни почты. Императоръ Николай понятія не имѣлъ, что творится въ Финляндіи. Окружающіе лгали ему,—тамъ все, молъ, обстоитъ благополучно...

Царская семья жила въ Петергофѣ, готовая ежеминутно покинуть Россійскіе берега. „Штандартъ" стоялъ подъ парами.

И вотъ въ эти тревожные минуты камергеръ Стояновскій какимъ-то чудомъ является въ Петергофъ изъ Гельсингфорса, прорвавшись на маленькомъ закопченномъ буксирномъ пароходикѣ. На имя государя онъ привезъ объемистый пакетъ, врученный ему Оболенскимъ.

Розовый камергеръ попалъ—не минуешь его—къ Фредериксу. Министръ двора выпытывалъ, выспрашивалъ.

— Я самъ передамъ его величеству...

— Нѣтъ, извините, ваше высокопревосходительство, князь Оболенскій поручилъ мнѣ передать его величеству изъ рукъ въ руки.

Стояновскій былъ принятъ, обласканъ и въ получасовой аудіенціи разсказалъ царю все, что видѣлъ и слышалъ въ Финляндіи. И всѣ думали:

— Ну, теперь Стояновскій пойдетъ въ гору!..

Однако эта аудіенція, которой не могъ забыть ему Фредериксъ, оказалась для него фатальной. Черезъ два-три мѣсяца Стояновскій былъ вынужденъ подать въ отставку и вмѣстѣ съ этимъ автоматически потерялъ свое камергерство. Отнятъ блестящій мундиръ и и всѣ вдругъ какъ-то, даже тѣ, кто раньше заискивалъ,—отвернулись. Онъ остался на распутьи, безъ всякихъ средствъ и доходовъ, но съ прежними аппетитами.

И такъ пошелъ катиться внизъ съ одной ступеньки на другую. Французскій языкъ, хорошія манеры, звучныя имена „друзей“ помогали ему околпачивать простецовъ. Онъ торговалъ чинами, орденами, краснокрестными знаками. Торговалъ, фабрикуя фальшивые патенты. Въ концѣ концовъ, былъ судимъ и попалъ въ тюрьму, изъ которой вышелъ черезъ два года. Вышелъ похудѣвшій, общипанный съ какъ-то по острожному бѣгающими глазами, сѣдыми висками, но съ чуть ли не прежнимъ румянцемъ на щекахъ. И вотъ подо.

спѣла война. Бывшій камергеръ торгуетъ подковными гвоздями, проводитъ время въ обществѣ Андрониковыхъ, Симановичей, Шриппеновъ.

Даже эта темная компанія отдавала несомнѣнное должное знаніямъ бывшаго камергера, его опыту и канальской сметкѣ.

Однажды тучный Андрониковъ, сидя въ „Европейской“ въ номерѣ одѣтаго съ иголочки въ немного опереточную форму уполномоченнаго барона Шриппена, сѣтовалъ другу своему:

— А знаешь, баронъ, получилось довольно корявая исторія. Есть нѣкій милліонеръ Живатовскій, а у него — это мнѣ доподлинно извѣстно—имѣются документы, сильно компрометирующіе двухъ моихъ пріятельницъ Анну Александровну Вырубову и Екатерину Викторовну Сухомлинову. Понимаешь, въ связи съ какими-то подрядами, комбинаціями.. Словомъ, я предпочелъ бы, чтобы эти бумаги вмѣсто Живатовскаго очутились у меня. Вырубова такой услуги никогда не забудетъ, а я кстати хочу провести черезъ нее одно большое дѣло. Живатовскій этихъ бумагъ добромъ не отдастъ. Самъ знаешь, гдѣ раки зимуютъ...

Андрониковъ умолкъ. Сіятельная голова работала надъ рѣшеніемъ довольно трудной задачи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть? Живатовскій—не мелкая сошка. Его не запугаешь. Человѣкъ большихъ милліоновъ, а, слѣдовательно, въ обиду себя не дастъ.

Шриппенъ, жеманный, пахнущій крѣпкими духами, подведены глаза, пришелъ на помощь своему другу.

— Князюленька, ты хоть и ума палата, а врядъ-ли, что-нибудь придумаешь. Здѣсь надо быть академикомъ. сихъ дѣлъ мастеромъ, какъ Стояновскій, напримѣръ. Кстати, полчаса назадъ онъ былъ внизу. Хочешь я его позову, въ качествѣ консультанта?

— Позови, послушаемъ, что можетъ намъ „предъявить“ Стояновскій.

— Я тебя оставлю на двѣ-три минуты... а ты пока займись этимъ. Есть любопытные снимки.

Шриппенъ вынулъ изъ ящика письменнаго стола цѣлую кипу большихъ, превосходно исполненныхъ фотографій,—курчавые, большеглазые, смуглые мальчики и юноши, обнаженные и полуобнаженные, въ вѣнкахъ изъ виноградныхъ листьевъ, въ леопардовыхъ шкурахъ, то одинокіе, то переплетающіеся въ объятіяхъ...

Андрониковъ, свѣсивъ громадный животъ свой на короткія ноги, жадно смаковалъ эти волнующія фотографіи, сопя и оттопыривъ нижнюю губу. И въ этой своей похоти, такой слюнявой, былъ отвратителенъ, мерзокъ. Смакуя, съ толкомъ и чувствомъ каждую карточку, онъ по нѣскольку разъ къ одной и той-же возвращался, откладывалъ наиболѣе пришедшіяся по вкусу въ сторону. И не замѣтилъ, какъ вернулся, позвякивая модными, тоненькими шпорами Шриппенъ вмѣстѣ съ бывшимъ камергеромъ.

Видимо подковные гвозди кормили Стояновскаго не худо. Онъ какъ-то отъѣлся послѣ тюрьмы. На немъ отлично сидѣла визитка и торчалъ изъ бокового кармана кончикъ тончайшаго шелковаго платка. Совсѣмъ джентльмэнъ, хоть сейчасъ опять камергерскій мундиръ съ ключами. Только въ глазахъ осталось уже навсегда что-то безпокойное, бѣгающее,—печать людей, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ за нехорошія, грязныя дѣла.

— А мнѣ сейчасъ предлагали большую партію медикаментовъ,—мягко молвилъ Стояновскій,—вотъ чѣмъ занимаются бывшіе камергеры!—съ легкой свѣтской улыбкой пошутилъ онъ самъ надъ собою.

— Покупайте, что вамъ угодно, милый Стояновскій,—откликнулся Андрониковъ,—я вамъ все проведу въ армію, все, хоть до кружевныхъ дамскихъ сорочекъ, включительно.

— Вы очаровательны, князь.

— Ну, да погодите. Это не ради прекрасныхъ вашихъ глазъ, а услуга за услугу. Вы должны намъ помочь вашимъ... вашимъ опытомъ въ одномъ очень серьезномъ дѣлѣ.

И Андрониковъ посвятилъ его въ суть, умолчавъ объ одномъ лишь, что надо произвести выемку документовъ, компреметирующихъ Вырубову и Сухомлинову.

Стояновскій закурилъ, предложенную Шриппеномъ ароматную египетскую папиросу и началъ обдумывать планъ дѣйствія.

— Ни на какіе переговоры и компромиссы Живатовскій не пойдетъ. Здѣсь надо взять дерзостью, именно дерзостью. Скажите князь, я вамъ задаю этотъ вопросъ потому что знаю ваши силы и ваше вліяніе, скажите въ случаѣ, еслибъ совершенъ былъ явно противозаконный поступокъ, могли-бъ вы потомъ какъ-нибудь избавить отъ наказанія главныхъ дѣйствующихъ лицъ

— Конечно, могу! Именемъ ея величества было бы все ликвидировано.

— Въ такомъ случаѣ...

— Въ такомъ случаѣ, я весь вниманія, милый Стояновскій

— Видите, я того мнѣнія, что всякій образъ дѣйствія долженъ согласоваться съ духомъ времени. А время теперь такое: крупные финансисты, банкиры, сахарозаводчики, вся эта компанія на большомъ подозрѣніи у правительства. Со дня на день посадятъ Рубинштейна. Генералъ Батюшинъ съ полковникомъ Резановымъ свирѣпствуютъ во всю. Обыскъ сталъ самымъ заурядньмъ явленіемъ. Почему не произвести обыскъ у Живатовскаго? Въ одинъ прекрасный день нагрянула къ нему на автомобиляхъ цѣлая комиссія жандармовъ, военныхъ чиновниковъ и — форменный обыскъ съ изъятіемъ бумагъ, документовъ. Къ телефону никого не подпускать изъ домочадцевъ, а когда

дѣло уже сдѣлано—поминай какъ звали! Спохватится конечно, будетъ жаловаться, но, во-первыхъ, врядъ ли онъ даже будетъ знать лицъ, совершившихъ эту маленькую эскападу, а во-вторыхъ, вы же авансомъ обѣщаете высокое заступничество.

— Не высокое, а высочайшее!—вѣско поправилъ Андрониковъ.

— Тѣмъ лучше.

— А кто же исполнители?—спросилъ Шриппенъ.

— Во-первыхъ, вы баронъ,—сдѣлалъ Стояновскій галантный жестъ по его адресу,—а во-вторыхъ, я думаю можно привлечь небезвѣстнаго ротмистра Лембовецкаго, парочку жандармовъ, парочку уполномоченныхъ и, глядишь, вся труппа готова.

— А режисеръ останется за кулисами?—улыбнулся подведенными глазами Шриппенъ, довольный предстоящей авантюрою.

— Роль режиссера всегда незамѣтна для публики, отвѣтилъ Стояновскій съ игривой скромностью.

— Мнѣ нравится этотъ планъ,—скрѣпилъ Андрониковъ и чѣмъ онъ смѣлѣй, тѣмъ онъ осуществимѣй. Мосье Стояновскій я вамъ очень благодаренъ за цѣнный дружескій совѣтъ. Если вы пожелаете ваши медикаменты выгодно продать въ какой-угодно крестъ, синій, зеленый, красный, оранжевый, голубой,—я всегда и во всякое время къ вашимъ услугамъ. Въ устахъ князя Михаила Михайловича Андроникова это не пустой звукъ...

— Я ни минуты не сомнѣваюсь...

— Вотъ будетъ интересно, вотъ будетъ весело, я войду въ роль и такъ буду цукать этого милліонера, такъ! Вотъ увидите!—ликовалъ баронъ Шриппенъ.

---

9. Великіе князья.

Завѣдующій авіаціей и воздухоплаваніемъ, великій князь Александръ Михайловичъ пріѣхалъ на два дня, изъ Кіева, гдѣ находился его штабъ, въ Петроградъ. Пріѣхалъ зимою, чуть-ли не на другой день послѣ знаменитой думской рѣчи Милюкова, разоблачившей такъ смѣло, убійственно-смѣло политику Штюрмера.

Подъ впечатлѣніемъ этой рѣчи,—еще бы она у всѣхъ была на устахъ!—посѣтилъ Александръ брата своего Николая Михайловича.

Здѣсь все было такъ знакомо ему въ этомъ дворцѣ, знакомо съ дѣтства, и мичманомъ помнилъ Александръ Михайловичъ эту античную пріемную, расписанную клеевыми красками въ помпейскомъ духѣ. И тогда, тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ назадъ, плескался посрединѣ строгой комнаты фонтанъ и такъ-же плавали въ бассейнѣ, ныряя и блестя влажной чешуей своею, золотыя рыбки.

Но самъ Александръ Михайловичъ уже не тотъ. Правда онъ все еще красивъ, съ матовымъ лицомъ и узкими „египетскими" глазами, но въ черныхъ какъ смоль волосахъ и бородѣ уже много сѣдины, а подъ глазами набухаютъ мѣшочки. Великій князь строенъ, осанистъ, ему идетъ черный морской сюртукъ съ адмиральскими погонами.

Изъ всѣхъ Михайловичей—Александръ самый изящный, породистый. Сергѣй, тотъ совсѣмъ подгулялъ, внѣшностью производя впечатлѣніе захудалаго армейца. У Николая Михайловича и въ похрипывающемъ голосѣ и въ рѣзкомъ орлиномъ профилѣ есть какая-то вельможность, но опять таки рядомъ съ Александромъ онъ грубоватъ, плотенъ, мѣшковатъ. И глаза у нихъ совсѣмъ разные. У Александра—узкія минда ины съ влажной окраскою вѣкъ, у Николая—круглые птичьи, какъ это часто бываетъ у кавказцевъ.

Эти самые глаза оторвались отъ миніатюры, когда въ кабинетъ легкой, неслышной походкою, заглушаемой ковромъ, вошелъ Александръ Михайловичъ. Братья обнялись. Нѣсколько мѣсяцевъ не видѣли другъ друга.

— Ты попрежнему увлекаешься миніатюрами? — спросилъ Александръ.

— Смотри какой чудесный Изабэ! Что за легкость нѣжной воздушной кисти! Эта Каролина Бонапартъ, жена Мюрата.

Николай Михайловичъ протянулъ Александру овальную миніатюру съ портретомъ надменной, своенравной женщины, одѣтой по модѣ начала девятнадцатаго вѣка.

— Сестра ея Паулина Боргезе была красивѣй,— молвилъ Александръ кладя миніатюру на письменный столъ и совсѣмъ по другому спросилъ,—что ты скажешь о рѣчи Милюкова по поводу этого жулика Штюрмера?

— Сегодня онъ гофмейстеръ, а завтра, завтра онъ можетъ получить оберъ-камергера. Я въ этомъ увѣренъ, что Алиса позаботится...

— Ты думаешь?

— Нисколько не сомнѣваюсь! Развѣ ты не видищь, что она плюетъ на Россію на общественное мнѣніе,— подчеркивая это. Фаворъ ошельмованнаго Штюрмера будетъ новымъ плевкомъ. Эта проклятая женщина ведетъ и страну и династію къ гибели...

— Однако и не любите же вы другъ друга съ Александрой Федоровной. Твое чувство, я понимаю, Коля но за что-же она тебя терпѣть не можетъ?

— А вотъ за что. Вѣдь, ты помнишь, Ника женился не сразу на ней. Что-то у нихъ расклеилось и когда онъ вернулся изъ Дармштадта и сказалъ мнѣ, что вопросъ оконченъ въ отрицательномъ смыслѣ, я его поздравилъ. „И слава Богу, что не женился, говорю, всѣ гессенцы дегенераты, сифилитики. Она внесла бы въ твою семью гнилую кровь"... А черезъ годъ онъ женился на ней и, по своей мелочной, поганенькой натурѣ—возьми и ляпни... „А знаешь Николай Михайловичъ отговаривалъ меня отъ женитьбы подъ тѣмъ, молъ, предлогомъ, что всѣ гессенцы дегенераты и сифилитики"...

— Низкая душа! Только бъ поссорить, напакастить... И лжетъ, притворяется на каждомъ шагу... А исторія со мною? Я чуть было не бросилъ завѣдываніе авіаціей, готовъ былъ уйти куда глаза глядятъ.

— А что такое,—насторожился птичьими глазами своими Николай Михайловичъ.

— Представь, этотъ мерзавецъ Воейковъ началъ мнѣ пакостить. Вѣдь, онъ божокъ тамъ у себя въ Ставкѣ. Помимо Воейкова не приходитъ ни одно мало-мальски важное назначеніе въ арміи. И вотъ этотъ господинъ, за что и почему неизвѣстно, начинаетъ мнѣ вставлять палки въ колеса, рѣшительно во всемъ. До того дошло, что относительно каждаго новаго аппарата изводились цѣлыя кипы канцелярской переписки. Мнѣ стыдно было передъ французскими летчиками. Ихъ аэропланы вмѣсто Двинска и Тарнополя засылались во Владивостокъ и летчики мѣсяцами сидѣли безъ дѣла, жалуясь, что не могутъ подняться на воздухъ когда насъ атакуютъ германскія эскадрильи. Все это были Воейковскія штуки. Я изводился, но ничего не могъ подѣлать...

— Странно, Воейковъ былъ у меня въ эскадронѣ офицеромъ и былъ человѣкъ какъ человѣкъ, а теперь общій голосъ, что зазнался и сталъ отмѣннымъ интриганомъ.

— Слушай дальше... Доведенный до бѣлаго каленія, ѣду въ ставку и говорю Никѣ:—если я такъ плохъ, что никуда не гожусь, лучше совсѣмъ уйду... Ну, и ты знаешь, его обычная манера,—ласковъ, мягокъ, обволакиваетъ любезностью.,. „Ради Бога не уходи, не капризничай, я тобою очень доволенъ, ты поднялъ авіацію и если уйдешь, это будетъ ужасно. А если Воейковъ иногда и капризничаетъ, не обращай вниманія. Въ общемъ онъ такой милый“.,.

— У него всѣ милые, кто съ нимъ пьетъ, кто передъ нимъ холопствуетъ и въ то же время имѣетъ на него вліяніе. Если-бы они такъ же успѣшно воевали съ нѣмцами, какъ воюютъ съ бутылками... А козелъ отпущенія, этотъ несчастный Алексѣевъ. Хоть и онъ умѣетъ иногда огрызаться. Онъ съ самаго начала заявилъ: „Ваше величество, я человѣкъ не придворный, не свѣтскій, да и голова не тѣмъ занята, а потому въ случаѣ, сяду въ галошу, прошу меня извинить. Съ меня взятки гладки“. И дѣйствительно гладки. Онъ забронированъ, и не только забронированъ, а сумѣлъ отмежеваться отъ всей этой камарильи.

— А о предательствѣ говорятъ все больше и больше, молвилъ качая головой Николай Михайловичъ.

— И будутъ говорить,—подхватилъ Александръ. Предательство губитъ насъ и въ тылу и на фронтѣ. Я приказалъ доставлять себѣ въ Кіевъ для допроса плѣнныхъ германскихъ и австрійскихъ летчиковъ. Сначала преслѣдовалъ главнымъ образомъ сторону техническую, но затѣмъ, мало по малу, такія потрясающія подробности всплывали. Оказывается, непріятель знаетъ каждый нашъ планъ, каждый предпринимаемый шагъ...

— Но откуда же, черезъ кого? Алексѣевъ человѣкъ внѣ всякихъ подозрѣній.

— Но ты забываешь, что Алексѣевъ при всемъ желаніи своемъ не можетъ скрывать ничего отъ Ники, а тотъ въ свою очередь выбалтываетъ все Алисѣ.

— Вѣчно она, вездѣ она! Это злой геній Россіи! Теперь она не можетъ мнѣ простить, зачѣмъ печатно отказался отъ германскихъ орденовъ. Необходимо эту женщину обезвредить во имя блага страны. Мы и такъ уже опозорены всѣ...

Александръ Михайловичъ приложилъ палецъ къ губамъ.

— Тише, Коля. Мы вдвоемъ въ кабинетѣ, тебя окружаютъ преданные люди, насъ никто не слышитъ, а все-таки береженаго—Богъ бережетъ. Въ Кіевѣ, напримѣръ за каждымъ моимъ шагомъ слѣдили. У моего штаба часами дежурятъ охранники, загримированные извозчиками...

— У меня—то же самое. Да, вотъ, полюбуйся не угодно ли...

Братья, плотный и крупный Николай въ защитномъ кителѣ съ кавалеградскими погонами и стройный Александръ въ морскомъ сюртукѣ, подошли къ зеркальнымъ окнамъ. И точно въ рамѣ уходилъ въ перспективу пейзажъ съ бѣло-молочной снѣжной пеленою Невы и Петропавловской крѣпостью. Мимо по набережной мчались кареты, извозчичьи сани, моторы. А у гранитнаго парапета маячила фигура въ пальто съ барашковымъ воротникомъ и въ мѣховой шапкѣ. Красное, жандармскаго типа лицо съ жесткими усами.

— Эта морда,—замѣтилъ Николай—давно мозолитъ мнѣ глаза... И какъ это примитивно и глупо. Ну, что можетъ онъ донести, шатаясь около дворца? Что? А вѣдь они каждый день подаютъ рапортички и хотя шпіонятъ за нами, однако, соблюдаютъ во всей строгости этикетъ. Сегодня этотъ хамъ напишетъ:

„У его императорскаго высочества великаго князя Николая Михаиловича, не Михайловича, а Михаиловича изволили быть его императорское высочество великій князь Александръ Михаиловичъ. Пріѣхали,—ты въ одиннадцать пріѣхалъ, Трубецкаго уже не было,—и оставались до"... Видишь, наизусть знаю, знаю, что сегодня же объ этомъ въ Царскомъ будутъ говорить. Скучно, Саша... Скучно быть великимъ княземъ...

А топтавшійся на панели субъектъ посмотрѣлъ въ окно, увидѣлъ великихъ князей, сконфузился и, это вышло совсѣмъ ужъ нелѣпо, сорвалъ шапку, низко мотнувъ головою.

Братья переглянулись.

— Какъ это у нихъ все топорно, грубо! — молвилъ Александръ, перебирая пальцами эксельбанты, развѣ это сыскъ? Фарсъ! Хоть-бы этому научились въ Европѣ...

Охранникъ наконецъ почелъ за благо стушеваться и фигура въ пальто съ барашковымъ воротникомъ, исчезла. Промчалась карета съ придворнымъ кучеромъ на козлахъ. Бритый въ красной мантіи и въ треуголкѣ. На фонѣ стекла мелькнулъ и погасъ профиль бородатаго человѣка въ шубѣ.

— Нашъ съ тобой августѣйшій родственникъ,—нахмурившись сказалъ Николай Михайловичъ.

— Кто такой, я не замѣтилъ?..

— Григорій Ефимовичъ Распутинъ.

— Ахъ этотъ... Ужасъ... Онъ расшатываетъ и безъ того по всѣмъ швамъ трещащій Никинъ тронъ. Стыдно смотрѣть въ глаза иностранцамъ. Былъ у меня проѣздомъ въ Румынію французскій генералъ Бертоло, спрашивалъ о Распутинѣ,—правда ли что онъ святой и пользуется вліяніемъ при дворѣ? Что я могъ ему отвѣтить? Замялъ разговоръ, больше ничего не осталось дѣлать. И чувствовалъ, что краснѣю, какъ маль-

чишка. Знаешь его серьезно собираются уничтожить, старца. Для этого уже организуется военная партія.

— Не все ли равно,—пожалъ плечами Николай,—сегодня этого мерзавца уберутъ, а тамъ, глядишь, явится новый. Не будетъ Распутина, будетъ Сидоровъ, Ивановъ, Карповъ. Все зло въ этой дегенераткѣ, охваченной, и такъ уродливо извращенно охваченной, религіознымъ мстицизмомъ. И только лишь съ ея удаленіемъ отъ власти можно добиться побѣды, добиться, что страна вздохнетъ свободнѣй и мы перестанемъ быть всеобщимъ посмѣшищемъ... Скучно, Саша скучно и мерзко. Право, я начинаю завидовать золотымъ рыбкамъ, рѣзвящимся тамъ въ бассейнѣ...

Александръ Михайловичъ остался у брата завтракать.

А въ это самое время краснолицый охранникъ подавалъ рапортичку шантажисту и личному секретарю Штюрмера о томъ, что «въ десять часовъ двадцать пять минутъ утра къ дворцу его императорскаго высочества великаго князя Николая Михаиловича подъѣхалъ моторъ, изъ котораго вышли его императорское высочество великій князь Александръ Михаиловичъ».

Эти драгоцѣнныя свѣдѣнія по телефону сообщены были на Гороховую, въ квартиру старца, находившейся тамъ Аннѣ Александровнѣ Вырубовой, а та въ свою очередь по дворцовому проводу сообщила въ Царское— Александрѣ Феодоровнѣ.

Подозрительная царица рѣшила, что это неспроста и что оба Михайловича противъ нея что-то затѣваютъ если и не прямо, то косвенно...

---

10. Первый ударъ по самодержавію.

Въ бывшемъ Сазоновскомъ кабинетѣ на Мойкѣ принялъ Борисъ Владиміровичъ Штюрмеръ барона Манергейма. Длинный и тощій, подслѣповатый губернаторъ щурясь дѣлалъ докладъ всесильному гофмейстеру.

— Ваше высокопревосходительство, у меня все записано. Языкъ цифръ самый убѣдительный. Сію минуту, ваше высокопревосходительство...

Манергеймъ вынулъ изъ бумажника вчетверо сложенный листикъ глянцевитой почтовой бумаги и, водя носомъ изъ угла въ уголъ, прочелъ.

— У меня было семьсотъ пятьдесятъ восемь плѣнныхъ чеховъ. Изъ нихъ только двадцать два почти насильно вырвали у меня для формированія чешской дружины. Остальные же слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ. Партія въ двѣсти человѣкъ отправлена была мною на Мурманскую желѣзную дорогу. Это покойники, оттуда живымъ никто не вернется. Сто пятьдесятъ головъ я угналъ въ Туркестанъ. Смѣю увѣрить, ваше высокопревосходительство, что они тамъ останутся навсегда,— тяжелый непривычный климатъ, малярія. Девять болвановъ покончило самоубійствомъ. Одиннадцать умерло на мѣстѣ отъ разныхъ болѣзней. Остальные, пока жи-

вы и находятся у меня. И всѣ они въ такихъ условіяхъ, что проклинаютъ и день и часъ когда шли сдаваться въ русскій плѣнъ...А теперь мы переходимъ къ сербамъ...

Манергеймъ прочелъ другую рапортичку въ такомъ-же духѣ, но съ нѣсколько иными цифрами.

— Это хорошо, это очень хорошо, одобрилъ Штюрмеръ,—скажите баронъ у васъ есть придворное званіе?

— Къ сожалѣнію, ваше превосходительство, до сихъ поръ еще не удостоился быть представленнымъ.

— Я скажу графу Фредериксу и мы устроимъ вамъ камергерскіе ключи.

— Я не знаю какъ благодарить, ваше высокопревосходительство.

— Вы хорошій губернаторъ. Мы должны поощрять такихъ. Вы когда возвращаетесь къ себѣ?

— На этихъ дняхъ, ваше высокопревосходительство.

— Захватите съ собою нѣкоего Херуса. Это хорватъ служившій когда то въ австро-венгерской тайной полиціи. Мнѣ рекомендовалъ его нѣсколько лѣтъ назадъ графъ Турнъ-де-Вальсасина. Это незамѣнимый человѣкъ по вопросамъ формированія сербскаго добровольческаго корпуса. Вообще, я былъ противъ этой вредной затѣи, но сербскій посланникъ Спалайковичъ нажаловался на меня Государю. Его величество приказалъ ускорить формированіе... Разъ такъ, хорошо-же! Ускоримъ, настолько ускоримъ, что въ концѣ концовъ, разсыпется весь корпусъ. У васъ имѣются хорваты?..

Манергеймъ заглянулъ въ свой листикъ.

— Сто девяносто семь человѣкъ, ваше высокопревосходительство.

— Такъ вотъ, вы ихъ предоставите въ распоряженіе Херуса. Онъ ихъ такъ распропагандируетъ, что все это добровольческое движеніе будетъ навѣки дискредитировано. Вообще, эти господа славяне—вотъ гдѣ у меня сидятъ!—и Борисъ Владимировичъ ребромъ ладони провелъ у себя подъ бородою, по горлу.

Помолчавъ, подумавъ, спросилъ.

— Вы гдѣ остановились.

— Въ Асторіи.

— Я прикажу Херусу, чтобъ зашелъ къ вамъ сегодня же.

Баронъ Манергеймъ черезъ два часа принялъ у себя въ номерѣ маленькаго лысаго человѣка въ заношенномъ сюртукѣ съ безпокойно бѣгающими глазами. Худое, костистое лицо не то хронически голодающаго, не то фанатика. Свѣтлая клиномъ борода, нервная жестикуляція, порывистая, лающая рѣчь.

Сидя, вытянувъ длинныя худыя ноги, слушалъ губернаторъ стоявшаго передъ нимъ Херуса.

— У меня такой плянъ ваше височопревосходителство, я дѣляю такъ, чтобъ сами, что есть аустрофили попадаль сербскій корпусъ, и когда они будутъ на слюжбѣ, они поднимаютъ агитацію.... Я знаю нѣсколько такихъ офицеровъ-хорватовъ. Оно тоже пойдутъ въ корпусъ и будетъ агитировать.

— Вы увѣрены, что ихъ удастся склонить?

— Вполнѣ увѣренъ, ваше высокопревосходителство, вполнѣ, мы будемъ дѣйствовать на нихъ черезъ наше юго-славянское общество „Крижаничъ." Это въ Москвѣ. Это общество аустроифильское и субсидируется аустро-унгарскимъ правительствомъ. Оно всегда было противъ сербовъ. О, эти Спаляйковичъ, Живоковичъ полючаютъ хорошъ сюпризъ, Я имъ покажу. Круниславъ Херусъ себя покажетъ!—Вся маленькая невзрачная фигурка темнаго шпіона дышала злобою, костистое лицо налилось кровью, бѣгали хищно глаза и жилистые кулаки, вылѣзавшіе изъ короткихъ рукавовъ, грозили кому-то...

— О, да вы съ темпераментомъ, господинъ Херусъ, человѣкъ воинственный—молвилъ усмѣхаясь и разглядывая свои ногти Манергеймъ.

— Ваше височопревосходителство я въ тисячу

восемьсотъ восемьдесятомъ году билъ доброволцемъ въ сербско-болгарской войнѣ.

— Въ чьихъ рядахъ?

— Въ болгарскихъ! Я всегда ненавидѣлъ сербовъ, какъ враговъ аустро-унгарскаго правителства.

— Вы навѣдайтесь... Завтра-послѣзавтра выяснится, день моего отъѣзда.

— Слюшаю, а теперь имѣю честь кланяться, я дольженъ сейчасъ явиться его высокопревосходителству Борису Владиміровичу Штюрмеръ.

Но Борису Владиміровичу Штюрмеру не до Херуса было. Онъ рвалъ и металъ, каждыя пять минутъ, получая тревожные телефонные звонки отъ секретаря своего Манасевича-Мануйлова.

Манасевичъ-Мануйловъ оповѣщалъ Штюрмера изъ Государственной Думы о рѣчи Милюкова, посвященной ему Штюрмеру и о томъ впечатлѣніи, которая она производитъ.

Словно чуяло сердце стараго гофмейстера. Онъ вспомнилъ слова Григорія Ефимовича.

— Къ чорту Думу, къ чорту! По шеямъ разогнать всѣхъ!

И разогнали-бы, не давъ собраться. Сама государыня была за это, но Родзянко поѣхалъ въ Ставку, и пригрозилъ Николаю революцiей, если не соберется Дума. И государь испугался и это было одна изъ тѣхъ упрямыхъ минутъ его, когда и Распутинъ съ царицею оказывались безсильными вліять на него.

И вотъ въ первый же день, такія неслыханныя чудовищныя, рѣчи. А Мануйловъ мягкимъ говоркомъ своимъ въ телефонъ подливалъ масло въ огонь.

— Онъ говоритъ, что вы всѣ тайны союзниковъ выдаете германцамъ.

— Не можетъ быть! Онъ это сказалъ? Онъ это сказалъ?—сжимая трубку, и не вѣря ушамъ, повторялъ Штюрмеръ.

— Увы Борисъ Владиміровичъ, сказалъ и какъ опредѣленно!..

— Что же публика, депутаты, какое впечатлѣніе?

— Потрясающее! Оваціи, рукоплесканія, даже вся великокняжеская ложа аплодировала.

— И эти?

— И эти!—вздохнулъ секретарь,—извиняюсь, бѣгу слушать дальше.

— Оповѣщайте меня.

— Чрезъ пять минутъ буду звонить.

Штюрмеръ повѣсилъ трубку. Онъ чувствовалъ, какъ изъ подъ ногъ уходитъ почва и эти самыя ноги становятся чужими. Ему не было стыдно, что завтра же разнесется по всей Россіи отъ края до края вѣсть, что онъ измѣнникъ и предатель. И не только по Россіи... Уже навѣрное летятъ шифрованныя телеграммы въ Парижъ, Лондонъ, Римъ, на Корфу, въ Токіо. Все это пустяки, Борисъ Владиміровичъ Штюрмеръ никогда не искалъ популярности въ широкихъ кругахъ. Но ужасъ въ томъ, что всѣ эти разоблаченія могутъ заставить его уйти, въ особенности если этотъ мерзавецъ Милюковъ окончательно его скомпрометируетъ.

Правда, Штюрмеръ сдѣлалъ все что могъ и любой изъ министровъ Вильгельма врядъ ли добросовѣстнѣй служилъ бы своему кайзеру.

Затрещалъ телефонъ.

— Это я...

— Ну?

— Плохо, совсѣмъ плохо! Крышка! Уже третій часъ и „это“ не попадетъ въ вечернія газеты, а выйдетъ только въ утреннихъ. Есть время вызвать Адабаша и задержать стенограммы.

— Довольно, я самъ знаю что мнѣ дѣлать, говорите, въ чемъ суть, какой новой грязью облилъ меня этотъ, этотъ...

— Онъ сказалъ, что вы не посмѣли явиться въ

министерскую ложу и никогда не явитесь. Онъ процитировалъ отрывокъ изъ германской газеты гдѣ сказано по телефону—это неудобно,—сказано объ одной высокой особѣ и о васъ, что пока вы оба у власти... Вы понимаете?

Вмѣсто всякаго отвѣта, Штюрмеръ скрипнулъ зубами и такъ сильно, что вывалилась на столъ верхняя челюсть.

Кое какъ дрожащими пальцами водворивъ ее, премьеръ-министръ вызвалъ къ себѣ завѣдующаго петроградской цензурою генерала Адабаша.

Черезъ четверть часа Адабашъ, блондинъ съ неподвижнымъ лицомъ, былъ въ кабинетѣ Штюрмера.

— Задержать стенограммы думскаго отчета впредь до моего разрѣшенія печатать. Я самъ проредактирую.

Адабашъ молча кивнулъ. Глаза его безцвѣтные, водянистые, не выражали ничего.

Отпустивъ Адабаша, Штюрмеръ позвонилъ къ Распутину.

— Кто у телефона? спросилъ женскій голосъ.—А это вы, Борисъ Владиміровичъ?

— А это вы Анна Александровна?—узналъ Штюрмеръ въ свою очередь голосъ Вырубовой.

— Мнѣ сейчасъ позвонили изъ Думы. Этотъ мерзавецъ Милюковъ осмѣлился клеветать на такого честнаго слугу ихъ величествъ, какъ вы.

— Ужасъ, Анна Александровна вотъ до какого мы дожили безобразія! Надѣюсь, вы меня поддержите, у ея величества? А главное, вотъ что я хотѣлъ сказать вы посылаете сегодня курьера въ Копенгагенъ къ Буксевдену?

— Посылаю.

— Отложите, надо повременить, скажу при личномъ свиданьи, почему.

Рѣчь Милюкова переходила изъ устъ въ уста. Задержанная цензурою она расходилась по Петрограду

и бѣжала дальше въ провинцію въ тысячахъ рукописей. Сотни пишущихъ машинокъ лихорадочно выстукивали ее.

На другой же день полный стенографическій отчетъ былъ въ Могилевѣ, въ рукахъ генерала Кауфмана-Туркестанскаго.

Генералъ прочелъ ее Алексѣеву.

— Это нельзя скрыть отъ государя!—сказалъ блѣдный взволнованный Алексѣевъ.

— Я покажу его величеству, только съ глазу на глазъ, когда не будетъ Воейкова.

Кауфманъ прочелъ царю весь отчетъ отъ слова до слова.

Николай внимательно выслушалъ.

— Я это оставлю у себя. Можно?

Спустя нѣсколько часовъ экстреннымъ поѣздомъ пріѣхала въ Могилевъ царица, зловѣщая, гнѣвная.

Государь показалъ ей стенограмму.

— Ты читала, что здѣсь пишутъ?

— Кто тебѣ подсунулъ, эту мерзость?

— Не все ли равно, кто? Важно, что здѣсь пишутъ.

— Я спрашиваю, откуда это у тебя?

— Мнѣ далъ ее Кауфманъ.

— Ахъ, вотъ чѣмъ занимается генералъ Кауфманъ. Какъ онъ смѣетъ безпокоить всякими глупостями своего государя!

Кауфманъ - Туркестанскій получилъ высочайшій приказъ немедленно покинуть царскую ставку.

А въ это самое время угрожаемый и преслѣдуемый агентами Штюрмера, Милюковъ скрывался въ англійскомъ посольствѣ, пользуясь его гостепріимствомъ, а главное его „экстериторіальностью.“

---

11. Назрѣло...

..."Осенью, когда Григорій вернулся въ Петроградъ изъ Покровскаго, мнѣ часто телефонировали откуда съ Гороховой, но слава Богу не заставили. Да и черезъ прислугу сказывалась я, что нѣтъ меня дома. Такъ время шло до декабря. Усиленно чуть ли не каждый день говорили про убійство Григорія. Я поняла, что это не можетъ быть пустымъ звукомъ и что-то дѣйствительно назрѣло. За три дня до смерти Григорія, мнѣ опредѣленно сказали, что его уже не существуетъ.

Проѣзжая мимо дома на Гороховой, я изъ за любопытства заглянула и нарвалась на самого Григорія. Онъ былъ озабоченъ чѣмъ-то и не обращалъ вниманія на окружающихъ. Даже ко мнѣ противъ своего обыкновенія былъ равнодушенъ, чѣмъ однако ни капельки не уязвилъ моего женскаго самолюбія. Я тотчасъ же уѣхала съ какимъ-то жуткимъ предчувствіемъ.

Спустя три дня прочла въ газетахъ... Случилось это въ домѣ того человѣка, съ которымъ познакомила Григорія Муня. Она-же, по слухамъ, уговаривала старца ѣхать вечеромъ на Мойку. Старецъ закочевражился, показывая, что никто ему не нуженъ и хотѣлъ онъ плевать на всѣхъ. А Муня уговорила. И вотъ...

Два дня мучила непоборимое любопытство. Два дня

я крѣпилась, но когда извозчикъ повезъ меня съ „бѣговъ“ мимо дома Григорія, то силъ моихъ нехватило, я прямо вбѣжала въ его квартиру. Всѣ были въ застывшихъ позахъ. Дочки его Мара и Варя осунулись, поблѣднѣли, бормоча одно, что найдутъ трупъ отца и уѣдутъ къ себѣ.

Мара заявила, что она не ожидала такого „нахальнаго“ поступка отъ великаго князя. И собственно, чѣмъ отецъ ихъ могъ обидѣть князя и вызвать такую злобу? Во всякомъ случаѣ, это не княжеское дѣло.

Тутъ Варя вмѣшалась.

— А я то дура, только и думала, какъ бы выйти замужъ за князя.

Мара была невѣстою офицера по фамиліи П. Женихъ былъ грузинъ и особенно полюбился старцу за то, что въ день, когда сдѣлалъ предложеніе Марѣ, Григорій поѣхалъ съ нимъ въ веселый домъ и, какая мерзость!—самъ выбралъ ему женщину. Послѣ этого старецъ вездѣ громогласно кричалъ:

— Я его къ бабѣ свезъ, наиздѣвался надъ его тѣломъ, но духъ его, духъ его не убилъ и онъ смирился. Вотъ и есть онъ человѣкъ...

Эта фраза характерна для Григорія. Мнѣ онъ ясно высказалъ свой взглядъ на плоть человѣческую, но я далека отъ мысли, чтобы онъ стремился „убивать“ ее въ самомъ себѣ. Наоборотъ, свою плоть онъ весьма холилъ и всѣхъ заставлялъ ее признавать.

Григорій былъ доволенъ еще и тѣмъ, что женихъ Мары грузинъ. Старецъ любилъ грузинское общество и не разъ кутилъ въ немъ до потери сознанія. Эти вечеринки носили разнузданный характеръ. Ѣлось и пилось обильно. Затѣвались танцы, пѣніе и средь этого разгула кощунственно звучали духовныя пѣсни. Коробило даже невѣрующихъ...

Вотъ всѣ эти комнаты! Чего онѣ только не видѣли и сколько здѣсь поперебывало всякаго люда, аван-

тюристовъ, просителей. И все это померкло, опустѣло, знанавѣски спущены. Домашніе, отодвигая ихъ, выглядывали въ окна.

Дочки вздыхали.

— Что сдѣлалъ этотъ князь! Ни себѣ ни отцу... И отца убилъ и ему будетъ худо. Никому ничего хорошаго. Кому нужна смерть этого святого человѣка? Пройдетъ много лѣтъ, поймутъ люди свою ошибку, откроютъ мощи старца и будутъ плакать отъ зари до зари...

У меня было такое чувство, словно среди насъ покойникъ. Да такъ оно и было. „Вошла я въ этотъ домъ чужая, ни съ кѣмъ не поздоровавшись, молча послушала, посмотрѣла, такъ и ушла, никому ничего не сказавъ. Да и на меня никто не обратилъ вниманія, такъ велико было ихъ горе“.

Вотъ что внесла въ свой дневникъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Сандра Беллини. И если нея у артистки, далекой отъ всякой политики, была въ душѣ смутная тревога, то что же было у тѣхъ, кто ближе соприкасался и съ войною и съ общимъ круговоротомъ событій?

Такихъ мучительныхъ настроеній въ обществѣ не было за все послѣднее царствованіе.

Александра Федоровна съ камарильей держала себя вызывающе, какъ ни когда. Что ни шагъ, что ни поступокъ—новый дерзкій вызовъ всѣмъ и вся.

Высылка въ деревню княгини Васильчиковой, отважившейся написать царицѣ правдивое письмо, революціонизировала даже самый, казалось—бы, монархическій великосвѣтскій кругъ.

Великій князь Николай Михайловичъ, собравъ семейный совѣтъ, написалъ горячее, сильное письмо государю, убѣждая его немедленно пойти навстрѣчу самымъ широкимъ конституціоннымъ упованіямъ страны и удалить Распутина. Письмо, скрѣпленное подписями всѣхъ остальныхъ великихъ князей, отправлено было

въ ставку, а на поляхъ его Николай карандашемъ положилъ свою знаменитую резолюцію:

„Никому не позволяю вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла."

Маячила какая-то робкая надежда, что шестого декабря въ день своихъ именинъ, царь, пріѣхавши въ Думу, объявилъ отвѣтственное министерство. И всѣ трепетно ждали.

А въ отвѣтъ—неслыханная награда Питириму, оберъ-камергерскіе ключи клейменому измѣннику Штюрмеру и самая свирѣпая „Протопоповщина".

Говорили, что Распутинъ требовалъ сапаратнаго мира съ нѣмцами и въ двадцатыхъ числахъ декабря миръ долженъ быть подписанъ обѣими сторонами.

Но катастрофа въ Юсуповскомъ дворцѣ на Мойкѣ сорвала постыдную сдѣлку между Вильгельмомъ и Николаемъ, сдѣлку, которая на вѣки-вѣчные запятнала-бы Россію великимъ позоромъ.

И всѣ поняли, что Распутинъ это—первое предостереженіе, что за нимъ должна послѣдовать царица.

Уже говорили о какихъ-то покушеніяхъ на Александру Федоровну, о томъ, что офицеръ съ громкимъ историческимъ именемъ ранилъ ее и самъ былъ изрубленъ палашами дежурившихъ во дворцѣ кавалергардскихъ солдатъ. По другимъ версіямъ, Александра Федоровна осталась невредимою, и пуля, предназначенная ей, угодила въ плечо Вырубовой.

Такъ, или иначе, было это, или ничего не было, а только все общество снизу до верху одно и то же думало: что злой геній Россіи,—молодая царица, что Николай—игрушка въ ея рукахъ и для блага страны необходимо ее какъ-нибудь „обезвредить".

На эту же самую тему говорила Сандра Беллини съ Гарновскимъ. Они сидѣли за чаемъ въ маленькой, уютной столовой на Караванной. Тѣмъ болѣе уютной, что по капризу архитектора, комната безъ оконъ освѣ-

щалась сквозь стеклянный плафонъ верхнимъ свѣтомъ. И что-то мягкое, призрачное струилось и наполняло комнату чрезъ матовыя, запорошенныя снѣгомъ стекла.

Гарновскій только надняхъ пріѣхалъ съ позицій. Потому лишь могъ вернуться въ Петроградъ, что не стало въ живыхъ Распутина. Пока существовалъ на бѣломъ свѣтѣ Гриша, въѣздъ въ столицу капитану Гарновскому былъ воспрещенъ.

Пытался онъ,—имѣя на это полное право,—хлопотать объ отпускѣ. Однако, ближайшее начальство, тамъ-же въ дѣйствующей арміи, заявило ему, что двухнедѣльный отпускъ всегда къ его услугамъ, но только не для поѣздки въ Петроградъ. А межъ тѣмъ, Гарновскаго неудержимо тянуло именно въ Петроградъ и только въ Петроградъ. Тянуло видѣть Сандру, говорить съ нею, любоваться лѣнивой томностью движеній.

И вотъ онъ сидитъ съ нею, ихъ раздѣляетъ квадратный столъ и онъ смотритъ въ узкіе, восточные глаза и, такъ какъ свѣтъ падаетъ сверху, то тѣни длинныхъ рѣсницъ дрожатъ на матовыхъ, нѣжныхъ щекахъ. Вся такая—же, что и нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Только онъ видѣлъ ее послѣдній разъ тогда въ бѣломъ купальномъ халатѣ и она казалась еще смуглѣе.

Вотъ онъ перемѣнился немного. Заострились крупныя черты и обвѣяны студенымъ вѣтромъ, — цѣлые дни приходилось бывать на морозѣ.

— Я до того отчаялся когда-нибудь пріѣхать сюда, увидѣть васъ, что не вѣрю глазамъ. Неужели это мы сидимъ здѣсь въ столовой и я слушаю вашу рѣчь и мы пьемъ чай изъ этого маленькаго самовара, маленькаго и это сообщаетъ особенный интимный уютъ? Я васъ увижу и завтра и послѣ завтра и не надо будетъ вставать среди ночи и, застегнувъ бекешу, и поднявъ воротникъ, итти провѣрять заставу. Хорошо, словъ нѣтъ, я люблю эту жизнь, но она хороша, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ хоть на пару дней вернешься

къ обычнымъ культурнымъ условiямъ. Подумать только, что я не могъ бы ни теперь, ни черезъ полгода прiѣхать, будь старецъ въ здравомъ умѣ и свѣжей памяти. Неумытый конокрадъ, а дѣлали изъ него высочайшую особу. Теперь всѣ его приспѣшники, даже мой другъ Хабаловъ, такъ растерялись. Въ комендантскомъ никто и вниманiя не обратилъ на мое появленiе... Все кипитъ во мнѣ, а туда на фронтъ къ намъ постоянно доходили все новые и новые кошмары отсюда... Чѣмъ труднѣе становилось дышать, тѣмъ чаще въ связи съ этимъ повторялось имя Александры Федоровны и, въ концѣ концовъ, я ее такъ возненавидѣлъ,—самъ себя не узнаю... Неужели это я, неужели десять лѣтъ назадъ я, Гарновскiй, готовъ былъ принести себя въ жертву этимъ людямъ? А теперь, теперь я самъ убилъ-бы ее, рука не дрогнула. Кѣмъ они себя окружаютъ? Протопоповъ... какая гадина!..

— Я его видѣла, усмѣхнулась чуть-чуть Сандра,— противный, что-то вкрадчивое, лисье. Говорятъ, онъ дѣлаетъ карьеру на памяти старца и самъ хочетъ въ старцы. Вѣдь, онъ теперь бываетъ въ Царскомъ запросто, какъ свой человѣкъ. Однажды входитъ и, видя государя съ государынею, начинаетъ креститься, притворяясь какимъ-то жалкимъ трясущимся юродивымъ.

— Что съ вами Александръ Дмитрiевичъ? — спрашиваетъ государь.

— „Ваше величество, мнѣ почудилась между вами и ея величествомъ фигура Христа“.

И вотъ всѣ говорятъ про него—глупый, глупый. Можетъ быть и глупъ, а лукавства, однако, хватаетъ... И подлости...

— И этотъ человѣкъ правитъ Россiей! Стыдно за нее, за себя, стыдно передъ союзниками. Прiѣзжали къ намъ въ полкъ французскiе офицеры Такъ, честное слово, мы избѣгали имъ въ глаза смотрѣть. Неужели не хватитъ у насъ и мужества и силъ стряхнуть весь этотъ позоръ? Вѣдь мы, армiя, не пой-

демъ на сепаратный миръ. А, между тѣмъ, усиленно опять говорятъ. Не удалась первая попытка, свои услуги Протопоповъ предложилъ. Онъ хочетъ увеличить голодные хвосты, спрятать хлѣбъ, вызвать бунтъ и, подъ предлогомъ подавленія революціи, отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ...

— Да, съ хлѣбомъ цѣлое несчастье! Моя прислуга часами ждетъ очереди. И то иногда возвращается съ пустыми руками. Ахъ, Гарновскій, вы простите, что я васъ такъ называю, Гарновскимъ,—это наша аристическая манера, чуетъ мое сердце, надвигается что-то большое, тревожное. Кстати, какъ вашъ другъ, князь Хвалынцевъ относится къ событіямъ? Онъ все еще здѣсь?..

— Здѣсь. Онъ до сихъ поръ еще не можетъ оправиться отъ контузіи и, хотя глазъ пересталъ мигать, однакоже, возвращаться въ окопы не позволяетъ здоровье. Онъ перешелъ въ Главный Штабъ. Ему предлагаютъ ѣхать военнымъ агентомъ въ Испанію. Да, такъ вы спрашиваете, какъ онъ смотритъ? Федя всегда былъ монархистомъ, хотя, какъ Рюриковичъ и относится свысока къ Романовымъ, видя въ нихъ выскочекъ... И эти два чувства уживались въ немъ до самаго послѣдняго времени. А теперь онъ прозрѣлъ, и послушайте, что говоритъ Федя Хвалынцевъ.! У вашего покорнаго слуги пелена спала значительно раньше. Странная психологія. Иногда какой-нибудь толчокъ съ виду незначительный и, то, что казалось незыблемымъ, монументальнымъ, какъ Хеопсова пирамида, летитъ кувыркомъ.

Помню, это было назадъ лѣтъ шесть. Я охотился въ Лифляндской губерніи, со мною былъ мѣстный охотникъ-латышъ. Я имѣлъ разрѣшеніе,—тамъ, вѣдь, все баронское и шагу не ступишь безъ ихъ соизволенія. Феодалы.! Такъ вотъ, въ жаркій августовскій день купались мы въ рѣкѣ Виндавѣ. Латышъ мой раздѣлся и этакъ, бокомъ-бокомъ, идетъ въ воду, спину прячетъ. Я заинтересовался. И вижу,—вся спина въ страшныхъ

рубцахъ. Іероглифы какіе-то. Рубцы глубокіе, хаотическіе. Такое впечатлѣніе, словно кусками рвали мясо, а потомъ все это зажило. Я не удержался. „Что это у васъ такое“?—спрашиваю. Старикъ покраснѣлъ, отвернулся и пробормоталъ: Это девятьсотъ пятый годъ“. Вы понимаете весь ужасъ этого лаконизма? Девятьсотъ пятый годъ! Вотъ какъ писалась проклятая исторія проклятаго девятьсотъ пятаго года. Іероглифами—на человѣческихъ спинахъ. И мнѣ представилась экзекуція. Пьяные уланы ея величества сѣкутъ латышей, а пьяный Орловъ, звѣрѣя все больше и больше, поддаетъ жару. А потомъ протяжное: „Садись!“ Эскадронъ отправляется на очередную гастроль въ слѣдующіе баронскія имѣнія, Орловъ командуетъ: „Пѣсенники впередъ!“ и они поютъ „Саша, мой милый Саша“. А дальше—новыя экзекуціи, новыя жестокости. Почему, зачѣмъ? Потому, что этого пожелалъ Вильгельмъ, а, слѣдовательно, пожелала наша царица-нѣмка. И вотъ посылаются вооруженные нагайками, веревками и винтовками уланы, кирасиры, мятежные матросы, которымъ обѣщано было помилованіе. Позорная страница! И когда я расшифровалъ въ этотъ солнечный день на фонѣ быстро бѣгущей рѣки эти человѣческія іероглифы на спинѣ старика, я, выкупавшись, вышелъ изъ воды уже совсѣмъ другимъ человѣкомъ. А событія послѣднихъ двухъ лѣтъ, все что видѣлъ и слышалъ, все это никакъ ужъ не могло вернуть меня къ моему прежнему поручичьему міросозерцанію. Я хочу, сплю и вижу, чтобъ совершился переворотъ. И если-бъ нашелся бы сильный человѣкъ, я примкнулъ бы къ нему однимъ изъ первыхъ. Довольно держали насъ въ гипнозѣ присяги! Довольно!.. Я присягалъ не только ему, но и на вѣрность Россіи. А если онъ губитъ Россію, которая мнѣ дороже одного человѣка, я самъ себя разрѣшаю отъ присяги...

---

12. Революцiонная сказка.

Отъ этихъ всадниковъ на сытыхъ лошадяхъ, въ черныхъ шинеляхъ и шапкахъ съ султанами, толпу раздѣляло пространство въ нѣсколько десятковъ шаговъ. И чувствовалось, что оно, это пространство, медленно, зловѣще уменьшается. Между конными городовыми и толпою рабочихъ остановился,—ни взадъ ни впередъ, вагонъ трамвая. Публика быстро, боязливо очистила его, шмыгнувъ на панель и, давай Богъ ноги!..

Даже кондукторъ исчезъ. Остался вожатый, нерѣшительно положившiй руку свою въ громадной кожаной перчаткѣ на рычагъ. Землисто-блѣдный, худо одѣтый рабочiй подскочилъ къ вожатому:

— Товарищъ, ты тоже человѣкъ, бросай! Видишь, Протопоповъ намъ хлѣба не даетъ. Голодаемъ! Бастуй же и ты!..

Вожатый нерѣшительно мялся.

— Да я что-жъ, я какъ и всѣ... Да и куда теперь ѣхать...

— Э что-жъ съ нимъ тутъ долго разсосуливать, вскричалъ какой-то подростокъ и, вспрыгнувъ на площадку, вытащилъ рычагъ и сунулъ его въ карманъ, такой же расползающiй, какъ и все пальто. Вожатый остался одинъ.

Подумавъ, онъ слѣзъ съ виноватой улыбкой и очутился гдѣ-то въ сторонкѣ въ качествѣ зрителя.

Дзынь... со звономъ разбилось стекло и на промерзшую мостовую посыпались осколки. Вагонъ безъ

людей и прислуги, съ двумя разбитыми окнами, принялъ сразу видъ чего-то заброшеннаго, забытаго.

И этотъ вагонъ островкомъ былъ средь человѣческаго моря. Толпа, — мужчины и дѣти, женщины въ платкахъ, все уменьшала и уменьшала растояніе между собою и городовыми.

Всадники бросали въ толпу изъ подъ жестокихъ усовъ:

— Расходитесь, расходитесь, господа. Не велѣно собираться, не порядокъ! Просимъ честью, расходитесь!..

Женщины, испитыя зеленовато-блѣдныя, потрясаемыя голодною злобою въ судорогахъ, изступленно кричали у самыхъ лошадиныхъ мордъ:

— Хлѣба! Хлѣба дайте намъ!..

— Фараоны, ишь гладкіе мордастые, хорошо имъ!..

Городовые съ высоты своихъ сѣделъ смотрѣли внизъ съ такимъ спокойнымъ презрѣніемъ.

— Глупые, откуда мы вамъ хлѣба возьмемъ?

— Осади назадъ, осади!..

— Разбойники, христопродавцы!—выплевывали женщины вмѣстѣ со слюной—у нихъ, поди, въ участкахъ припрятано, а народъ голодаетъ! Третьи сутки дежуримъ, нѣтъ хлѣба, прячутъ хлѣбъ, чтобъ народъ морить...

— Товарищъ, пойдемъ на Невскій, будемъ кричать, во всю глотку что рабочіе люди съ голоду пухнутъ!..

Всадники второй шеренги влились въ первую и лошадиная гуща поперекъ улицы, отъ края до края, стала непроницаемой. Даже на панель въѣхали городовые.

А толпа все сильнѣе и сильнѣе напирала и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, женщины были рѣшительнѣе мужчинъ. Опьяненныя, легко вспыхивающія истеріей, онѣ дрожащими пальцами разстегивали свои холодные жакеты, разрывали кофты и, обнажая тощую дряблую грудь, вопили:

— Стрѣляйте, фараоны, черти проклятые, все равно помирать!..

Яснымъ февральскимъ днемъ эта сцена происходила на Большой Дворянской улицѣ. Она не была одинокой. Такое-же было на окраинахъ Петроградской стороны, Выборгской, на Васильевскомъ островѣ, на Охтѣ, Обводномъ каналѣ, у Нарвской заставы.

И повсюду толпа рабочихъ и женщинъ хотѣла пробиться на Невскій и кричать на этой широкой, богатой, съ нарядными магазинами улицѣ, что ей не даютъ хлѣба. Но конные городовые не пропускали толпу.

И хотя власти къ этому готовились и на крышахъ стояли уже пулеметы съ дежурившими городовыми, которымъ, какъ во время осады, старшіе дворники приносили тайкомъ ѣду,—никто и менѣе всего сами власти во главѣ съ Протопоповымъ, не думали и не гадали, что эти одинокія вспышки голоднаго бунта приведутъ черезъ нѣсколько дней къ революціи и окажутся безсильны въ борьбѣ съ нею и грозные всадники въ черныхъ шинеляхъ и взятые съ фронта, угнѣздившіеся на крышахъ и колокольняхъ пулеметы,

Въ это время чья-то невидимая рука уже писала новую странцу великой міровой исторіи.

И не подозрѣвалъ этого кликушествующій Протопоповъ, увѣрявшій Николая что зальетъ Петроградъ кровью, а успокоитъ волненіе, не подозрѣвалъ самъ Николай въ своей ставкѣ, никудышный и чужой средь лихорадочной дѣловой атмосферы, спаиваемый алкоголикомъ Ниловымъ и Воейковымъ.

И менѣе всего подозрѣвали, что они творятъ новую исторію отечества своего тѣ самые рабочіе и солдаты, что вышли на улицу въ понедѣльникъ утромъ послѣ кроваваго Воскресенья.

И въ этомъ хаосѣ никто ничего не зналъ, что будетъ черезъ часъ, черезъ мгновенье. Рабочіе ожидали

съ минуты на минуту лихой атаки. Братавшіеся съ ними солдаты не знали, какой батальонъ за царя, какой противъ него.

Уже средь яснаго морознаго утра горѣлъ Окружный Судъ. Толпа громила Арсеналъ, а собравшіеся въ Государственной Думѣ депутаты все еще не знали, получатъ они власть, или будутъ разстрѣляны, какъ мятежники. И когда стройною колонною подходили къ Таврическому дворцу Волынцы, никто не могъ сказать, зачѣмъ они идутъ. Охранять новое, пока еще самозванное Правительство, или арестовать его?

И когда Гучковъ, съ Шульгинымъ поѣхали въ ставку предложить Николаю отречься, оба не знали вернутся-ли они оттуда. И менѣе всего ожидалъ царь, что Гучковъ будетъ склонять его къ отреченію, тотъ самый Гучковъ, котораго онъ терпѣть не могъ и всегда называлъ „младотуркомъ“.

Событія наростали съ бѣшеной сказочной быстротой, да и все это было похоже на сказку.

Развѣ не былъ сказкою судорожно метавшійся царскій поѣздъ? И что въ Большой Дворецъ вошли солдаты и арестовали Александру Федоровну, пять шесть дней назадъ лѣпившую изъ Россіи, какъ изъ воска все что хотѣла эта полубезумная истеричка? И развѣ не былъ сказкою красный флагъ, трепетавшій надъ Петропавловской крѣпостью, этой россійской Бастиліей?..

Только городовые, неумѣло стрѣлявшіе изъ пулеметовъ съ чердаковъ и думавшіе отсидѣться, не вѣрили, не хотѣли вѣрить въ сказку.

Послѣдней цитаделью стараго режима, послѣдней агоніей его было Адмиралтейство, гдѣ, подобно городовымъ, думали отсидѣться грубый Хабаловъ и военный министръ Бѣляевъ, прозванный «Адамовой головою».

Блѣдный, съ горящими глазами и охрипшимъ голо-

сомъ, гвардейскій капитанъ въ англійской фуражкѣ велъ на Адмиралтейство цѣпи сѣрыхъ шинелей.

— За мной ребята! — кричалъ онъ, такъ-же точно, какъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда водилъ свою роту на германскія окопы.

Адмиралтейство сдалось и капитанъ арестовалъ жалкихъ, перепуганныхъ умолявшихъ пощадить имъ жизнь,—Бѣляева и Хабалова.

Особенно перетрусилъ Хабаловъ, узнавъ въ арестующемъ его офицерѣ Гарновскаго.

Послышался подхалимческій, дрянной, заикающійся лепетъ:

— Ради Бога, пощадите меня. Ради Бога! Я тогда не виноватъ былъ, я маленькій человѣкъ, мнѣ приказали, если-бъ я не выслалъ, я лишился бы мѣста...

— Полноте генералъ, я не изъ тѣхъ, которые сводятъ личные счеты! Поѣдемте лучше въ Думу!..

А тамъ... тамъ не разстрѣляютъ меня?..

— Успокойтесь. Новая Россія будетъ щадить кровь своихъ гражданъ, хотя бы и такихъ, какъ вы, генералъ!..

Три дня и три ночи Гарновскій не ложился спать, толкомъ не пообѣдалъ, не позавтракалъ, а если и сидѣлъ, то развѣ лишь въ автомобилѣ. Это былъ революціонный угаръ, такой-же, какимъ было охвачено все, до Государственной Думы включительно, этого центра и мозга новой Россіи, гдѣ засѣдало Временное Правительство, гдѣ уже начиналась борьба за власть, гдѣ Нахамкесы уже сочиняли свой предательскій приказъ № 1, куда привозили арестованныхъ министровъ и гдѣ чрезъ щетину штыковъ проходили снятые съ крышъ городовые и жандармскіе офицеры въ штатскомъ.

Сквозь весь этотъ хмѣль, такой бодрящій, здоровый, до нечеловѣческаго напряженія взвинчивавшій нервы, Гарновскій самъ не отдалъ бы отчета, въ какой именно работѣ прошли для него эти первые дни.

Его куда-то выбирали, онъ получилъ нѣсколько

должностей. На клочкахъ бумаги писалъ какія-то удостовѣренія, пропуски. Взялъ два „непріятельскихъ" пулемета перехватилъ автомобиль, на которомъ спѣшилъ скрыться въ Финляндію видный черносотенный бюрократъ. Онъ ставилъ караулы возлѣ банковъ, музеевъ и поминутно задерживалъ погромное хулиганье. И все это наспѣхъ, наспѣхъ, словно въ горячечномъ бреду какомъ-то.

Онъ привезъ въ Думу Хабалова и сдалъ его бритому, худому, съ горящими глазами Керенскому.

Вчерашній хозяинъ Петрограда очутился узникомъ министерскаго павильона. Капризомъ той-же самой революціонной сказки вчерашніе министры были арестованы, и заключены въ свой-же министерскій павильонъ, гдѣ они совѣщались, отдыхали передъ выступленіями въ Думѣ.

У дверей длиннаго корридора стояли громадные преображенцы съ винтовками. А въ концѣ пустыннаго, зловѣще пустыннаго корридора—завѣтная дверь. Тамъ за этой дверью, на мягкихъ диванахъ сидѣли жалкіе, растерянные, приниженные сановники, только вчера еще повелѣвавшіе страною, которая занимала почти двѣ части свѣта.

Штюрмеръ, второпяхъ оставившій гдѣ-то обѣ свои челюсти за одно съ усыпанными брилліантами оберъ-камергерскими ключами, шамкалъ что-то Манасевичу-Мануйлову. Бывшій секретарь его чувствовалъ себя здѣсь какъ дома, гладко выбритый, улыбающійся, забросивъ ногу на ногу, сидѣлъ на подлокотникѣ тяжелаго кресла въ позѣ Мефистофеля Антокольскаго-держа въ зубахъ янтарный мундштучокъ съ длинной папиросой...

Сдавъ Хабалова Керенскому, Гарновскій задержался въ громадномъ залѣ, гдѣ окруженный солдатами высокій, съ гетманскимъ профилемъ Родзянко грохоталъ что-то густой октавой своею.

И вотъ средь сѣрыхъ шинелей и конвойныхъ, Гарновскій увидѣлъ растерзанную даму въ персиковомъ платьѣ подъ разпахнувшимся манто. И онъ узналъ Бекманшу. Она бросилась къ нему и щебечущей скороговоркою, такой понятной въ салонѣ. въ гостиной и такой чуждой здѣсь, въ этомъ революціонномъ хаосѣ, по французски:

— Мосье Гарновскій. заступитесь! Вы понимаете,— недоразумѣніе. Я мученица! У насъ былъ маленькій обѣдъ и вотъ ворвались и прямо съ обѣда, со вчерашняго дня... Это ужасно. Я невиновата ни въ чемъ. Если у меня бывалъ старецъ, это не значитъ, что я шпіонка. Онъ у всѣхъ бывалъ. Меня обвиняютъ въ шпіонствѣ. Вы заступитесь? Вы скажете, что я чиста? Видитъ Богъ я чиста! А если у меня нашли переписку...

Гарновскій вспомнилъ кабинетъ съ цыганами, вспомнилъ, какъ лежа на диванѣ пьяная Бекманша болтала ногами въ шелковыхъ ажурныхъ чулкахъ...

— Я ничего не могу для васъ сдѣлать. Ничего. Если ваша невиновность обнаружится, васъ выпустятъ..

Осѣненный вдругъ чѣмъ-то, Гарновскій, спѣшно протискиваясь черезъ толпу, отыскалъ на дворѣ свой служебный автомобиль и помчался на Караванную. Онъ теперь только вспомнилъ про Сандру Беллини. Гдѣ она, что съ нею! Въ такое время мало-ли что можетъ случиться. И сердце его билось нетерпѣніемъ и онъ бранилъ себя, какъ это за все время онъ ни разу не вспомнилъ... Но что-жъ дѣлать, если все, что не революція—казалось ему такимъ незначительнымъ блѣднымъ, маленькимъ. А теперь, когда первый подъемъ слегка уже угасъ матовое лицо съ восточными, узкими глазами и чѣмъ-то лѣнивымъ, какъ будто соннымъ, стало опять ему дорогое, милое....

Путь на Караванную казался,-безъ конца краю, хотя шофферъ—солдатъ, не прошло и пяти минутъ остановилъ машину у подъѣзда Сандры.

Единымъ духомъ взбѣжалъ Гарновскій на чертвертый этажъ. Позвонилъ, услышалъ черзъ дверь, опасливый голосъ прислуги:

— Кто тамъ?..

Это я, капитанъ Гарновскій! Впустите!

— Гдѣ барыня?—спросилъ онъ въ передней.

— Ушли, обѣщали къ завтраку быть и на были. Съ утра ужъ изъ дому. Не случилось ли чего, спаси Богъ. На Невскомъ весь день шла пальба. Да и вотъ...

И дѣйствительно послышалось нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ.

— Пустяки. Просто, барыня задержалась гдѣ нибудь,—молвилъ офицеръ, самъ же другое думая: а что если несчастье? Шальная пуля... Онъ самъ видѣлъ двухъ случайно застрѣленныхъ женщинъ...

Онъ рѣшилъ остаться. Сжигаемый нетерпѣніемъ, ходилъ взадъ и впередъ по гостинной и отовсюду: изъ рамъ, со стѣнъ, съ мольбертовъ смотрѣли на него портреты Сандры, то улыбающейся, то меланхоличной, и чудовищной казалась мысль, что она уже никогда не войдетъ въ эту заставленную всякой всячиной гостиную, или... ее внесутъ обезображенную, въ крови...

Звонокъ, рѣзкій, властный, хозяйскій. Офицеръ самъ бросился къ дверямъ. Артистка вошла сіяющая, и хотя это сіяніе было само по себѣ, такъ какъ она не знала, что застанетъ у себя Гарновскаго, но все же Беллини шумно обрадовалась ему.

—Милый Гарновскій, гдѣ вы пропадали? Я не только вспоминала васъ, но и скучала... Хороша, весело! Хочется жить! Вы рады, Гарновскій всему этому, рады?-спросила она какъ-то по дѣтски и съ дѣтской улыбкою.

— Радъ ли я? Вспомните нашу бесѣду въ декабрѣ, послѣ убійства Гришки... Колдунъ какой-то. Самъ сгинулъ, и все чѣмъ онъ жилъ вслѣдъ за нимъ прахомъ пошло...

— А я ногъ подъ собою не чую, ходила, смотрѣла.

сколько впечатлѣній! Устала, измучилась, - тѣломъ, а душа, душа такъ и поетъ... Гарновскій, снимите съ меня жакетъ. Видите, попроще одѣлась.

Онъ долго снималъ жакетъ. Руки дрожали. А потомъ. бросивъ его на диванъ и не отпуская Сандры, обнялъ ее. Молодая женщина запрокинула голову, не отнимая полураскрытыхъ губъ...

А гдѣ-то совсѣмъ близко затрещалъ пулеметъ .Но ни Гарновскій ни Сандра не слышали этого треска...

13. Конецъ барона Манергейма

Съ того дня, какъ въ большой губернскій городъ прибыла изъ Франціи партія добровольцевъ, которыхъ губернаторъ встрѣтилъ. „Ну что сукины дѣти", прошло много времени.

За это время баронъ Манергеймъ получилъ камергера и получилъ бы вскорѣ еще и гофмейстера, не пресѣкись такъ внезапно жизнь благодѣтеля его Григорія Ефимовича. Баронъ Манергеймъ оплакалъ старца и будучи, вообще, ханжею въ духѣ офиціально—поповскаго православія, чуть ли не каждый день заказывалъ въ соборѣ панихиду, выслушивая ее со скорбнымъ видомъ и въ раззолоченномъ мундирѣ.

Губернаторъ поносилъ великаго Князя Дмитрія Павловича, Юсупова, Пуришкевича.

— Негодяи! Пролить святую, невинную кровь. Не даромъ Ея Величество, ужъ на что кажется ангелъ во плоти, даже она требовала для убійцъ полевого суда..

За это время губернаторша успѣла нарисовать акварелью нѣсколько десятковъ пейзажей, цвѣтовъ и натюрмортовъ. И какъ всегда была румяная и здоровая-кровь съ молокомъ.

За это время, не мало разъ обѣдали, ужинали,

завтракали въ гостепріимномъ губернаторскомъ домѣ военноплѣнные германскіе офицеры. Вообще, имъ хорошо жилось въ предѣлахъ „воеводства" барона Манергейма. А сколько еще было такихъ же воеводствъ на Руси, гдѣ припѣваючи жили прусскіе, баварскіе саксонскіе, баденскіе и вюртембергскіе офицеры? Нѣкоторые изъ нихъ еще зашибали деньгу, держа собственные гостиницы, рестораны, кофейныя.

Вотъ только плохо жилось добровольцамъ. Прошелъ годъ, можетъ и больше, а они все пребывали на положеніи плѣнниковъ. И никакъ не могли добиться, чтобъ ихъ освободили. Всѣ хлопоты и даже прошенія на высочайшее имя не привели ни къ чему. Баронъ Манергеймъ ославилъ ихъ мятежниками, революціонерами, выпустить которыхъ на волю-,это самый вѣрный способъ, вездѣ и повсюду распространить самую что ни на есть пагубную и тлѣтворную заразу.

И вольные стрѣлки, горѣвшіе такимъ пламеннымъ желаніемъ поскорѣе вступить на русскую землю, чтобъ драться противъ нѣмца, кто въ польскомъ легіонѣ, кто вмѣстѣ съ латышами, кто—гдѣ придется, жили подъ конвоемъ, въ грязной, запущенной казармѣ спали на голыхъ нарахъ.

Двое зачахли, въ концѣ концовъ угаснувъ, какъ угасаютъ свѣчи, которымъ нечѣмъ больше горѣть. Одинъ покончилъ самоубійствомъ. Журналистъ Кегичъ пробовалъ писать въ мѣстной газетѣ, но его писаніе не понравились губернатору и онъ былъ высланъ этапнымъ порядкомъ куда-то на сѣверъ Вятской губерніи и больше объ немъ—ни слуху, ни духу.

Латышъ Габерфельдъ давно уже успѣлъ оправиться отъ своей контузіи. Исчезла глухота, вернулся даръ слова и вмѣстѣ съ этимъ красивое, продолговатое лицо съ большими глазами утратило каменную неподвижность. Габерфельдъ вмѣстѣ съ полякомъ Жизновскимъ сдѣлалъ однажды попытку къ бѣгству, но ихъ

поймали за городомъ и подъ сильной стражею, вновь водворили въ казарму, пригрозивъ, что еще малѣйшій такой же поводъ —и бѣглецовъ, по военному времени, безъ всякихъ лишнихъ словъ разстрѣляютъ Жизновскій худѣлъ, нервничая, и нервничалъ, худѣя.

— Россія, будь она проклята, была осталась и вѣроятно, останется страною москалей и нѣмцевъ! И даже война ничему ее не научила. Габерфельдъ, стоилсли намъ сюда возвращаться?..

— Не стоило,—угрюмо соглашался Габерфельдъ;— но кто же думалъ, что такъ будетъ? Я думалъ, что вернусь туда, къ себѣ. Во Франціи я аккуратнѣе получалъ письма изъ дому, чѣмъ теперь. Я даже не знаю, гдѣ мои родственники? Они теперь подъ нѣмцами. Это все баронъ Манергеймъ! Такой-же негодяй, какъ и его здѣшній братецъ. Десять лѣтъ жизни отдалъ бы, чтобъ отправить на тотъ свѣтъ обоихъ.,.

Но не понадобилось десяти лѣтъ...

На улицахъ Петрограда въ морозный, февральскій день появились толпы солдатъ и, какъ подгнившій колосъ, рухнуло самодержавіе. Полетѣли во всѣ концы страны телеграммы Временнаго Правительства о сверженіи царя и царизма. Многіе изъ губернаторовъ отказываясь вѣрить, задерживали эти телеграммы. Задерживалъ и баронъ Манергеймъ. А съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ слухи окольными путями проникали въ городъ. Уже были очевидцы, на глазахъ которыхъ, тридцать шесть часовъ назадъ, бурлилъ и кипѣлъ Петроградъ новой революціонной жизнью. Городъ заволновался. Появились манифестаціи. Губернаторъ потребовалъ войска для усмиренія, а самъ сидѣлъ въ своемъ замкѣ, охраняемый конными городовыми и жендармами...

Солдаты отказывались стрѣлять въ толпу. Положеніе становилось все тревожнѣй, и опаснѣй.

Встрепенулись и добровольцы въ своихъ казармахъ·

— Выйдемъ всѣ вмѣстѣ!—предлагали Жизновскій и Габерфельдъ.

Въ это время примчался на автомобилѣ полковникъ Эйхенбаумъ. Подъ маской обычнаго, презрительнаго высокомѣрія, пряталъ онъ охватившій его страхъ.

— Городъ на осадномъ положеніи! Чтобъ никто н смѣлъ покинуть казармы! Въ каждаго кто выйдетъ— конвойные будутъ стрѣлять!..

Но видъ конвойныхъ, утратившихъ вчерашнее слѣпое повиновеніе и бросавшихъ на полковника откровенно злобные взгляды, не сулилъ ничего хорошаго для Эйхенбаума. И вдругъ какимъ-то слѣпымъ необъяснимымъ инстинктомъ онъ почувствовалъ, что ему не уйти отсюда живымъ... Эти люди, которыхъ онъ цѣлый годъ угнеталъ, надъ которыми цѣлый годъ всласть издѣвался, не выпустятъ его... Онъ понялъ, что совершилъ ужасное, непоправимое... Надо было прятаться бѣжать, а онъ пріѣхалъ сюда.

Онъ зажмурился, подкашивались ноги...

А съ улицы неслось пѣніе и надъ моремъ головъ трепеталъ красный флагъ, Жизновскій вспомнилъ, какъ за нарисованную на стѣнѣ углемъ каррикатуру на нѣмецкаго лейтенанта, Эйхенбаумъ пригрозилъ ему поркой и назвалъ „поганнымъ полячишкою“.. Жизновскій, выхватилъ у конвойнаго, послушно разжавшаго руки винтовку и ударилъ Эйхенбаума прикладомъ по головѣ.. И хрустнулъ черепъ, такъ же хрустнулъ какъ у баварскаго гвардейца, котораго такъ же точно ударилъ Жизновскій подъ Шарлеруа.

Черезъ минуту добровольцы, вооруженные кто взятыми у конвойныхъ винтовками, шашками и револьверами, кто чѣмъ попало, опьяненные весеннимъ воздухомъ и свободою, кинулись въ городъ. И всѣ очутились у губернаторскаго замка...

Городовые и жандармы сопротивлялись довольно слабо. И не могли, даже если бы хотѣли. Къ осаждающей

замокъ толпѣ примкнуло много солдатъ и выстрѣлами въ упоръ они снимали всадниковъ съ обнаженными шашками. Раненыя лошади закидывались. Топтали ногами людей...

Первыми въ замокъ ворвались Габерфельдъ и Жизновскій съ кучкою своихъ товарищей. Бѣгая по вымершимъ заламъ съ холоднымъ казеннымъ убранствомъ, искали они губернатора. Онъ забился въ ванной комнатѣ, потерявши пенснэ, сжавшись въ ничтожный комочекъ между тростниковымъ кресломъ и мраморной ванной. Нѣсколько рукъ потянулось къ нему, а онъ ловилъ ихъ и, цѣлуя, умолялъ пощадить его. Габерфельдъ схватилъ его за горло, такъ схватилъ, что когда губернатора выволокли на дворъ, онъ былъ уже мертвымъ. И длинный, длиннѣй чѣмъ, при жизни, онъ какимъ-то нелѣпымъ манкеномъ, вытянутой куклою, со свѣсившейся на бокъ головой, переходилъ изъ рукъ въ руки...

А когда въ губернаторской квартирѣ былъ произведенъ обыскъ, найденные документы говорили о томъ, что баронъ Манергеймъ до самой послѣдней минуты находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ зарубежными нѣмцами.....

PERMA-BOUND

Цѣна 2 р. 50 к.

ИЗДАНІЕ

журнала „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ".

Петроградъ, Невскій 88.